

ISSN 2500–3682

**СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

ПОЗНАНИЕ
№ 6 2018 (ИЮНЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
А.В. Романов

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

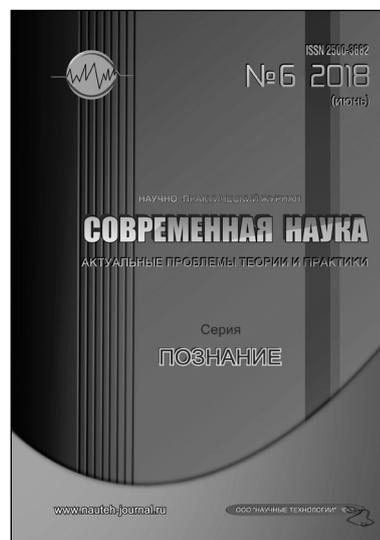
Подписано в печать 12.06.2018 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание № 6 июнь 2018 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(БАК - 09.00.00, 19.00.00, 24.00.00)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 755-1913
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>
<http://www.vipstd.ru/nauteh>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, доктор псих. наук, профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к. экономических наук, доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Вислова Аминат Даняловна — доктор псих. наук, в.н.с. Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований

Воронина Наталья Ивановна — доктор философских наук, профессор Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — доктор искусствоведения, профессор Ярославского государственного педагогического университета им. К. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного института культуры

Кибальченко Ирина Александровна — доктор псих. наук, профессор Южного федерального университета

Кириллова Наталья Борисовна — доктор культурологии, профессор Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — доктор культурологии, доцент Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — доктор псих. наук, доцент Самарского государственного института культуры

Коротких Вячеслав Иванович — доктор философских наук, профессор Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — доктор культурологии, к.и.н., профессор Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — доктор культурологии, ректор Самарского государственного института культуры

Листвина Евгения Викторовна — доктор философских наук, профессор Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — доктор философских наук, профессор Финансового университета при Правительстве РФ

Никольский Сергей Анатольевич — доктор философских наук, зав. сектором Института философии РАН

Овсяник Ольга Александровна — доктор псих. наук, доцент Российского экономического университета им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — доктор культурологии, к. пед. н., доцент Новосибирского государственного технического университета

Пономарева Галина Михайловна — доктор философских наук, профессор МГУ им. М.В.Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — доктор искусствоведения, профессор ВГИКа

Садохин Александр Петрович — доктор культурологии, доцент РАНХиГС

Сгибнева Ольга Ивановна — доктор философских наук, профессор Волгоградского государственного университета

Серов Николай Викторович — доктор культурологии, действительный член Оптического общества им. С. Рождественского

Синягин Юрий Викторович — доктор псих. наук, профессор, заместитель директора «Высшая школа государственного управления» РАНХиГС при Президенте РФ

Сиухова Аминет Магаметовна — доктор культурологии, доцент Майкопского государственного технологического университета

Соловьева Светлана Владимировна — доктор философских наук, доцент Самарского государственного института культуры

Тихонова Анна Юрьевна — доктор культурологии, доцент Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — доктор культурологии, профессор Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — доктор философских наук, профессор Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ, профессор Всероссийского государственного института кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр Михайлович — доктор псих. наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семен Аркадьевич — доктор философских наук, профессор, руководитель Центра истории искусств и культуры Института всеобщей истории РАН

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

- Богданова М. В.** — Прагматические и структурно-семиотические аспекты свадебной ритуальности
Bogdanova M. — Pragmatic and semiotic structure of a marriage ritual 4
- Дивид Н. В., Удалова Е. А.** — Культурологический аспект перевода английских юридических текстов
Divid N., Udalova E. — Culturological aspect of the translation of English legal texts. 9
- Ковтун Г. С., Ефимова В. Л.** — Нормкор: тенденция современной моды или новая идеология?
Kovtun G., Efimova V. — Normcore: the trend of modern fashion or new ideology?..... 15
- Краснова Р. Ю.** — Коллекция тканей мануфактуры А. М. Гандурина, экспонировавшихся на всемирной колумбовой выставке в Чикаго (1893)
Krasnova R. — The collection of Gandurin's fabrics manufactory exhibited at the world's columbian exposition in Chicago (1893). 20
- Крюкова Л. С.** — Язык как инструмент рационального мышления
Kryukova L. — Language as an instrument of rational thinking 26
- Матвеева А. И., Краснов Р. В.** — Влияние информационной культуры на воспроизводство знаковых систем в контексте текста и гипертекста
Matveeva A., Krasnov R. — Influence of information culture on reproduction of significant systems in the context of text and hypertext 29
- Петров И. Ф., Петрова С. И.** — Социокультурная среда как детерминант бытия личности (на примере деятельности учреждений культуры)
Petrov I., Petrova S. — Socio-cultural environment as a determinant of the individual being (by the example of cultural institutions). 32
- Пятникова Т. Р.** — Связь между мирами через обряды, еду
Pyatnikova T. — The link between worlds through customs, food 37
- Самаковская О. В.** — Информационный образ как основа формирования контента сайтов этнографических музеев
Samakovskaya O. — Information form as the basis for formation of the content of ethnographic museum sites 40
- У Лиан** — Мэй Ланфан – выдающийся мастер пекинской оперы
Wu Liyang — Mei Lanfang, a brilliant Peking opera master 46
- Федотова А. А.** — Основные направления сотрудничества художественных музеев России во второй половине XX века: опыт и перспективы
Fedotova A. — The main directions of cooperation between art museums of Russia in the second half of the XX century: experience and prospects. 50

Психология

- Кибальченко И. А., Андрианова Г. Н.** — Конструирование методики «Продолжи задачу» на материале русского языка в начальной школе
Kibal'chenko I., Andrianova G. — The construction of the methodology «Continue the task», based on the material of the Russian language in primary school 58
- Новичихина И. В.** — Философско-психологические взгляды С. Л. Франка
Novichihina I. — Philosophical and psychological views of S. L. Frank 65
- Распопин Е. В.** — Опыт изучения психометрических характеристик теста Сонди
Raspopin E. — Experience of studying psychometric characteristics of the Sondi test. 71
- Сизикова Т. Э.** — От «потенциального» к «актуальному» в конструировании психодиагностического метода «Опросник фокус рефлексии»
Sizikova T. — From «potential» to «actual» in the construction of psychodiagnostic method «Questionnaire focus reflection»..... 77
- Тлемисова А. Д.** — Психологические условия формирования мотивации педагогической деятельности студентов в процессе обучения в вузе
Tlemisova A. — Psychological conditions of formation of motivation of pedagogical activity of students in the process of studying at high school 83

Философия

- Буркова Л. В.** — Основные виды, технологии воздействия на массовое сознание в мире глобальной информатизации
Burkova L. — Main types, technologies of impact on mass consciousness in the world of global Informatization 86
- Судакова Н. Е.** — Инклюзия в поле зрения философской антропологии: на пути к приятию другого/себя как другого
Sudakova N. — Inclusion in the field of view of philosophical anthropology: on the way to receiving other / himself as the other 91
- Шаров К. С.** — Натуральная философия и натуральная теология «Классических схолий» Исаака Ньютона
Sharov K. — Natural philosophy and natural theology of Sir Isaac Newton's «Classical Scholia»..... 94
- Яшонков В. В.** — Современные направления развития межкультурного диалога в ракурсе глобализационных процессов
Yashonkov V. — Modern directions of development of intercultural dialogue in the perspective of globalization processes..... 99

Информация

- Наши авторы. Our Authors. 104
- Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 105

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ И СТРУКТУРНО-СЕМИОТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СВАДЕБНОЙ РИТУАЛЬНОСТИ

PRAGMATIC AND SEMIOTIC STRUCTURE OF A MARRIAGE RITUAL

M. Bogdanova

Summary. The paper deals with the pragmatic, semiotic, and structural aspects of a marriage ritual determined by its belonging to the rites of passage. The author reveals its origin and connection with a sacred marriage rite, analyzes concrete examples of different symbolic components of a marriage ritual, studies its discursive and relational framework.

Keywords: marriage ritual, symbolic system of a ritual, symbolic action, origin of a marriage ritual.

Богданова Мирра Витальевна

*Аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ
mirrabogdanova@gmail.com*

Аннотация. В статье описываются различные прагматические и структурно-семиотические аспекты свадебного ритуала, приводятся примеры свадебной ритуальности, раскрывается его генезис и значимость в социокультурной жизни человечества. Рассматривая свадебный ритуал как ритуал перехода, автор анализирует символические компоненты типичные для различных фаз ритуала.

Ключевые слова: свадебный ритуал, символическая структура ритуала, символическое действие, генезис свадебного ритуала.

Будучи ритуалом перехода, свадебный ритуал обладает социальной значимостью, способствуя вхождению индивида в новую социальную группу и связывая несколько групп между собой. С одной стороны, он фиксирует установление новых связей, которые возникают в горизонтальном пространстве, когда две семьи вступают в отношения родства, с другой, — он маркирует вертикальное движение вверх, когда невеста повышается в социальной иерархии, обретая статус жены. Во многих культурных традициях свадебный ритуал обычно проводился публично, члены сообщества, к которому принадлежали жених и невеста, выступали свидетелями союза. Этот ярко выраженный общинный характер свадебного ритуала во многом объясняется тем, что в древние времена, когда записи о заключаемых браках не велись, публичность гарантировала фиксацию этого события в коллективной памяти. Так, например, в древнем Риме центральным действием свадьбы была публичная процессия, которая сопровождала невесту в дом жениха.

С социально-биологической точки зрения свадебный ритуал выполняет функцию разрешения на вступление в сексуальные отношения, соединяет разнополюсы существа, снимая для них определённые табу. Но свадебный ритуал играет столь значимую роль в жизни людей не только потому, что он легализует взаимоотношения между мужчиной и женщиной, но и в силу того, что он интегрирует их в сообщество на новых правах полноправных взрослых.

В рамках традиционалистских культур свадебный ритуал, конечно же, не ограничивается созданием семьи,

но воспринимается как сакральное действие в результате которого происходит слияние мужчины и женщины на высшем уровне. Акцентируя неутилитарный характер ритуала, В.В. Глебкин считает чрезвычайно значимым для понимания ритуала его способность вызывать у его участников переживания определённого экзистенциального опыта. Согласно его концепции, в ходе ритуального действия образуется «канал связи» с экзистенциалом [2; с. 22–23].

По замечанию М. Элиаде, всякий ритуал актуализирует определённый мифологический первообраз, повторяя архетипические действия, которые в начале времён выполнялись богами или героями [10; с.37]. В рамках мифологического сознания, в ходе свадебного ритуала актуализируется архетип сакрального брака (иерогамия), который выступает как бы своеобразным прецедентом. В контексте архаичного брачного ритуала жених и невеста актуализируют образы божественных иерогамических участников, Первожениха и Первоневесты. Архетип сакрального брака предполагает вовлечение в «первое знакомство-узнавание, первое познание-соитие и первое рождение в космолизованном уже мире, образовавшем первый род, первый пример, которому в дальнейшем будут следовать и люди» [9; с. 168].

Вероятно, определённой отсылкой к архетипу сакрального брака можно считать и практику сближения свадебного ритуала с ритуалом коронации. А. Ван Геннеп приводит следующие примеры: на жениха и невесту надеваются короны, в период помолвки носят наподобие регалий будущего короля какие-либо

другие сакральные атрибуты [15; p.141]. В Северной Африке и некоторых регионах Индии жених именуется королём, султаном, принцем, а невеста королевой, султаншей, принцессой. В Китае жених именуется мандарином. А. Ван Геннеп полагает, что эти наименования призваны подчеркнуть повышение социального статуса вступающих в брак. Однако, вероятно, здесь прослеживается и символическая отсылка к архетипу сакрального брака.

В мифоритуальном контексте к понятию «сакрального брака» обращался Дж. Фрейзер, связывая с ним ритуалы, в которых мужчина и женщина воплощали «духов вегетации», вступая в сексуальную связь, которая рассматривалась как космический союз, способствующий всеобщему плодородию [11; p.83]. Богатый урожай, приплод скота, рождение детей считались результатами этого ритуала. Примечательно, что обряд бракосочетания мог проводиться не только над людьми, но и растениями. В «Золотой ветви» Дж. Фрейзер пишет о том, что в первобытных культурах деревья представлялись одушевлёнными, принадлежащими к мужскому или женскому полу и способными вступать в брак [11; p.85]. В Месопотамии у язычников Харран время оплодотворения пальм было периодом, когда праздновали браки богов и богинь. Иллюстрируя связь сакрального брачного ритуала с вегетативной семантикой, Фрейзер упоминает ритуальные браки растений. Он пишет о том, что, например, сажая дерево манго, индусы не едят его плодов до заключения формального брака между деревьями.

Эта связь брачного ритуала с растительными образами, акцентирующими мотив плодородия, является универсальной. Интересные примеры приводит известный отечественный этнограф Н.Ф. Сумцов. Он упоминает о древнем свадебном обряде венчать обвешением вокруг дерева [8; с.47]. В качестве примера он приводит строчку из былины «Оне в чистом поле женилися/ Круг ракитова куста венчалися», отсылающей к древнему языческому брачному ритуалу. Не случайно появление в русском фольклоре такой поговорки «Венчали вокруг ели, а черти пели», в которой запечатлелось христианское отношение к «бесовскому» брачному ритуалу язычников.

Будучи ритуалом перехода, свадебный ритуал состоит из трёх фаз. Применяя трёхчастную схему ритуала (сепарация, переход, инкорпорация), предложенную А. ван Геннепом, для описания брачных ритуалов К. Стивенсон рассматривает помолвку как фазу сепарации; время, когда мужчина и женщина пребывают в статусе помолвленных — как фазу лиминальности, а вступление в брак — как фазу инкорпорации [13; p.7–8].

Помолвка сепарирует пару, с одной стороны, от неженатых/незамужних членов коллектива, с другой, — от уже вступивших в брак. Помолвка может закончиться браком, в этом случае она является шагом к изменению статуса, или возвращением к изначальному статусу внебрачности, если она заканчивается расторжением. К. Стивенсон проводит параллель между ритуальным вступлением в брак с вступлением в церковь. Пребывание в статусе помолвленных он сопоставляет со статусом оглашенных (катехуменов), которые ещё не прошли обряд крещения и лишь готовятся к нему, приобщаясь к основам веры. Как оглашенный может не дойти до крещения, так и помолвленный может расторгнуть помолвку и не вступить в брак.

Именно лиминальная стадия ритуала с её мотивом смерти и символического умирания посвящаемого, связана с соединением свадебных и похоронных компонентов в контексте свадебного ритуала. Примечательно, и существование обратного движения, в результате которого свадебная символическая атрибутика перемещается в символическое пространство похорон. Так, например, умершая невеста хоронится в подвенечном платье, а смерть мыслится как символическое обручение с землёй. В свадебном и похоронных ритуалах прослеживается определённый параллелизм: связанное с упразднением признаков существования в прежнем статусе омовение покойника от «грязи» жизни — омовение невесты утром в день свадьбы, выполняемое с той же функцией, с целью смыть «девичью волю», вынос покойника — выезд невесты из дома, бросание земли на крышку гроба — бросание зёрен в жениха и невесту, поминки — свадебный пир. А.К. Байбури обращает внимание на схожесть покрывания покойника венчальной (пасхальной) скатертью и покрывания невесты, в результате чего фигура умершего и фигура невесты «утрачивают привычный облик», становясь «бесформенными» и как бы невидимыми привычному взгляду [1; с.106]. Многим народам был известен ритуал оплакивания невесты, которой предстояло «умереть» в своём статусе девицы и дочери своего отца и войти в пространство «чужой» семьи, уподобляемое «тому свету». В Литве, на Русском Севере и среди карелов, эстонцев, мордвы были распространены свадебные причитания [5; с. 147].

На лиминальной стадии с её смертью неопита, таким образом, осуществляется необходимая утрата прежней идентичности, в результате которого невеста временно погружается в состояние небытия. Отсюда ритуально приписываемая ей пассивность поведения. Утрачивая свою прежнюю идентичность и не обладая пока новой, он не может действовать как активный субъект, все действия совершаются за неё — её причёсывают, переодевают, ведут к жениху. В контексте

славянского фольклора распространён образ красоты-воли, связанный со статусом девицы. Свадьба соответственно мыслится как утрата девичей красоты-воли, заменяемой пассивностью, отсутствием воли.

Отмечая образную близость похоронных и свадебных причитаний с ключевым для них мотивом отправления в чужую землю, Л. В. Дёмина приводит следующие примеры: «Уж ты пойдешь, сердечно дитяtko, пойдешь по тем путям-дороженькам, по лесам, да, по дремучим, по болотам по седучим» (похоронное причитание), «Отдаёте вы меня, младу-младешеньку, во чужую дальну во сторонушку, через горы, да, через высокие, через реки, да, через глубокие» (свадебное причитание) [3; с.14]. Очевидно, что в обоих случаях центральным оказывается мотив трудного опасного пути, по которому предстоит пройти умершему и невесте. Ключевым здесь выступает и мотив преодоления водного пространства: болота в случае с похоронным плачем, и реки — в свадебном. Анализируя русский свадебный ритуал, Н. В. Зорин отмечал, что в действия предбрачной инициации часто входило купание в реке, кидание девушки в воду, преодоление каких-либо препятствий, связанных с водой [4; с.151]. В этом контексте вспоминается трогательная шекспировская Офелия, невеста Гамлета, утонувшая в реке вместо того, чтобы отправиться к алтарю. Существует мнение, что смерть Офелии является не суицидным завершением несчастной любви, но символическим завершением её шествия невесты к берегам реки [16; р.342].

Ряд исследователей отмечают асимметричность ролей невесты и жениха в свадебном ритуале [12; р.76]. В патриархальном обществе опыт перехода, осуществляемого в рамках свадебной ритуальности, переживает прежде всего девушка, и в этом смысле свадебный ритуал сконцентрирован вокруг фигуры невесты. В патриархальном контексте именно невеста сепарируется от своей родительской семьи; она «продаётся» родителями и «покупается» женихом. К тому же её трансформация от незамужней девушки к замужней женщине предполагает и ритуально значимый физиологический аспект, связанный с мотивом утраты невинности. В случае жениха утрата невинности не выступает как нечто значимое с социокультурной точки зрения и в ритуальной практике не фиксируется. Само понятие чести, связанное с невестушением в табуированные добрачные сексуальные связи, распространялось именно на женщин, что зафиксировано в языке. Этот богатый набор эпитетов с негативной окраской для наименования нарушившей табу невесты контрастирует с отсутствием лексем для наименования жениха, имевшего опыт добрачных связей. Свадебная ритуальность многих народов подразумевала наличие обычая подтверждения чести невесты после брачной ночи.

Это несовпадение женской и мужской позиции в рамках свадебного ритуала позволяет говорить о нём, как об особом виде диалога. К изучению свадебного обряда как диалогического текста, сопрягающего в себе мужские и женские компоненты, обращается Г. А. Левинтон, исследовавший многоплановое содержание свадебного ритуала и сближавший его с повествовательным текстом [6]. Он рассматривает свадебный ритуал как сложно составленный диалогический текст, который включает в себя группу текстов жениха и группу текстов невесты. Эти тексты (хотя и обусловлены одной моделью мира) отличаются как по формальным признакам, так и по содержательному наполнению. Ритуальные субъекты воспринимают персонажей, связанных с противоположной группой текстов, через оппозицию «свой» — «чужой». На наш взгляд, это хорошо отражается в следующей корильной песне, в которой сваты со стороны жениха и со стороны невесты противопоставляются по принципу добротности одетый-одетый бедно: «Как у нашей свашеньки / Хорошая шаль, / А у вашей-то свашеньки/Мережка на голове./ Как у нашей свашеньки / Пальто хорошее / А у вашей-то свашеньки/ рыболовная гуня» [7; с.370].

Причём, позиция «чужого» носит амбивалентный характер; «чужой» может быть связан как с негативной семантикой враждебности, опасности, так и с положительной семантикой чудесного. Исследователь замечает, что в сказках эта амбивалентность образа жениха и невесты также очевидна. Так сказочная невеста зачастую выступает как в роли желанной добычи, так и в роли опасного врага, испытывающего потенциального жениха. Жених в свою очередь может выступать и в роли чудовища и в роли красавца (сказка «Аленький цветочек») [6; с.213]. Г. А. Левинтон замечает, что этой амбивалентности на жанровом уровне соответствует включение в народный свадебный ритуал противоположных по своей направленности величальных песен, сакрализирующих жениха и невесту, и корильных песен, которые представляют собой свадебные дразнилки высмеивающие жениха, невесту, сватов и даже гостей.

Г. А. Левинтон отмечал присутствие в свадебном сюжете мотив обоюдной опасности, которой подвергаются и жених, и невеста [6; с.213]. Эта ритуальная враждебность, связанная с пересечением границы «свой»-«чужой», более очевидно проявляется в вербальных компонентах женских текстов. Здесь проявляется вышеупомянутая асимметричность ролей невесты и жениха в свадебном ритуале.

День свадебного ритуала (особенно его часть до момента, когда невеста объявляется женой) — это время, когда невеста и жених, готовящиеся выйти из лиминальной стадии и обрести новый статус, осо-

бенно уязвимы. Не случайно в художественной литературе существует целый ряд произведений, в которых разрабатываются мотив венчания с подставным женихом (А. С. Пушкин «Метель», «Жених-призрак» В. Ирвинг) и мотив несостоявшейся свадьбы (М. Ю. Лермонтов «Демон», Ф. М. Достоевский «Идиот»). Согласно тибетской традиции на шею невесты одевали специальное серебряное украшение, которое должно было защитить её от демонов на пути из родительского дома в дом жениха. В Китае по этим же причинам невесте не разрешалось прикасаться к земле. Таким образом, очевидно, что свадебный ритуал как ритуал перехода воспринимался и как потенциальная опасность.

Описывая свадьбу как диалог мужских и женских текстов, Г. А. Левинтон приходит к выводу, что перемещение жениха и невесты по горизонтальной и вертикальной осям семантически осознаются в понятиях отдачи-получения, потери-приобретения [6; с.216]. С женской точки зрения брак осуществляется в результате отдачи (отсюда и выражения «выдать замуж», «отдать замуж»), с мужской — в результате получения. Но это передвижение подразумевает и то, что молодые невестушки в брак члены коллектива отдают жениха и невесту, а старшие приобретают новых членов. Таким образом в роли отдающих выступают женщины и младшие по возрасту, в роли принимающих — мужчины и старшие.

Этот переход в группу старших маркируется и через оппозицию природное-культурное. Показательна здесь смена причёски и головных уборов невесты. Непокрытые волосы молодой девушки убираются в причёску и покрываются; искусственность причёски и головного убора противопоставлена девичей естественности. Непокрытые волосы ассоциировались именно с естественным девичеством (показательно здесь название сказки «О Василисе золотой косе, непокрытой красе и Иване-Горохе»). Обретая новый социальный статус, молодая замужняя женщина не только обретает новые ранее запретные права, но и утрачивает определённые девические возможности. Теперь она не может носить волосы непокрытыми (и тем самым её магическая сила как бы ограничивается), быть подружкой невесты, участвовать в ритуалах календарного цикла.

Финальная стадия свадебного ритуала (стадия инкорпорации), связанная с вхождением в новое социальное пространство и обретением нового социального статуса, не ограничивается моментом признания молодожёнов супругами. Для этой стадии для укрепления вновь образовавшихся групповых связей типичны совместные пиры (второй день традиционной русской свадьбы), выплата оставшейся части выкупа или при-

данного, совместные ритуальные танцы, визиты. Распространены на стадии инкорпорации и обряды направленные на единение вновь образовавшейся пары, которые несмотря на их вроде бы индивидуальный характер, также выполняют функцию единения общины, — питьё из одного кубка, обмен кольцами, браслетами, поясами, предметами одежды, связывание частей одежды жениха и невесты, завёртывание пары в полотно, использование объектов, принадлежащих другому (молоко, табак, орудия труда и т.п.), омовение или натирание друг друга [15; p.132]. В доиндустриальную эпоху свадебная обрядность обладает ярко выраженным этническим характером, демонстрируя существование локальных вариантов инвариантной модели. Но важно подчеркнуть, что вместе с этим для свадебного ритуала характерна и однотипность у разных народов, обусловленная схожей стадийной символикой.

Как отмечает А. Фатчер, со временем утрата традиции объявляемой в церкви помолвки привела к тому, что вступление в брак из процесса превращается в событие, а сам свадебный ритуал перестаёт быть в полном смысле ритуалом перехода с последовательной сменой фаз [14; p.254]. Сакральное действие в свою очередь полностью перемещается на третью финальную фазу. Однако К. Стивенсон придерживается несколько иного мнения, размышляя о применимости концепции лиминальности к современному свадебному ритуалу. Он полагает, что трёхчастная структура брачного ритуала неизбежно не исчезает полностью, в силу своей глубинной связи с архетипом, зафиксированном в сознании человека. По мнению исследователя, даже если первые стадии и не инкорпорированы в литургию, они всё равно неизбежно проявляются в иных формах [13; p. 8–9].

Сюда можно отнести популярную на западе традицию репетиции свадьбы, в ходе которой родители жениха и невесты рассказывают истории об их детстве, тем самым жених и невеста в последний раз перед обретением статуса независимости помещаются в позицию зависимых от родителей детей. Здесь же следует отметить и традицию устраивать перед свадьбой мальчишник и девичник, символизирующие скорую утрату молодыми людьми их прежнего статуса и переход из группы девушек и юношей в группу женатых людей.

Таким образом, прагматические и структурно-семантические аспекты свадебной ритуальности обусловлены тем, что свадебный ритуал является по своей сути ритуалом перехода. В нём актуализируются такие универсальные оппозиции как жизнь-смерть, свой-чужой, мужчина-женщина, юный-взрослый. Среди ритуалов перехода свадьба занимает одно из важных мест, маркируя изменение социального статуса индивида.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. — СПб: Наука, 1993.
2. Глебкин В. В. Ритуал в советской культуре. — М.: Янус-К, 1998.
3. Дёмина Л. В. Взаимодействие переходных ритуалов жизненного цикла: свадебный и похоронный // Сборники конференций НИЦ Социосфера. — 2016. — № 13. — С. 12–16.
4. Зорин Н. В. Русский свадебный ритуал. — М.: Наука, 2001.
5. Кузнецова В. П., Путилов Б. Н. Причитания в северо-русском свадебном обряде. — Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1993.
6. Левинтон Г. А. Мужской и женский текст в свадебном обряде: свадьба как диалог // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. — СПб.: Наука, 1991.
7. Русская народная поэзия (обрядовая поэзия). — Л.: Художественная литература, 1984.
8. Сумцов Н. Народный быт и обряд. — М.: Институт русской цивилизации, 2014.
9. Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике: кн. 1–2. Индоевропейские языки и индоевропеистика. — М.: Языки славянской культуры, 2006.
10. Элиаде М. Миф о вечном возвращении // Избранные произведения: Миф о вечном возвращении. Образы и символы. Священное и мирское. — М.: Ладомир, 2000.
11. Frazer J. G. The Golden Bough: A Study in Magic and Religion. — Oxford University Press, 1998.
12. Kligman G. The Wedding of the Dead: Ritual, Poetics, and Popular Culture in Transylvania. — Berkeley: University of California Press, 1991.
13. Stevenson K. To Join Together: The Rite of Marriage. — N.Y.: Pueblo Publishing Company, 1987.
14. Thatcher A. Living Together and Christian Ethics. — Cambridge University Press, 2002.
15. Van Gennep A. The Rites of Passage. — New York: Routledge, 2004.
16. Vickery J. B. T. S. Eliot and The Golden Bough: the archetype of the dying god, Vol. 2. — Madison: University of Wisconsin, 1955.

© Богданова Мирра Витальевна (mirrabogdanova@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

CULTUROLOGICAL ASPECT OF THE TRANSLATION OF ENGLISH LEGAL TEXTS

**N. Divid
E. Udalova**

Summary. The article is devoted to the current topic of cultural adaptation of the original legal text, caused both by the transition from the source language to the translating language, and by the change of the legal paradigm. Lexical, syntactic and stylistic aspects of translation are considered from the standpoint of achieving equivalence and adequacy of translation. Culturally caused difficulties of translation are illustrated by numerous examples demonstrating the presence of translation transformations, which allow successfully solving a communicative problem.

Keywords: legal translation, the language of law, professional communication, legal terminology, the ambiguity of the term, the difficulties of translation, the culturological component.

Дивид Нина Викторовна

Доцент, Российская государственная академия
интеллектуальной собственности
ninadivid@mail.ru

Удалова Елена Александровна

Доцент, Российская государственная академия
интеллектуальной собственности
udalovaea@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальной теме культурной адаптации оригинала юридического текста, обусловленной как переходом с исходного языка на переводящий язык, так и сменой правовой парадигмы. Лексические, синтаксические и стилистические аспекты перевода рассматриваются с позиций достижения эквивалентности и адекватности перевода. Культурно обусловленные трудности перевода проиллюстрированы многочисленными примерами, демонстрирующими наличие переводческих трансформаций, позволяющих успешно решить коммуникативную задачу.

Ключевые слова: юридический перевод, язык права, профессиональная коммуникация, юридическая терминология, многозначность термина, трудности перевода, культурологический компонент.

В условиях глобализации и продолжающейся интеграции России в мировое сообщество профессиональное сотрудничество юристов принимает все более интернациональный характер. Это касается таких сфер, как борьба с международным терроризмом, незаконный оборот оружия и наркотиков, финансово-экономические преступления и многих других, где пересекаются, сталкиваются или органично сосуществуют правовые нормы. В связи с практической необходимостью сопоставления национальных законодательств с международными нормами права, расширяющимися обмены в сфере деятельности правоохранительных органов и органов исполнения наказаний различных стран возрастает потребность в специалистах в области права, владеющих знанием английского языка и навыками грамотного перевода текстов по специальности. Интерес к английской юридической терминологии обусловлен громадной практической востребованностью изучения языка права как языка законов, резолюций, соглашений, договоров, контрактов, судебных отчетов, уставов, постановлений и т.д.

В настоящей работе в качестве объекта исследования выступают юридические тексты, как обще юридического характера, так и в сфере интеллектуальной собственности. Предметом исследования стала языковая специфика этих текстов на лексико-семантическом и синтаксиче-

ском уровне. Цель данной работы — проанализировать особенности и трудности перевода юридических терминов с точки зрения теории эквивалентного и адекватного перевода, а также изучить возникающие искажения на лексическом уровне в процессе перевода. «Основная задача переводчика при достижении адекватности — умело произвести различные переводческие трансформации, для того, чтобы текст перевода как можно более точно передавал всю информацию, заключенную в тексте оригинала, при соблюдении соответствующих норм переводящего языка» [З –С.264].

Для юриста изучение иностранного языка означает одновременное изучение иной правовой системы. Перевод юридических текстов с одного языка на другой предполагает не только переход от одного языка к другому, но и одновременно переход от одной правовой системы к другому миру права. Студентам, обучающимся переводу юридических текстов с английского языка, предлагается за короткий срок освоить основы двух видов правовых систем, т.к. существуют глубокие различия между российским кодифицированным и англо-американским прецедентным правом, и без знания этих различий специальный перевод невозможен. Узкоспециальные тексты законов и кодексов, которые сложны для студентов на старте изучения языка для специальных целей LSP, необходимо подвергнуть адаптации с учетом

особенностей возрастного восприятия, которая может охватывать как план содержания, так и план выражения текста. [3–С.4]. Известно, что перевод специализированных текстов основан на сопоставлении языковых и речевых единиц в двух языках в реальных актах межкультурной коммуникации. «Одной из сложнейших проблем при переводе юридического текста является достижение эквивалентности, которая предполагает сохранение относительного равенства содержательной, смысловой, стилистической, функционально-коммуникативной информации, содержащейся в оригинале и переводе» [1 –С.1]. Очевидно, что абсолютной эквивалентности при переводе достичь невозможно в силу целого ряда причин. Как считает известный французский лингвист и переводчик Ж. Мунэн, «самыми важными из них являются: — специфичность семантики языковых знаков в разных языках; несовместимость «картин мира», создаваемых языками; различия в самой реальности, культуре и цивилизации носителей разных языков» [8 –С.36]

К числу наиболее типичных лингвокультурных трудностей, возникающие при переводе английских юридических текстов, относятся следующие: 1. Перевод неологизмов, значение которых в области права еще не зафиксировано в словарях. Например, сочетание *police discreteness* в юридическом тексте имеет значение полномочия полиции, *remedies* — средства судебной защиты, *peace officer* — офицер полиции, *therapy* — перевоспитание, *health screening* — медицинское обследование, *sensibility training* — курс обучения общению полицейского с различными группами людей в кризисных ситуациях (ведение переговоров с террористами; опрос потерпевших, находящихся в состоянии психологической травмы, и т.д.), *three strikes justice* — правосудие трех ударов. Последнее выражение нуждается в культурологическом комментарии. По американскому законодательству, разработанному и принятому в ряде штатов в конце 80-х годов XX века и действующему до сих пор, человек, имеющий две предыдущих судимости и нарушающий закон в третий раз, получает чрезвычайно строгое наказание, вплоть до смертной казни или пожизненного заключения, как правило, несоизмерное тяжести правонарушения. 2. Наличие реалий, которые явно не присущи русской правовой культуре. Трудности возникают при переводе тех слов, которые имеют соответствующие варианты перевода на русский язык, но указывают на реалии, которые явно не присущи русской правовой культуре. Когда требуется перевести единицы такого рода, используются «механизмы компенсации» — переводслова словосочетанием (внутриязыковая компенсация) или переводческий комментарий (межкультурная компенсация). При переводе слова «тюрьма», например, следует принять во внимание то, что «*prison*» — это учреждение исполнения наказаний, где содержатся лица, совершившие тяжкие преступления

и отбывающие срок наказания более 1 года, а «*jail*» — это тюрьма, где содержатся лица под следствием (соответствует русскому «изолятор временного содержания») или правонарушители, отбывающие срок наказания до 1 года за нетяжкие преступления. 3. Проблема полисемии (другими словами, многозначности термина), может возникнуть как при переводе с русского на английский, так и наоборот. Например: Слово «*art*» — означает «искусство», а при переводе текстов по интеллектуальной собственности, переводится как «область техники, уровень техники, отрасль знаний»; слово «*defendant*» может переводиться как «подсудимый, ответчик, обвиняемый, подзащитный» в зависимости от контекста; слово «*evidence*» может переводиться как «улика», «свидетельские показания» или «доказательство». Слово «убийство» имеет несколько вариантов перевода в английском языке, из которых одно, «*murder*», является родовым, а другие — видовыми терминами: «*homicide*» (предумышленное убийство) и «*manslaughter*» (непредумышленное убийство), «*omnicide*» — истребление, поголовное убийство, «*extermination*» — массовое уничтожение людей, «*thuggery*» — убийство из-за угла, «*assassination*» — убийство политического или общественного деятеля, убийство по найму. [9–С.3]. 4. Перевод терминологических фразеологизмов, содержащих культурологический компонент значения. В практике американского правосудия действует «правило Миранды». «*Miranda rule/warning*», переводится как «сообщение задержанному о его конституционных правах, право человека не давать показания в отсутствие адвоката». [<https://www.multitrans.ru/>]. Это выражение часто используется в юридических текстах, но не ассоциируется с конкретным судебным процессом 1966 г., когда Верховный суд штата Аризона признал недействительными признания обвиняемого по имени Миранда, полученными от него полицейскими в отсутствие адвоката. Таким образом, перед нами яркий пример перевода терминологических словосочетаний-фразеологизмов, содержащих явно выраженный культурологический компонент значения. [9–С.5]. 5. Перевод длинных словосочетаний, которые имеют частое употребление и в силу этого, предстают в усеченном виде. В русском переводе, однако, приходится компенсировать пропущенное или то, что лишь подразумевается. Примером служат следующие выражения: *Madrid Agreement* — Мадридское соглашение о международной регистрации знаков, *Hague System* — Гагская система международной регистрации промышленных образцов; *Paris Convention priority* — льготный приоритет, предусмотренный Парижской конвенцией об охране промышленной собственности; *Financial Fraud institute* — институт по борьбе с финансово-экономическими преступлениями и т.д. Иногда может возникнуть и обратная ситуация, когда английская фраза содержит слова, которые принято не переводить на русский язык. Например, *the United Nations High*

Commission for Human Rights — комиссия ООН по правам человека. [9–С.4]. 6. Перевод аббревиатур, принятых и используемых в данной профессиональной среде. Например, WIPO (World Intellectual Property Organisation — Всемирная Организация Интеллектуальной Собственности), EPO (European Patent Office — Европейское Патентное Ведомство), PCT (Patent Cooperation Treaty — Договор о Патентной Кооперации), TRIPS (Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights — Торговые Аспекты Прав Интеллектуальной Собственности), TRT (Trademark Registration Treaty — Международный Договор о Регистрации Товарных Знаков), UCC (Universal Copyright Convention — Международная Конвенция по Авторскому Праву). 7. Перевод слов и словосочетаний, имеющих различный смысл в британском и американском вариантах английского языка. Так, например: «county» в Англии — графство, а в США — округ. Для русскоязычного термина «движимое имущество» эквивалентом в английском юридическом языке выступает «movable property», а в американском — «personalty»; соответственно, «недвижимое имущество» в английском юридическом языке обозначается термином «immovable property», а в американском — «realty» [9–С.5]. В британской терминологии для выражения понятия «кража» используется слово «theft», а не «larceny», как в американской. В американском английском Bill of Rights — первые десять поправок в конституции США, в то время как в Великобритании Bill of Rights это совокупность конституционных норм, гарантирующих права граждан в их взаимоотношениях с органами государственной власти. Некорректный перевод чреват искажением смысла оригинального текста. 8. Употребление терминов, состоящих из нескольких компонентов. Многокомпонентные термины могут представлять собой: а) словосочетания, в которых связь между осуществляется с помощью «примыкания». Например: court system — судебная система; utility model — полезная модель; б) словосочетания, компоненты которых соединяются грамматически с помощью предлога или окончаний. [9–С.3–5]. Например: legal action for damages — судебный иск об убытках; appellation of origin — наименование места происхождения товара, to remove from the Register — изъять из реестра. 9. Перевод сложных терминов с использованием поясняющей группы слов при несоответствии значения с реалиями или же в случае отсутствия эквивалента. Например, «passing off proceeding» следует переводить как «судебное разбирательство по поводу ведения бизнеса под чужим именем», исходя из значения слова «passing off» как «выдача своего за чужое, коммерция под чужим именем, незаконное использование товарного знака при сбыте товаров». Желательно также добавить, что речь идет о нарушении прав владельца зарегистрированного товарного знака владельцем незарегистрированного товарного знака. 10. Наличие юридических латинизмов. Например: dura lex, sed lex — закон суров,

но это закон; pro et contra — за и против; per se — само по себе, condition sine qua non — неперемное условие; ergo — следовательно; actus reus — преступление; mens rea — вина; via — путем, sui generis — своего рода; ex officio — по должности; status quo — исходное положение. 11. Юридические идиомы, представляющие собой речевые штампы, клише и терминологические словосочетания, используемые почти исключительно в сфере права. Например: twelve honest men — присяжные заседатели; the bar and the bench — адвокаты и судьи; to meet claim — оспаривать иск; Contracting Parties — договаривающиеся стороны; opinion on the merits of the case — заключение по существу дела. 12. Использование слов и выражений, которые помимо обычного, повседневного смысла имеют еще и особенное юридическое значение, в частности: action — иск, судебное преследование, решение эксперта патентного ведомства (амер. англ.); nuisance (tort of nuisance) — деликт, основанный на нарушенном праве лица спокойно владеть собственностью; consideration (valuable consideration) — встречное удовлетворение; один из необходимых элементов договора для того, чтобы тот мог быть принудительно осуществлен в судебном порядке. 14. Использование формальной лексики, которая считается устаревшей и очень редко употребляется в повседневном общении: hereinafter — далее по тексту, в дальнейшем; aforesaid — ранее упомянутый, inasmuch — поскольку. 15. Обилие пассивных конструкций: «Copyright may protect the drawing from which an article is made but copyright cannot be used to prevent the manufacture of articles»; «If a registered trademark has not been used for a period of five years, an application may be made by a person to have it removed from the Register» и т.д. 16. Перевод каламбура с одного языка на другой, что является одной из серьезнейших трудностей. Например, известное выражение «Marriage is not a word, it's a sentence» строится на двух различных значениях слова «sentence»: первое — это лингвистический термин «предложение», а второе — юридический термин «приговор». Редко удается адекватно перевести каламбур, но в данном случае есть удачный вариант в русском языке: «Хорошее дело браком не назовут», где «брак» означает и «супружество» и «вещь, имеющую дефект».

Таким образом, не подлежит сомнению, что знание различий правовых систем и особенностей их развития предопределяет грамотность юридического перевода. К основным трудностям перевода юридического текста следует отнести насыщенность юридических материалов юридическими терминами, наличие в юридических текстах особых идиоматических выражений и фразеологических сочетаний, применение латинских слов и выражений, характерное для юридических текстов, наличие сокращений, большинство которых используется только в юридических текстах и документах, сти-

листические особенности. Теория перевода на основе многолетней переводческой практики разработала переводческие методы, подходы и приемы, которые успешно применяются на практике профессиональными переводчиками и специалистами, владеющими английским языком.

Кроме выше перечисленных трудностей, с которыми неизбежно сталкиваются все те, кто берется за перевод текстов юридической направленности, необходимо упомянуть еще и сложности, обусловленные практически полным отсутствием пунктуации в юридических текстах, а также употреблением таких фраз как: *by and between*; *null and void*.

Сталкиваясь с проблемами перевода юридических текстов, особенно трудностями, связанными с переводом безэквивалентной лексики, переводчик бывает просто вынужден использовать всевозможные виды трансформации.

Я. И. Рецкер определяет трансформации как «приемы логического мышления, с помощью которых мы раскрываем значение иноязычного слова в контексте и находим ему русское соответствие, не совпадающее со словарным» [11–С.38].

К таким приемам ученые традиционно относят: транслитерацию и транскрипцию, лексико-семантические замены (конкретизация, генерализация, модуляция), калькирование, описательный перевод, прием опущения, прием компенсации, прием логического развития.

В среде исследователей, долго и глубоко изучающих эту тему, не существует единого научного взгляда на количество приёмов переводческой трансформации.

В своих работах по теории перевода Я. И. Рецкер [11–С.38] пишет, что «хотя не всегда можно классифицировать каждый пример перевода из-за переплетения категорий, в общем можно выделить 7 разновидностей лексических трансформаций:

- ◆ дифференциация значений;
- ◆ конкретизация значений;
- ◆ генерализация значений;
- ◆ смысловое развитие;
- ◆ антонимический перевод;
- ◆ целостное преобразование;
- ◆ компенсация потерь в процессе перевода.»

С точки зрения Л.С. Бархударова, ПТ необходимо различать по «формальным признакам: перестановки, добавления, замены, опущения,» [2–С.190] (Бархударов 1975 с. 190–231) хотя автор сам признает, что такое деление является весьма приблизительным.

По мнению Л.К. Латышев [6–С.131–137] следует классифицировать ПТ « по характеру отклонения от межъязыковых соответствий». Таким образом ПТ делятся на те, которые касаются: изменения синтаксической функции словосочетаний; изменения стилистической составляющей текста; изменения самого содержания текста (семантические), смешанные — лексико –семантические и синтактико-морфологические.

Однако, практически все ученые, занимающиеся этой проблемой, Л.С. Бархударов (1973), Л.К. Латышев (1988), Т.Р. Левицкая, А.М. Фитерман (1973), В.Н. Комиссаров (1994), Я.И. Рецкер (1974) склонны подразделять ПТ на лексические, лексико-семантические, грамматические и стилистические.

И, невзирая на разные мнения, многие вышеупомянутые авторы единодушно выделяют несколько наиболее распространённых типов лексических трансформаций: конкретизацию, генерализацию, компенсацию, приём лексического добавления, приём лексического опущения, приём смыслового развития, приём целостного преобразования и антонимический перевод.

Однако, не все перечисленные приемы одинаково популярны и имеют одинаковое распространение в практике перевода.

Некоторые приемы при переводе юридического текста с русского на английский употребляются гораздо чаще остальных, другие много реже. Иногда в одном предложении соединяются различные типы ПТ, что усложняет их классификацию.

В силу особенностей и специфики юридического языка, который неизменно требует аргументированности, логики изложения и. таким образом, подразумевает четкость, точность формулировок, сжатость и лаконичность при употреблении терминов, одним из самых широко практикуемых приемов перевода юридических документов и текстов можно назвать прием лексико-семантических замен (а это -конкретизация, генерализация, модуляция), приём лексического опущения и транскрипция с транслитерацией.

При переводе с русского на английский участились случаи отказа от некоторых семантически избыточных слов, слов, которые не несут важной смысловой нагрузки. Например: тяжеловесная конструкция «для того, чтобы изобретение являлось охраноспособным оно ...» переводится лаконичной фразой «*to be patentable an invention ...*» — приём лексического опущения. Другой пример: перевод словосочетания «*hard and fast rules*». В данной языковой единице слово «*fast*» является избыточным и все сочетание переведено единым понятием

«жесткие правила». Дата подачи заявки на получение патента — Filing Date (тоже опущение).

В отличие от русского языка, в английском языке слова обладают более абстрактным характером, поэтому широко применяется приём генерализации, когда словосочетание русского языка, обладающее узким значением, меняют на эквивалент английского, но с более широким значением и наоборот. Так, в середине прошлого века в течение ряда лет английский парламент обсуждал законопроект об отмене смертной казни. В английских газетах он неизменно назывался No Hanging Bill — законопроект об отмене повешения. Но законопроект об отмене повешения можно было бы понять как замена одного способа казни другим, например, расстрелом. Поэтому в данном случае, используя прием генерализации, уместнее перевести: Законопроект об отмене смертной казни.

Полной противоположностью генерализации является конкретизация — замена слова или словосочетания ИЯ с более широким значением словом или словосочетанием ПЯ с более узким значением. Как правило, лексике русского языка свойственна большая конкретность, чем соответствующим лексическим единицам английского языка, поэтому при переводе с иностранного языка на русский широко используется приём конкретизации. Известно, что слово «meal» означает прием пищи, причем не уточняется в какое время дня он происходит. Поэтому, используя конкретизацию, фразу «In the evening they had a gorgeous meal» лучше перевести как «Вечером они роскошно поужинали». Есть ряд английских глаголов, подлежащих конкретизации при переводе на русский язык, а именно: say, be, have, get, take, give, make, come, go и др. Можно привести примеры изменения английского именного сказуемого в русское глагольное сказуемое, где, как правило, требуется конкретизация глагола be: «The trial was on Sunday» — Суд состоялся в понедельник; «It's the first time he has been at trial» — Он впервые предстал перед судом; «My brother is in the Army» — Мой брат служит в армии. Английское существительное thing имеет слишком абстрактное значение и на русский язык всегда переводится путем конкретизации: «вещь, предмет, дело, случай; обстоятельство, факт, существо». Если слово thing выступает как структурообразующий элемент и не несет практически никакой смысловой нагрузки, оно, естественно, не находит никакого отражения в переводе: It's a good thing that... Хорошо, что... It's a terrible thing that... Ужасно, что... It's an astonishing thing that... Поразительно, что... Яркий пример конкретизации — перевод слова defendant. Это может быть ответчик (по отношению к истцу), защитный (по отношению к его адвокату), обвиняемый (по отношению к прокурору), подсудимый (так как

находится под судом). Еще один пример конкретизации — перевод лексической единицы attorneys for the case — представитель обвинения и адвокат ответчика по делу. Также, подлежит конкретизации слово «fees» в следующей фразе: «If you use a Trademark Agent or a Patent Agent then their fees will have to be added to those payable to the Patent Office» — Если вы воспользуетесь услугами агента по товарным знакам или патентного агента, то к сумме их гонораров следует добавить сумму пошлин, подлежащих уплате в Патентное Ведомство».

Можно привести и примеры антонимического перевода, при котором выражение исходного языка заменяется на противоположное, т.е. его антонимом с одновременной заменой утвердительной конструкции отрицательной и наоборот. She did not die till 2000 — Она дожила до 2000 года. Unfortunately, he did not win the case — К сожалению, он проиграл дело. You can obtain further registration of a design so as to apply it to a different type of article to that covered by the original registration — Вы можете получить дополнительную регистрацию промышленного образца с тем, чтобы применить ее к другому изделию, на которое не распространялась первоначальная регистрация.

Нельзя не упомянуть и о таких приемах как транслитерация, транскрипция и калькирование. Транслитерация — формальное побуквенное воссоздание исходной лексической единицы с помощью алфавита переводящего языка. Название британской вещательной корпорации BBC переводится посредством транслитерации — Би-би-си. В то же время, сочетание BBC English переводится как безукоризненно правильный английский (имеется ввиду английский язык дикторов Би-би-си). В современной практике перевода часто используется транскрипция. Иногда она носит условный характер, так как у звуков языка оригинала нет соответствующих им звуков и букв в языке перевода. Сочетание «th», воспроизводится в русской транскрипции либо звонким звуком «д» или «з», либо глухим «т» или «с» (Warner Brothers = Уорнер Бразерз, Smith = Смит). Примерами транскрипции являются такие слова как барристер (barrister), солиситор (solicitor), коронер (coroner). Транслитерацию и транскрипцию используют для перевода имен собственных, географических названий, наименований компаний, фирм, периодических изданий, названий спортивных команд, групп рок-музыкантов, и т.п. В качестве примера калькирования можно привести следующее: basic fee under the PCT — основная пошлина согласно PCT, где калькой является PCT (Patent Cooperation Treaty).

Подводя итоги, нельзя не отметить, что в значении терминов в разных языках отражено видение мира, свойственное носителям данного языка, их взгляды,

отношение к тем или иным явлениям, что безусловно создает трудности для переводчика. Этим обусловлено использование разного рода трансформаций, имеющих в арсенале переводчика и позволяющих ему сделать перевод не только наиболее адекватным в смысле передачи содержания, но и стилистически выдержанным и доступным для читателя.

И, напоследок, пример о весьма отличном отношении носителей разных языков к одному и тому же к явлению. Что говорят о женщине, находящейся в декретном отпуске по уходу за ребенком, в России? Она сидит дома с ребенком. А в Великобритании? She is a full-time mum — Она мама с полной рабочей занятостью. Думается, комментарии излишни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. С. Проблема эквивалентности и тип переводимого текста. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). 2004. Реферат д-ра филолог. наук. М.: 2004. -С. 1.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975 — С. 190–231.
3. Дивид Н.В., Удалова Е. А. Вопросы возрастной адаптации иностранного юридического текста // Гуманитарные научные исследования. 2018. № 3/[Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2018/03/24890>. (дата обращения: 02.04.2018).
4. Комиссаров В. Н. Общая теория перевода / В. Н. Комиссаров. — М.: ЭТС, 1999. — С. 192
5. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Учебное пособие / В. Н. Комиссаров. — М: ЭТС, 2001.—С.424.
6. Латышев Л. К. Курс перевода: Эквивалентность перевода и способы ее достижения. — М.: Международные отношения, 1981 — С. 131–137, С. 248.
7. Макарова Т. Г. Терминология языка специальности и информатика // Профессионально-ориентированный перевод: реальность и перспектива. Сб. науч. трудов по материалам 9-й Межд. научно-метод. интернет-конференции. М.: Изд-во РУДН, 2014. — С. 113–124
8. Мунэн Ж. Теоретические проблемы перевода// Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. / Сб. ст. под редакцией Комиссаров В. Н. — М.: Международные отношения, сборник статей, 1978. — С. 36–41
9. Подстрахова А. В. Перевод юридического текста: проблемы лингвистической и межкультурной коммуникации- INTER-CULTUR@L-NET № 4. —2005.— С. 3–5/[Электронный ресурс] URL: http://vfnglu.wladimir.ru/Rus/NetMag/v4/v4_ar13.htm16.
10. Рецкер Я. И. Что же такое лексические трансформации? «Тетради переводчика» № 17, М.: Международные отношения, 1980, С. 72–84
11. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. — М., 1974. — С. 38, С. 216.
12. Сорокин Ю. А. Азбука классики или азбука погрешности?// Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». № 2. Воронеж, 2001. № 2 -С.84.

© Дивид Нина Викторовна (ninadivid@mail.ru), Удалова Елена Александровна (udalovaea@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российская государственная академия интеллектуальной собственности

НОРМКОР: ТЕНДЕНЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОДЫ ИЛИ НОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ?

NORMCORE: THE TREND OF MODERN FASHION OR NEW IDEOLOGY?

G. Kovtun
V. Efimova

Summary. The article is devoted to the analysis of the value potential of the normcore as a fashionable style trend. Normcore is understood in the context of modern sociological theories of fashion, socio-cultural development, socialization and the dynamics of generations. The possibilities of the normcore as a new culture of clothing and ideology of style for the younger generation are revealed. Particular attention is paid to the need to rethink the established practices of visual representation of fashion in today's multicultural space.

Keywords: fashion, fashion trends, style, globalization, young generation, normcore.

Ковтун Галина Степановна

К.ф.н., профессор, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)
kogala@yandex.ru

Ефимова Виктория Леонидовна

Старший преподаватель, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)
lt-v@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу ценностного потенциала нормкора как модной стилиевой тенденции. Нормкор осмысливается в контексте современных социологических теорий моды, социокультурного развития, социализации и динамики поколений. Раскрываются возможности нормкора как новой культуры одежды и идеологии стиля для молодого поколения. Особое внимание уделяется необходимости переосмысления устоявшихся практик визуальной репрезентации моды в современном мультикультурном пространстве.

Ключевые слова: мода, модные тенденции, стиль, глобализация, молодое поколение, нормкор.

Мода как социокультурный феномен представляет собой обобщенное и многогранное отображение ценностей той или иной эпохи, квинтэссенцию ее идеалов. Занимая свое место как «подвижная граница культуры», мода формирует новое мировоззрение и знаменует поиск новых актуальных смыслов. Интерес исследователей привлекают такие тенденции в мире моды, которые будут оказывать влияние на жизнь общества в целом уже в ближайшем будущем. Одной из таких модных тенденций, символизирующих коренные преобразования в общественном сознании, является нормкор. В связи с этим особую значимость приобретает осмысление ценностного потенциала нормкора как стилиевой тенденции, а, возможно, и идеологии современной моды.

Термин «нормкор» происходит от двух английских слов — normal (нормальный, обыкновенный) и core (центр, ядро, сердцевина). Как тенденция в моде обоих полов нормкор характеризуется стремлением выглядеть «обычно» и «не выделяться». Первые упоминания данного термина встречаются в мире моды еще в начале 2000-х гг. (а по непроверенным данным и ранее). Однако публично известным данный термин стал благодаря статье Фирны Дункан «Нормкор: мода для тех, кто понимает, что он один из 7 миллиардов» («Normcore: Fashion for Those Who Realize They're One in 7 Billion»), опубликованной в американском журнале «New York Magazine» в 2014 г. [1]. Согласно автору статьи, нормкор, олице-

творяя собой демократию в мире моды, демонстрирует утилитаризм, рациональность и прагматичный подход к одежде.

После публикации статьи идеи нормкора очень быстро проникли в массовое сознание жителей разных стран мира, стали интернет-мемом (информацией, распространяемой в интернете, главным образом, посредством социальных сетей и блогов, которая спонтанно приобретает популярный характер). Сегодня число упоминаний хэштега «#normcore» (ключевого слова, регламентирующего тему размещаемого поста) в поисковых системах, широко используемых в российском сегменте интернета, впечатляет: от 16200 (bing.com) до 79900 (googl.ru) и 1 млн. (yandex.ru).

В то же время научных публикаций, посвященных данному феномену, немного. Так, в научной электронной библиотеке elibrary.ru по ключевому слову «нормкор» было найдено 25 публикаций (статей и тезисов докладов на конференциях разного уровня). Работ, специально посвященных нормкору, всего три. Их авторы рассматривают нормкор как неологизм (Н.Д. Федяева и С.А. Демченко); маркер состояния жизни общества в эпоху метамодернизма (А.О. Малай и Ю.В. Кондакова); реакцию креативного класса на новые экономические условия (О.Ю. Сысоева). В остальных публикациях нормкор рассматривается либо как одна из форм какого-либо более общего социального (социально-э-

кономического, социокультурного и т.п.) явления или процесса, либо просто упоминается в тексте. Так, Ю.Л. Герасимова и Н.О. Соснина рассматривают нормкор как одну из ответных реакций моды на экономический кризис; М.Р. Нугуманов — одну из новых тенденций в социально-экономическом поведении человека; Л.В. Сулейманова — один из стилей гендерно-нейтральной моды; Р.Н. Матафонов — одну из новых субкультур; А.В. Дроздова и Т.Л. Трушина — одну из форм проявления «уличной моды».

Таким образом, нормкор представляет собой новое, весьма популярное, но малоизученное явление в мире моды. При всём разнообразии подходов к его пониманию, представленных в научных публикациях, работ, специально посвященных ценностному потенциалу и содержанию данного феномена, нет или они неизвестны авторам. Поэтому целью данной статьи является осмысление ценностной составляющей нормкора в контексте современных социологических теорий моды, социокультурного развития, социализации, динамики поколений.

Будучи признанным объектом междисциплинарного анализа, мода рассматривается как социальный институт, культурная индустрия и социокультурный феномен. Несмотря на всеобъемлющий характер влияния моды на современное общество, одной из наиболее влиятельных сфер ее репрезентации остается одежда, так как именно одежда является чувствительным индикатором, способным молниеносно реагировать и воспроизводить новые актуальные смыслы моды. В настоящее время исследователи фиксируют такие изменения в моде как глобализация фэшн-индустрии и, как следствие, унификация и стандартизация визуальных модных образов, смена классовой и массовой моды феноменом «быстрой моды» или *fast-fashion*, разнообразие и многообразие стилевых практик. Эстетическое «ожирение» общества потребления, неумолимо привело к телоцентризму, феномену *фаст-фэшн*, стилевой эклектике и даже безвкусице, тенденции к модному уродству [11, с. 46]. Все эти изменения в моде, являясь отражением социокультурных трансформаций, и стали отправной точкой формирования такого стиля как нормкор.

Стиль в данном дискурсе понимается как «форма соотнесенности социальной и культурной идентификации субъекта. Он трансформирует социальные ориентации в символику культуры и является культурной формой, которая активно ангажируется системой социальных коммуникаций» [13, с. 176]. Нормкор — это унификация и стандартизация стиля. Базовые серо-черные тона, простые формы без изысков, отсутствие принтов, понятные фактуры ткани — это «бланковая» одежда в стиле нормкор. «Персонализация» не нужна современному обще-

ству в том объеме, как это было свойственно обществу модерна. Индивидуализацию в нормкоре обеспечивают нестандартные сочетания, игра фактур и аксессуаров. Нормкор можно рассматривать как путь достижения моды будущего и ее возможный результат. Стиль в данном случае определяется не только и не столько индивидуальным вкусом, сколько массовым индустриальным производством. Еще Ж. Бодрийяр писал о том, что «описание системы вещей невозможно без критики практической идеологии этой системы» [4]. Из этого можно сделать вывод, что система вещей в наше время потребовала новой идеологии, которую необходимо описать и осмыслить.

Идеология как организованная система взглядов и представлений определенной части общества, предполагает организацию жизнедеятельности в соответствии с какими-то принципами и идеями, а не реальными обстоятельствами. Неоднозначный характер глобализации и процессы реструктуризации, затрагивающие все сферы жизни в мультикультурном обществе, актуализируют проблему поиска новой идеологии, которая как «социальный клей», станет единой интегрирующей силой и общим коммуникативным пространством. Рассуждать о нормкоре как возможной новой идеологии моды позволяет то, что он воплощает в себе систему ценностей нового поколения, репрезентирует их взгляды и представления, а также довольно массовый характер нормкора.

Конечно, нормкор это, прежде всего, ярко выраженная тенденция развития западной моды, так как в отечественной моде в «условиях нестабильности, разобщенности знания и навыков, неликвидности товаров, говорить о формировании модных тенденций затруднительно» [15, с. 130]. Однако перед Россией стоит проблема необходимости синтеза и согласования основных достижений западной цивилизации со своей уникальной культурой, поэтому данная тенденция довольно активно развивается и на постсоветском пространстве. Семиотическая или знаковая природа модной одежды в стиле нормкор предполагает упрощенную интерпретацию потребителем, с одной стороны и, включенность, ассоциативность с происходящими в обществе процессами, с другой.

Современная мода в целом ориентирована на упрощение идентификации, вторжение в изначально и традиционно «немодные» сферы жизни, стирание культурных границ. В рамках социологического подхода к культуре моды можно рассматривать как силу, направляющую жизнь общества по организованному пути развития. При этом институциональный статус моды как явления культуры является свидетельством трансформации системы ценностей и перехода к западноевропейским

ценностям индивидуализма и рыночной экономики. Нормкор как стилевая тенденция символизирует собой новое мировоззрение, ориентированное на включение западноевропейской системы ценностей в российский менталитет, а также соответствующий набор институциональных практик, которые оказывают большое влияние на развитие культуры в целом.

Анализируя природу нормкора, необходимо отметить, что наиболее сильные трансформации переживает мода последних лет в связи с воздействием процессов глобализации. Изучение влияния процессов глобализации на фэшн-индустрию является одним из актуальных направлений исследований последних лет среди теоретиков и практиков мира моды. Глобализация как «мировая диффузия практик, установление связей между континентами, организация социальной жизни в глобальном масштабе, и рост общего глобального мышления» в фэшн-индустрии привела к формированию единого смыслового и идеологического пространства [12, с. 402]. Глобализация, являясь объективным процессом, ведет к гомогенизации и унификации различных сторон жизнедеятельности общества. Малоизученным остается вопрос о последствиях и перспективах глобализации модной индустрии. мода будущего, по мнению ряда исследователей, представляется как упрощенный набор «бланковой» одежды на все случаи жизни. Например, Андрей Аболенкин, один из ведущих специалистов России в области моды, аналитик и консультант, дает следующий прогноз моды будущего: «Добро пожаловать в бедные будни...» [2]. Нормкор воплощает в себе подобные особенности моды будущего, следовательно, его можно рассматривать как олицетворение тенденций эпохи глобализации моды и новую идеологию.

Культурным базисом для воплощения и популяризации нормкора послужила макдональдизация как одна из доминирующих форм рациональности эпохи глобализации. Согласно Дж. Ритцеру, макдональдизация представляет собой процесс, «благодаря основным принципам которого этот ресторан фаст-фуда добивается все большего доминирования в самых разных сферах жизни американского общества и остального мира» [12, с. 13]. Еще М. Вебер предвидел общество с высокой рационализацией или «железную клетку» рациональности [12, с. 110]. Макдональдизация занимает особое место среди новых форм рациональности и предполагает «эффективность, просчитываемость, предсказуемость и контроль» [12, с. 75]. Нормкор соответствует всем принципам макдональдизации. Эффективность — это простота достижения универсального образа, который актуален и понятен везде. Идеи предсказуемости и контроля проявляются в однообразии и «бланковости» одежды и стиля в целом, что обеспечивает чувство комфорта, стабильности и безопасности. Просчитываемость —

желание обладать большим количеством одежды, возможно, в ущерб качеству. Нормкор как стиль, безусловно, имеет ряд преимуществ по сравнению с другими стилями, так как воспроизводится легче, чем другие, и имеет доступную визуальную репрезентацию. Согласно концепции макдональдизации, нормкор можно рассматривать как воплощение «ничто» с элементами «нечто» — это «социальная форма без отличительного содержания» [12, с. 414]. Благодаря макдональдизации всех сфер жизни подрастает соответствующим образом социализированное поколение, которое стремится к рационализации своей жизни, унификации способов действия, в том числе манеры одеваться.

Рассуждая о нормкоре с позиции культурной глобализации, нельзя обойти вниманием феномен «быстрой моды» или fast-fashion. «Fast-fashion» приходит на смену классовой и массовой моде прошлых исторических периодов. Он основан на быстром копировании и остроумности вещей, поступающих на рынок, причём, срок актуальности приобретаемого предмета одежды резко сокращается, а скорость распространения новаций увеличивается. Исследователь социологических аспектов развития fashion-индустрии О. Гурова отмечает: «Быстрая мода основывается на подходе к моде как глобальной индустрии и разделении труда в мировой экономике, при котором производство и дистрибуция товаров является уделом развивающихся стран..., а маркетинг и потребление осуществляется в основном в капиталистических странах» [6, с. 58]. Производство товаров в Китае, Индии, Вьетнаме, Индонезии, существенно удешевляя их стоимость, создаёт условия, с одной стороны, для широкого распространения актуальных тенденций в мире: «демократизации роскоши», с другой — для быстрого морального устаревания моделей и частой смены гардероба потребителей в эру «disposable clothing» [5, с. 3].

Феномен «быстрой моды» заставляет потребителей, не желающих участвовать или стремящихся минимизировать свое участие в гонке за модой, создать и придерживаться универсального стиля, который позволит сделать свою визуальную репрезентацию всегда актуальной и современной. При этом потребитель будет сам осознанно формировать свой стиль, не вкладывая в него много усилий и финансов. Нормкор создает прочную основу для «демократизации роскоши», с одной стороны, и возможности «выделиться, не выделяясь», с другой стороны.

Также нормкор — это альтернатива обществу потребления. Современная мода должна быть массовой, чтобы ее понимало большинство, а «недолговечность как основное качество лежит в основе моды в обществе потребления» [9, с. 106]. Недолговечность — основная ха-

характеристика модных вещей, в противовес которой нормкор предлагает «базовые» вещи, которые не утратят своей модной актуальности в силу ее отсутствия. Простота, универсальность как знак — это стремление к безопасности, усталость от преодоления и достижения. Всеобщее невнимание и невмешательство в мегаполисе выражается через нормкор как визуальный символ такого поведения. Исчезают как дружба и сочувствие, так и острая вражда. Люди стремятся управлять впечатлением, упрощая и ускоряя свою коммуникативную практику. Нормкор позволяет делать это практически безошибочно, ненавязчиво, используя универсальные, понятные всем коммуникативные конструкты. Н. Рейнгард, один из первых теоретиков моды, писал: «мода — это средство формирования аттракции» [7, с. 10].

Пока нормкор находится в маргинальном положении в системе моды. Однако за модной тенденцией «одеться и выглядеть как все» стоит нечто большее, чем очередной феномен *fast-fashion*. Это и результат процессов глобализации в *fashion-индустрии*, и попытка идентификации подрастающего поколения, и, как уже отмечалось, возможно, новая идеология моды в эпоху постмодерна.

Особое значение в понимании сущности и перспектив развития нормкора имеет его актуальность для подрастающего поколения. Мода как социальный институт, является влиятельным агентом социализации, воплощая в себе ценности молодого поколения.

Если «молодежь» 10–15-летней давности предпочитала демонстрировать роскошь и тем самым идентифицировать себя, свои отличия и свою принадлежность к «сильным мира сего», то современная молодежь ориентирована на другие ценности. Соответственно структура потребления, стиль жизни, идентификация себя у них уже другие. Ценности современной молодежи уже не только и не столько в поле визуальной атрибутики и внешней репрезентации. Ж. Бодрийяр предсказывал, что статусные отличия переходят на качественной иной уровень: «В настоящее время заметно, что социальная иерархия приобретает более тонкие критерии: тип труда и ответственности, уровень воспитания и культуры (может быть, род «редкого блага» составляет способ потребления обычных благ), участие в принятии решений. Знание и власть стали или становятся самыми большими редкостными благами в наших обществах изобилия» [3]. Демонстративное потребление, демонстративная праздность и демонстративное расточительство, которые, согласно Т. Веблену, служили «маркерами социального позиционирования и иерархического статуса» достаточно долгое время, приводят к противоположной тенденции — отрицанию роскоши [10]. «По мнению Ребекки Арнольд, в этой ситуации актуальность приобретает контрснобизм: демонстративное безразличие

к деньгам, нелюбовь к чрезмерному украшательству и преклонение перед простотой. Она считает, что эту тягу к облегченному стилю роскоши, или «незаметное потребление», можно рассматривать как характерную для конца XX века вариацию описанного Т. Вебленом замаскированного беспокойства» [10].

Теория динамики поколений, которая делит их на группы, в зависимости от возраста и ценностей, сформировавших то или иное поколение, характеризует изменения ценностных ориентаций современной молодежи, отражающихся, в том числе, и в визуальной самопрезентации. Нормкор как стиль одежды становится воплощением тех самых конструктов универсальности и простоты, которые имеют своей целью достижение единого коммуникативного пространства.

Согласно данной теории, выделяются четыре поколения: поколение бэби-бумеров (1943–1963 гг.), поколение X или «неизвестное поколение» (1963–1984 гг.), поколение Y или «игреки», «миллениумы», «сети», *next* (1984–2000 гг.), поколение Z или «центениалы» (с 2000 г.) [14, с. 165]. Основными качествами поколения «игреков» считаются клиповое сознание, технологическая продвинутость, амбициозность, ускоренный темп жизни, отсутствие рефлексии, стартовая обеспеченность, социальная раскрепощенность, отсутствие командного духа, приоритетность «горизонтального» развития, ценностная виртуальность, фрилансинг вместо дауншифтинга, профессиональное целеполагание. Основными ментальными особенностями поколения «центениалов» исследователи считают быструю ориентацию во времени и пространстве, естественное освоение глобальной информации и отсутствие границ как таковых. При этом стоит отметить сложность понимания «центениалов», которым в силу возраста только предстоит войти в активное социальное пространство. Несмотря на спорность и некоторый скептицизм в отношении теории поколений, нельзя не согласиться с тем, что глобализация и такая ее форма, как макдональдизация, формируют принципиально иное поколение будущего, обладающее специфическими чертами и особенностями. Как известно, социализация молодежи характеризуется, с одной стороны, стремлением к инновациям, с другой — стремлением к осмыслению традиций. «Модные слова («тренд», «инновации», синергия» и прочие) заполняют информационное пространство, не проясняя существа вопроса» [8, с. 7]. Благодаря такой массовой моде молодые люди становятся все менее восприимчивыми к инновационным практикам и ищут новые конструкты универсальности и простоты. «Мода — отражение ценностей определенной социальной группы, воплощенных в конкретных модных объектах» [7, с. 42]. Нормкор — это отражение ценностей молодежи поколения «игреков» и «центениалов».

Таким образом, процессы глобализации и новые типы рациональности создают необходимость переосмысления устоявшихся, привычных социальных практик и формирования новой идеологии в сфере моды. Визуальный образ в стиле нормкор будет способствовать визуальной репрезентации новой идеологии, устранению коммуникативных барьеров в мультикультурном пространстве. Нормкор поддерживает формирование единой практики однообразных коммуникативных взаимодействий. Перспективы нормкора пока не очевидны, не явны, размыты и приблизительны. Однако уже сейчас нельзя отрицать

и не замечать его значительного влияния на современную моду и самовыражение себя средствами этой моды. Это новая культура одежды, идеология стиля и самоидентификация себя. Процессы глобализации становятся основной предпосылкой и фундаментом формирования универсального «стиля улиц» или нормкора, который позволяет человеку любой национальности, любого пола и возраста мимикрировать к окружающей его обстановке, не привлекая излишнего внимания и не выделяясь. Особое значение приобретает нормкор, будучи визуальным отражением ценностей подрастающего поколения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Duncan, Fiona. Normcore: Fashion for Those Who Realize They're One in 7 Billion // <https://www.thecut.com/2014/02/normcore-fashion-trend.html> (дата обращения: 25.04.18).
2. Аболенкин, А. О моде 2027 года. Какой будет и будет ли? [Электронный ресурс] URL: <http://abolenkin.livejournal.com/102775.html> (дата обращения: 25.04.18).
3. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. [Электронный ресурс] URL: <https://www.litmir.me/br/?b=106836&p=1> (дата обращения: 25.04.18).
4. Бодрийяр, Ж. Система вещей. [Электронный ресурс] URL: <https://www.litmir.me/br/?b=3944&p=1> (дата обращения: 25.04.18).
5. Васильева, Ж. В. Влияние процессов глобализации на fashion-индустрию // Культурологический журнал. — 2013. — № 2. — С. 5–6.
6. Гурова, О. Ю. Fast fashion: быстро сшить, быстро продать, быстро выбросить. Концепция моды и потребление вещей в современном российском обществе // Экономическая социология. — 2008. — Т. 9. № 5. — С. 56–67.
7. Демшина, А. Ю. Мода в контексте визуальной культуры: вторая половина XX — начало XXI вв. — СПб.: Астерион, 2009. — 88 с.
8. Иванова, С. В. Дидактический концепт в эпоху постмодерна // Ценности и смыслы. — 2015. — № 03. — С. 6–13.
9. Ильин, А. Н. Культура общества потребления: философские, психологические, социологические аспекты: учеб. пособие / А. Н. Ильин, А. Л. Панищев. — Омск: Изд-во ОмГПУ, 2014. — 264 с.
10. Как модный дом Prada менял имидж с помощью архитектора Рема Колхаса [Электронный ресурс] URL: <http://www.nlobooks.ru/node/6414> (дата обращения: 25.04.18).
11. Литвинцева, Г. Ю. Гиперреальность в эпоху постмодерна // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. — 2011. — № 2. — С. 43–53.
12. Ритцер, Дж. Макдональдизация общества 5 / Пер. с англ. А. В. Лазарева. — М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. — 592 с.
13. Устюгова, Е. Н. Стиль и культура: Опыт построения общей теории стиля. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. — 260 с.
14. Шалыгина, Н. В. Игреки и центениалы: новая ментальность российской молодежи // Власть. — 2017. — № 1. — С. 164–167.
15. Яковлева, М. В. Особенности российских практик моды // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. — 2014. — № 3. — С. 128–132.

КОЛЛЕКЦИЯ ТКАНЕЙ МАНУФАКТУРЫ А.М. ГАНДУРИНА, ЭКСПОНИРОВАВШИХСЯ НА ВСЕМИРНОЙ КОЛУМБОВОЙ ВЫСТАВКЕ В ЧИКАГО (1893)

Краснова Регина Юрьевна

Аспирант, МГХПА им. С.Г. Строганова, Россия, Москва
regi.crasnova@yandex.ru

THE COLLECTION OF GANDURIN'S FABRICS MANUFACTORY EXHIBITED AT THE WORLD'S COLUMBIAN EXPOSITION IN CHICAGO (1893)

R. Krasnova

Summary. By the third quarter of the XIX century cotton printing both in terms of technical equipment and drawing skill achieves notable successes. Business elite formed a number of dynasties (the Burylins, the Harelins, the Gandurins, the Posylins and others), who effectively developed their business for over a century and who was interested in technical re-equipment of production and constant updating of assortment. The products of a number of Ivanovo cotton firms are becoming quite competitive (in a certain market segment) and their promotion to the global exhibition grounds begins. Textile factories of Ivanovo region began to be actively involved in the exhibition activities of national scale since the late 40-ies of the XIX century. The paper first examines the collection of cotton fabrics of Gandurin's manufactory, exhibited at the World's Columbian Exposition in Chicago in 1893. Based on the study of archival data was analyzed the participation of the textile factory at the world exhibition in Chicago in 1893. The principles on which the acquisition of tissue samples for demonstration at the exhibition was carried out are revealed. This article demonstrates the main stylistic influences in the ornamentation of textiles. The collection of fabrics of the Gandurin's manufactory reflects both the achievements of the printing industry of its time, and the high level of skill and professionalism of the representatives of the Ivanovo school of printing. The use of modern discoveries in the field of chemistry has made it possible to achieve high quality printed drawings in terms of their brightness, strength and diversity. In this sense, the products of the Gandurin's factory could compete with the best cotton printing firms in Russia and Europe.

Keywords: world exhibition, manufacture, ornament, cotton.

Аннотация. К третьей четверти XIX века в Ивановском регионе ситцепечатание как в плане технической оснащенности, так и рисовального мастерства достигает заметных успехов. Формируется предпринимательская элита — ряд династий (Бурялины, Гарелины, Гандурины, Посылины и другие), эффективно развивавших свое дело уже на протяжении целого столетия, заинтересованных в техническом переоснащении производства и постоянном обновлении ассортимента. Товары ряда ивановских хлопчатобумажных фирм становятся вполне конкурентоспособными (в определенном рыночном сегменте) и начинается их продвижение на общемировые выставочные площадки. Текстильные фабрики Ивановского края начали активно вовлекаться в выставочную деятельность общенационального масштаба с конца 40-х годов XIX века. В статье впервые исследуется коллекция хлопчатобумажных тканей мануфактуры А. М. Гандурина, экспонировавшихся на всемирной Колумбовой выставке в Чикаго в 1893 году. На основе изученных архивных данных проанализировано участие ситценабивной фабрики на всемирной выставке в Чикаго 1893 года. Выявлены принципы, по которым осуществлялось комплектование образцов тканей для демонстрации на выставке. Данная статья демонстрирует основные стилистические влияния в орнаментации текстиля. Коллекция тканей мануфактуры А. М. Гандурина отражает как достижения ситцепечатной промышленности своего времени, так и высокий уровень мастерства и профессионализма представителей Ивановской школы ситцепечатания. Использование современных открытий в области химии позволило достигнуть высокого качества печатных рисунков с точки зрения их яркости, прочности и разнообразия. В этом смысле продукция фабрики Гандурина могла конкурировать с лучшими ситцепечатными фирмами как в России, так и в Европе.

Ключевые слова: всемирная выставка, мануфактура, орнамент, ткани.

Введение

Начиная со второй половины XIX века, ивановские текстильные предприятия активно включились в выставочную деятельность и регулярно принимали участие как в отечественных, так и международных выставках. К этим событиям специально готовились фирменные альбомы с образцами продукции экспонентов выставок.

В собрании Музея ивановского ситца хранится богатая коллекция хлопчатобумажных тканей, выпускавшихся на фабриках Иваново-Вознесенска в XIX — начале XX вв. и экспонировавшихся на ряде всероссийских и международных художественно-промышленных выставок. Одним из таких экспонатов является коллекция образцов тканей мануфактуры А. М. Гандурина, экспонировавшихся на всемирной Колумбовой выставке в Чикаго в 1893 году.

Цель статьи заключается в том, чтобы впервые исследовать указанную коллекцию тканей и выявить принципы, в соответствии с которыми осуществлялось комплектование образцов для демонстрации их на всемирной выставке в Париже 1900 года.

Среди текстильных фабрикантов Ивановского края второй половины XVIII — XIX вв. — одним из наиболее известных и успешных было семейство Гандуриных, происходивших от крепостного графа Н. П. Шереметева В. И. Гандурина. Изначально основным бизнесом этой семьи была торговля ивановскими ситцами через Астрахань в Среднюю Азию. Первым из династии крупным торговцем стал Ермолай Гандурин. Когда в начале XIX в. большинство фабрикантов стало создавать собственные коммерческие службы, обходясь без купцов со стороны, внуки В. И. Гандурина начали развивать свое ремесленно-торговое дело.

Братья Антон Ермолаевич и Иван Ермолаевич Гандурины основали отделочные мастерские: четыре рабочие избы, помещение для красоварни, сушилки, заварка на реке Уводь. Эти сравнительно небольшие заведения положили начало одной из крупных фирм — «делу» Гандуриных. Наряду с производством Гандуриных на протяжении первой четверти XIX века продолжали успешно заниматься торговлей. Из «Очередной книги» 1812 года следовало, что они имели торговлю в Астрахани и «по разным ярмаркам разными товарами, в котором обращается в год 250000 рублей» [6, с. 165].

Когда в конце XIX века началось массовое преобразование частновладельческих предприятий в товарищества, Николаем и Лаврентием Гандуриными было учреждено товарищество мануфактур, с 1880 года именовавшееся «Антон Михайлович Гандурин с братьями». В начале XX в. на предприятиях товарищества уже трудилось около 1000 рабочих. В 1903 основной капитал составил 1,2 млн. руб. (600 именных паев по 2000 руб., сосредоточенных в руках семьи Гандуриных), чистая прибыль — 242,2 тыс. руб., дивиденд — 15%. К 1913 основной капитал был увеличен до 2 млн. руб. (1000 паев по 2000 руб.), баланс составил 4915343 руб., прибыль — 17088 рублей [1, с. 89].

С целью расширения рынков сбыта и рекламы ситцепечатной продукции своих предприятий со второй половины XIX века ивановские фабриканты начали активно осваивать зарубежные выставочные площадки и, начиная с 1867 года (Всемирная выставка в Париже), демонстрировать образцы своих товаров на международных промышленных экспозициях.

Имеются подробные сведения об участии фирм Ивановского текстильного края во Всемирной Колумбовой

выставке (The World Columbian Exposition) в Чикаго (1893), устроенной в честь 400-летия открытия Америки. Россия была представлена большим отделом, организованным «высочайше утвержденной комиссией по участию во Всемирной выставке в Чикаго» [2, с. 3]. Представленный на выставке ассортимент хлопчатобумажных тканей отражал общие для России тенденции в этой сфере производства, в частности, специализацию на ситцах и кумачах. «Набивной товар русских фабрик во всех отношениях отвечает современному положению красильного дела. При большом разнообразии колеров и способов отделки, он в состоянии удовлетворить покупателя и с изысканным, и с менее требовательным вкусом... Что касается до плюсов (кумачей) и пунцовых ситцев, имеющих столь обширный сбыт внутри государства, а также в соседних азиатских владениях, то они с давнего времени, по справедливости, пользуются лестными отзывами иностранцев», [3, с. 14–15] — отмечалось автором обзорной главы «Мануфактурная промышленность» Н. Ланговым.

Приглашение на выставку получили все Иваново-Вознесенские фабриканты (Д. Бурыйлин, Н. Зубков, И. Гарелин, Н. Гарелин, Н. Дербенев, З. Кокушкин, К. Маракушев, братья Ясюнинские, Куваевская мануфактура) члены местного Комитета торговли и мануфактуры во главе с его председателем А. М. Гандуриным. Организация экспозиции была поручена торговому представителю А. Н. Бочарову, который в одном из своих писем следующим образом описывал впечатления местной публики об ивановских экспонатах: «Публики возле нашей витрины толпится всегда пропасть, даже Бог знает, зачем лезут и внутрь, но нет специалистов, понимающих дело и фабрикацию» [7]. Однако ивановские ткани привлекали внимание и экспертов. Позже Бочаров информировал фабрикантов: «Все экспонаты, до коих более или менее касается мое здесь представительство, получают медали. Вообще же об отделе русском могу сказать, что он в процентном отношении соберет несравненно больше наград, чем какой-либо из иностранных отделов, в том числе и американский. Русские мануфактуристы и фортепьянные мастера отличаются лучше всех» [8]. Столь живой интерес, проявляемый к ивановской экспозиции, дал основания Бочарову весьма оптимистично оценивать перспективы этого участия. «Все экспонаты, до коих более или менее касается мое здесь представительство, получают здесь медали. Вообще же об отделе нашем (русском) могу сказать, что он в процентном соотношении соберет и несравненно больше наград, чем какой-либо из прочих иностранных отделов. Наши мануфактуристы ... отличаются лучше всех» [7].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Коллекция образцов, подготовленная «Товариществом Антона Михайловича Гандурина с братьями»

для участия на Всемирной Колумбовой выставке, насчитывает 292 образца. Как следует из каталога российского отдела Всемирной Колумбовой выставки в Чикаго, основной рынок сбыта мануфактуры — Москва и нижегородская ярмарка, откуда товары поступали на рынки Кавказа, Персии (Ирана), Центральной Азии. Выставлялись образцы различных принтов [10, с. 247].

Ориентация производителя на азиатский рынок совершенно отчетливо прослеживается в коллекции. Усиление ориентальной направленности в отделке хлопчатобумажных тканей на ивановских фабриках становится особенно заметным со второй половины XIX века. Наряду со стилизованными орнаментами, отдаленно или явно тяготеющими к восточной традиции, в текстильных рисунках конца XIX века все больше встречаются прямые «цитаты» из произведений искусства стран Востока. «Если раньше они в какой-то степени выглядели условными и нарочитыми, то теперь восточный орнамент придавался орнаменту вполне сознательно, сами орнаменты уже не носили отвлеченного характера, а восходили к конкретным образцам» [4, с. 76]. Указанная тенденция нашла свое отражение и в ситцепечатной продукции «Товарищества А. М. Гандурина». Во многих представленных на выставке образцах просматривается влияние прикладного искусства Востока. В целом же, в рассматриваемой коллекции можно выделить несколько типов восточных орнаментов.

Большое количество тканей декорировано орнаментами *кашмирового типа*. В них поле плотно заполнено узорами, напечатанными по белому фону или грунту различного типа. Традиционным элементом этого орнамента является «индийский огурец» (боб). Особое изящество его исполнения, яркость и прочность красок во многом были обусловлены появлением в 40-х годах XIX века синтетических красителей. Именно в этот период цветовая палитра ивановских тканей расширяется до пестрого многообразия. Эта важная тенденция в развитии ситцепечатания как в столичных регионах, так и в российской глубинке отмечалась в Отчете о Российской мануфактурной выставке 1870 года в Санкт-Петербурге. «Ситцы столичных и некоторых провинциальных фабрик, находившиеся на выставке, могли вызвать в посетителях справедливое замечание о разнообразии и вкусе манеров, между которыми довольно было и оригинальных. Что же касается, до колеров, то в этом отношении многие ситцевые фабрики усвоили себе все, что в последнее время выработано прикладной химией. Так сочетание красок черной анилиновой, оранжевой хромовой, зеленой гинье, настолько обыкновенно у наших фабрикантов, что уже не составляет никакой новости в ситцевом деле» [3, с. 27], — писал автор отчета.

Представленные в коллекции образцы «кашмировых» тканей отличаются четкой графичностью, тщательной прорисовкой мельчайших орнаментальных деталей. Крупные формы («огурцы») имеют несколько разноцветных обводок по контуру, внутри которого располагался узор из растительных и цветочных элементов, сплетающихся в сложный декоративный орнамент (рис. 1). В некоторых образцах сами «бобы» образованы цветами, окружены цветочным бордюром или состоят из разномасштабных «огурцов» (рис. 2). В ряде орнаментов используется соединение «огурцов» с «древом жизни», розами, цветочными вазами, стилизованными листьями, розетками, напечатанными по черному, пурпурному, синему грунту (рис. 3). Особенной яркостью отличаются ситцы, на которых «огурцы» напечатаны тремя-четырьмя цветами по белому и пунцово-красному фону (рис. 4). Яркий пример такого типа орнамента по пунцово-красному фону представлен на рисунке 5. В центре раппорта расположены три «боба», образующие экзотичный распускающийся бутон, по форме напоминающий тюльпан. Внешний контур и внутреннее поле «лепестков» щедро декорированы, порождая ассоциацию с пышным цветением южной растительности. Центральная орнаментальная группа обрамляется ромбовидной гирляндой, украшенной стилизованными листьями и цветами. Лазорево-зелено-алая с желто-золотистыми вкраплениями гамма композиции создает ощущение яркого солнечного света, который изливается из ее центра.

«Ковровые» орнаменты напоминают узоры персидских и туркменских ковров. Например, в орнаменте (рис. 6) повторяются элементы традиционной композиции и символики персидских ковров, трансформированные в соответствии с особенностями оформления ситцев. В центре раппорта расположен круг, напоминающий персидский «торандж» — медальон, символизирующий пруд, павильон или беседку. Сочетание сложного затейливого декора медальона в центральной части рисунка и плотного растительного орнамента бордюра на ярком красном фоне рождает ассоциации с исфаханскими коврами, наиболее известными в Европе.

В коллекции также присутствуют так называемые «бухарские» ситцы с характерным для шелковых среднеазиатских тканей «абровым» орнаментом (хан-атлас). Эти ткани, прочные и дешевые, пользовались большим спросом на среднеазиатском рынке. Узор абровых тканей представляет собой причудливые стрельчатые разводы радужной окраски, получаемые путем резервации отдельных участков основы посредством перевязки с последующим окрашиванием согласно узору и расцветке. Ткани яркие, насыщенные по цвету. Лощеная, глянцевиная поверхность, с характерными затеками и переливами одного тона в другой создает иллюзию

Рис. 1

Рис. 2

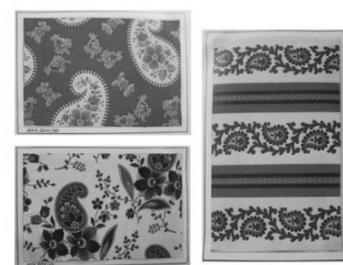

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

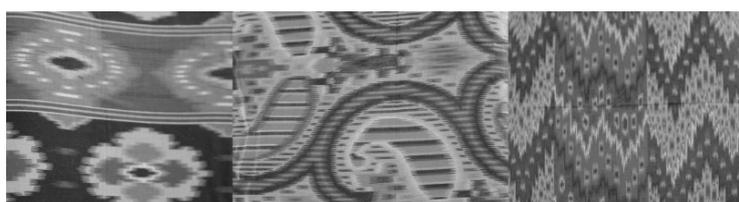

Рис. 7

Рис. 8

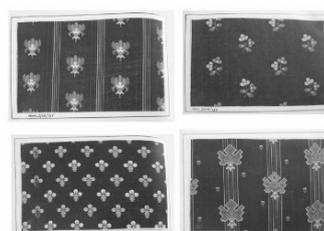

Рис. 9

шелка (рис. 7). Обращает внимание многообразие цветовых решений. Помимо традиционного для «восточного» ассортимента желтого, оранжевого, зеленого и черного цветов используются и другие колеры: красный, фиолетовый, синий в различных сочетаниях. Вариации орнаментов также весьма разнообразны: геометрический, растительный, орнаментальные полосы, в которых «бобы» чередуются с растительным узором. Раппорт образуется сочетанием продольных полос с сине-зеленым

и красным фоном. Широкие полосы отделяются друг от друга более узкими, из которых левая представляет собой сочетание разноцветных тонких полос, а правая — более широкую полосу с абстрактным орнаментом в духе «икат». Флоральные узоры внутри широких полос одновременно просты и нетривиальны по форме. Богатство цветовой гамме придает смелое сочетание красного, желтого, фиолетового, сине-зеленого и белого цветов.

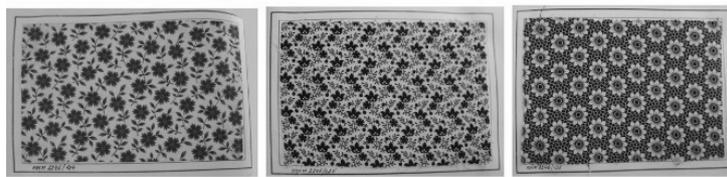

Рис. 10

Рис. 11

Рис. 12

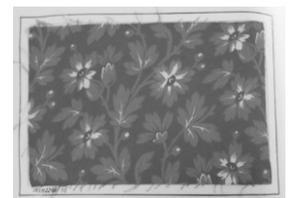

Рис. 13

Увлекаясь ориентальной тематикой, рисовальщики нередко копировали не только отдельные символические элементы орнамента, но и вдохновлялись более конкретными образами, воплощая в рисунке тканей отдельные артефакты восточной культуры, изображения экзотических птиц и растений или целые сцены из жизни (рис. 8).

Кроме хлопчатобумажных тканей, предназначенных для азиатского потребителя, в рассматриваемой коллекции были представлены и образцы, в большей степени ориентированные на определенный сегмент европейского рынка — небогатого и не особенно взыскательного покупателя. Среди них следует, прежде всего, отметить разнообразные «крестьянские» ситцы: белоземельные, темнофонные, краснофонные, двурозовые. Фон дешевых ситцев, использовавшихся для повседневной одежды и белья, черный, изумрудно-зеленый, серый, но нередко встречаются и белоземельные образцы. Мелкий рисунок расположен на всей плоскости ткани и образует четкую раппортную композицию (рис. 9), или покрывает ткань сплошным ковром (рис. 10). В сочетании цветов распространены характерные для декоративно-прикладного искусства контрастные взаимодействия синего и белого, красного и белого, красного, зеленого и золотисто-желтого. Преобладает цветочный орнамент. При этом цветы или довольно сдержаны как с точки зрения колористического решения, так и в орнаментальном плане, или чрезвычайно яркие и многоцветны, выполнены, как правило, в стилизованной манере.

Особого внимания заслуживают двурозовые ситцы. Впервые они были представлены на мануфактурной выставке 1870 года в Санкт-Петербурге московским фабрикантом Э. Цинделем. «Применение крапового экстракта к ситцепечатному делу,— отмечалось в отчете по итогам

выставки 1870 года,— имеет в этом производстве значение весьма важного переворота, во-первых, потому что облегчает приготовление ситцев с сочетанием крап-розы и зелени гинье, сочетая набивку, соединяя набивку этих красок в одновременную механическую операцию печатания, а, во-вторых, при одинаковой прочности запарной и заварной краповых красок, вызывает у нас новое производство, именно приготовление крапового экстракта, что без сомнения в окончательном результате будет иметь последствием значительное удешевление краповых ситцев» [3, с. 27].

В коллекции Гандуриных представлен достаточно обширный набор образцов розовых ситцев. Обращает внимание умелая разработка цветочных мотивов в плоскостном (рис. 11) и в объемном решении растительных форм. Объемность достигалась за счет сочетания оттенков красно-розовых тонов, мастерского соотношения глубины фона и высветленных фрагментов цветочного узора. Мастерство рисовальщиков и колористов проявлялось в богатстве орнаментальных решений при использовании лаконичной цветовой гаммы. Так, например, рисунок 12 представляет собой стилизованный цветочный орнамент с имитацией кружева: центральная розетка окружена ветвящимися, плавно изгибающимися ветвями с листьями и цветами, образуя единую круговую композицию. В образце (рис. 13) темно-розовый фон заполнен растительным орнаментом в виде стилизованных полевых цветов. При этом контуры стеблей и листьев едва угадываются, почти сливаясь с фоном, и только бледно-розовые и белые сердцевинки цветочных головок контрастно выделяются, что создает впечатление заросшего цветами поля.

Представленная на выставке коллекция тканей товарищества А. М. Гандурина имела большой успех среди

посетителей выставки и экспертов. «И не могу умолчать об одном весьма лестном обстоятельстве лично для Вас. Знаете ли вы, что экспонаты по ситцам, выставленные на Колумбовой выставке, заслуживают наибольшего внимания публики и чьими публика больше всего интересуется,— восторженно писал А. Н. Бочаров,— Ваши! Если бы я мог продавать товар из Вашей витрины, то в ней давно бы не осталось и самого маленького лоскуточка. Потому что все это есть или свое, или привозное из Европы. Подобного Вашему нет ничего... Публика проходит мимо изящно задрапированных французских витрин с шелками и шерстяными материалами. Ожидали ли Вы, что ваши прелестные сами по себе рисунки, изготовленные для среднеазиатских дикарей, могли понравиться здесь и произвести впечатление» [7].

Достоинства ситцепечатной продукции фабрики Гандуриных были отмечены и организаторами экспозиции. «Американские Соединенные Штаты постановлением своего конгресса уполномочили Всемирную комиссию при Международной выставке, состоявшейся в городе Чикаго, штата Иллинойс в 1893 году, присудить медаль особого достоинства... А. Гандурина с братьями — в России, в Иваново-Вознесенске, выставившему набивной ситец. Награда за набивную бумажную ткань яркой окраски, преимущественно для вывоза в Азию. Ситец хорошего качества, набивка чистая, краски вполне крепкие. Рисунки и узоры большей частью персидские, специально приноровленные для Дальнего Востока. Ситцы эти с успехом выдерживают сравнение с другими фабричными произведениями подобного же товара» [9].

Вывод

Таким образом, коллекция тканей мануфактуры А. М. Гандурина, представленная на Всемирной Колумбовой выставке (Чикаго, 1893 год), отражала как достижения ситцепечатной промышленности своего времени, так и высокий уровень мастерства и профессионализма представителей Ивановской школы ситцепечатания.

Использование современных открытий в области химии позволило достигнуть высокого качества печатных рисунков с точки зрения их яркости, прочности и разнообразия. В этом смысле продукция фабрики Гандурина могла конкурировать с лучшими ситцепечатными фирмами как в России, так и в Европе.

С точки зрения художественного оформления хлопчатобумажных тканей, производитель, прежде всего ориентируясь на запросы и вкусы разных сегментов потребительского рынка, стремился следовать тем модным тенденциям, которые были наиболее популярны и востребованы. Соответственно, в коллекции в первую очередь отчетливо просматривается восточная направленность, проявляющаяся как в орнаментальных, так и в колористических решениях. В то же время было бы неправильно оценивать это влияние, как простое ученическое копирование и неосмысленное заимствование. Оригинальность и самобытность текстильных принтов проявляется в смелости и свободе сочетания различных орнаментальных мотивов, сложности рисунков, богатстве и разнообразии цветовых сочетаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балдин К. Е., Моисеев С. В. Развитие текстильной промышленности Ивановского края в 60-е годы XIX — начале XX в. Иваново: Издательство ИвГУ, 2006.
2. Глуховский П. И. Отчет генерального комиссара русского отдела Всемирной Колумбовой выставки в Чикаго. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1895.
3. Отчет о Российской мануфактурной выставке 1870 года в Санкт-Петербурге. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1871.
4. Соловьев В. Л., Болдырева М. Д. Ивановские ситцы М.: Легпромбытиздат, 1987. — 223 с.
5. Фабрично-заводская промышленность и торговля России. Всемирная Колумбова выставка 1893 г. в Чикаго. СПб.: Издание Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов, 1893.
6. Экземплярский П. М. Село Иваново начала XIX века. — Сергиев Посад, 1912.
7. ГАИО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 5.
8. ГАИО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 1410; Ф. 27. Оп. 1. Д. 30. Л. 1–7.
9. ГАИО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 962. Л. 88.
10. World's Columbian Exposition Chicago, 1893. Catalogue of the Russian Section. S-Petersburg, 1893.

© Краснова Регина Юрьевна (regi.crasnova@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЯЗЫК КАК ИНСТРУМЕНТ РАЦИОНАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ

LANGUAGE AS AN INSTRUMENT OF RATIONAL THINKING

L. Kryukova

Summary. The article deals with the problem of language rationality. The author turns to the works of Russian and foreign scientists devoted to the research of language and its role in the life of people, analyzes peculiarities of thinking in native and foreign languages. According to the research, language is not only a technical means of communication, but also expresses the spiritual essence of the people, which is reflected in their thinking, consciousness and outlook. One of the main tasks of language is the embodiment of mental activity in the communication process, i.e. the creation of new forms of mental activity from itself. At the same time, a foreign language provides a useful cognitive distance from automatic processes, promoting a rational, analytical approach to thinking and abandoning rash, emotional reactions.

Keywords: language, thinking, rationality, dialogue, direct emotional reactions, communication process.

Крюкова Людмила Сергеевна

К.филол.н., доцент, Государственный музыкально-педагогический институт имени М. М. Ипполитова-Иванова (Москва)
l.s.kryukova@mail.ru

Аннотация. В представленной статье рассматривается вопрос рациональности языка. Автор обращается к работам российских и зарубежных ученых, посвященных изучению языка и его роли в жизни людей, анализирует особенности мышления на родном языке и иностранном. Согласно исследованиям, язык представляет собой не только техническое средство общения, но и выражает духовную сущность народа, которая отражается в его мышлении, сознании и мировоззрении. Воплощение мыслительной деятельности в коммуникационном процессе, т.е. создание из самого себя новых форм мыслительной деятельности, является одной из основных задач языка. При этом иностранный язык обеспечивает полезную когнитивную дистанцию от автоматических процессов, способствуя рациональному, аналитическому подходу в мышлении и отказу от необдуманной, эмоциональной реакции.

Ключевые слова: язык, мышление, диалог, рациональность, коммуникационный процесс.

Вот уже много лет ученых интересуют вопросы: «Рационален ли язык? Зависит ли его рациональность от того, говорит человек на родном языке или иностранном?» Поиску ответов на них посвящено немало исследований таких выдающихся лингвистов, культурологов и философов как В. Гумбольдт, Л.П. Киященко, М.К. Петров, С.С. Аверинцев и многих других.

Выбор философских предпочтений главным образом определяет ответ на вопрос «Рационален ли язык?» Немаловажную роль при этом играет и представление о том, что есть рациональность [3, с. 285]. Основными представлениями о языке в данном случае является понимание языка как проявления духовной сущности народа [2, с. 365] и в рамках материалистической традиции как результата материально-приспособительной деятельности человечества. Язык как духовная сущность народа представлен в таких понятиях как мышление, сознание, мировоззрение. Второе значение, являясь по сути прикладным, характеризует язык как техническое средство общения. Что же все-таки представляет собой язык? Какая разница между этими двумя представлениями о нем? И какую роль играет он в человеческой жизни?

Именно язык отражает способность человека видеть мир таким, какой он есть, как некий объект, и при этом дает возможность попытаться предвидеть будущее, значительно более отдаленное, чем его собственная жизнь.

Преодоление отведенных ему временных границ возможно благодаря диалогу не только с современниками, но и предками и потомками. Однако этот диалог не демонстрирует реальное количество участников общения, создающих в языке образ мира.

При этом само слово «диалог» в различных источниках имеет разное значение. Основываясь на греческих литературных памятниках, А.Д. Вейсман указывает в русско-греческом словаре, что ранее это слово имело значение «разговор» [1, с. 307]. В то же время составляющие этого слова имеют значение от начала к концу в пространстве и времени. Таким образом, смысл диалога не в обсуждении, разговоре, разделении на число участников, а напротив, в их единстве при принятии решения, поиске компромисса в процессе обсуждения проблем. И это взаимодействие возможно лишь благодаря и посредством использования языка.

Единственный способ для людей создать образ мира, который они населяют, отдельных его частей — это использовать язык. И в данном случае язык подразумевается не только как инструмент, с помощью которого осуществляется высказывание, но и как способ передать образы с помощью рисунков, жестов, движений и поступков.

Какова же роль диалога применительно к научному мышлению в рационалистической традиции? Существует

ет немало положительных примеров, начиная с древней философии, возникновения естественнонаучного знания (знаменитые диалоги Галилея, Лейбница-Кларка) и заканчивая новейшей историей науки (полемика Гейзенберга-Эйнштейна). При этом некоторые ученые, такие как Киященко Л.П., отмечают, что в последнее время происходит «олитературивание» науки, введение «ино-научной» (С.С. Аверинцев) «дискурсивной практики», являющейся результатом «диалогического рассеивания» устоявшихся научных смыслов, новых стилей научного мышления, альтернативных точек зрения, научных парадигм, образов, картин мира. Все то, что ранее было характерно лишь для гуманитарного знания, теперь используется и в естественнонаучном, вступая в противоречие с традициями классического рационализма [3, с. 288].

В то же время диалог, являясь одним из «поверхностных» обозначений языка, не отражает всю его глубину, все возможности его проявлений. Диалог с самим собой, его недосказанность показывают, что не все всегда выражается словом. Так, например, речь часто не совпадает с языком в его письменном выражении. Многие нюансы речи отражает интонация, паузы, мелодика звучащего голоса. Письменный текст лишь приблизительно передает контекст речи.

Речь и письменный текст, которые условно передают язык, содержат сочетание континуальности и дискретности, не обладающие постоянными пропорциями и носителями, которые характерны для текста и речи. Континуальность внутри межструктурных пустот языка (фонетических, лексических и синтаксических) поддерживает в языке «его чуткую отзывчивость и находчивость в применении» []. В своем развитии язык приобрел способность приспосабливаться к окружающему миру так же, как и говорящий на нем человек, не исключая и чувственной и душевной составляющей. «Мы открываем здесь под понятийными значениями слов экзистенциальное значение, которое не только ими передается, но которое одушевляет их и от них неотделимо. Главное, что совершает выражение, состоит не в том, чтобы сдать на хранение письму идеи, которые могли бы быть потеряны... но приводит к существованию значение как нечто в самой сердцевине текста... как новый орган чувств, открывая новое поле или новое измерение нашему опыту» [4, с. 60].

Однако для изучения диалогичности внутри языка необходимо обратиться к онтологии самого языка. Для рассмотрения онтологии языка следует погрузиться в языковую среду, проанализировать его требования, учесть структурообразующие составляющие, а также социально-психологические и общечеловеческие элементы «языковости», которые, как правило, относятся к раз-

ным дисциплинам или отраслям науки. При этом следует учесть тот факт, что язык — это «уже состоявшийся результат человеческой деятельности, наряду с другими материальными и духовными памятниками» [3, с. 290].

Кроме того, Киященко отмечает, что «начальные и конечные временные параметры онтологии языка теряются в глубине веков», значительно превышая период времени, отпущенный как отдельно взятому носителю языка, так и нации в целом. Пространственные характеристики свидетельствуют о широком распространении языка, для которого в современном мире границы стран и континентов больше не являются препятствием. Эти процессы обусловлены диффузным взаимовлиянием языков. В то же время пространство онтологии языка имеет параметры глубины и плотности в звуковом воплощении языка» [3, с. 291].

В языке, который, по сути, является созданием человека, отражаются его собственные черты. Одна из основных задач языка — воплощение мыслительной деятельности в коммуникационном процессе, т.е. создание из самого себя новых форм мыслительной деятельности.

При этом согласно традиционной парадигме, «все, что можно знать о языке, осмысленно сказать о нем, объяснить коллегам по дисциплине, лежит между уровнем фонем и предложений, выразимо и обязано быть выражено, но только в фонетических, лексических и грамматических терминах» [5, с. 60]. Эти три основных уровня лингвистики напрямую связаны с их основными понятиями: фонемой, словом, предложением.

В этом контексте особое значение имеет изучение иностранного языка. Американские ученые доказали, что, чтобы более четко оценить риски при принятии решения, необходимо обдумывать все на иностранном языке. Ряд экспериментов, проведенных на более чем 300 испытуемых из США и Кореи, показал, что размышление на иностранном языке способствует уменьшению влияния глубоко укоренившихся, вводящих в заблуждение предубеждений, которые заставляют иначе воспринимать риски и выгоду от сложившейся ситуации.

С точки зрения психологии, для процесса обдумывания у людей есть две определенные модели: одна — систематическая, аналитическая и познавательная-интенсивная, и вторая — быстрая, неосознанная, эмоциональная.

В свете этого вполне вероятно, что когнитивные потребности мышления на неродном языке заставляют людей тратить больше сил на мыслительные процессы, что в конечном счете делает даже быстро принятые реше-

ния более взвешенными. Не менее важно, однако, и то, что общение на иностранном языке заставляет людей поступать более осознанно, уменьшая роль потенциально ненадежных инстинктов.

Исследования также показывают, что непосредственные эмоциональные реакции на слова, которые несут эмоциональную нагрузку, не так сильно выражены в неродных языках, что также свидетельствует о факте их обдумывания.

Чтобы исследовать эти возможности, ученые под руководством Б. Кейсара разработали несколько тестов на основе сценариев, первоначально предложенных психологом Даниэлем Канеманом, получившем в 2002 году Нобелевскую премию по экономике за свою работу по теории перспектив, которая описывает, как люди интуитивно воспринимают риск.

Люди инстинктивно не склонны к риску, когда сталкиваются с потерей, даже когда им приходится принимать единственно верное решение. Это заложенная в каждом человеке предрасположенность, и если размышление

на иностранном языке заставляет людей думать менее систематически, команда Кейсара предположила, что тенденция будет увеличиваться. И наоборот, если использование неродного языка способствует более тщательному обдумыванию ситуации, эта тенденция уменьшится [6].

В результате проведенных экспериментов исследователи убедились, что иностранный язык обеспечивает полезную когнитивную дистанцию от автоматических процессов, способствуя аналитическому подходу в мышлении и уменьшая бездумную, эмоциональную реакцию.

Следовательно, язык несет в себе рациональное начало не только как средство выражения мыслей человека, способ коммуникации, но он рационален сам по себе, изменяясь с течением времени и в условиях сложившихся обстоятельств. Владение иностранным языком, использование его при обдумывании сложных ситуаций, преодолении трудностей оказывает значительное влияние на когнитивные процессы человека, заставляя его принимать более рациональные, взвешенные и тщательно обдуманные решения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Греческо-русский словарь. Сост. А. Д. Вейсманом. Спб., 1883. 685 с.
2. Гумбольдт В. Тип и функции языка есть организм духа // В кн.: Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М., 1985. 450 с.
3. Киященко Л. П. Диалог внутри языка. Рационален ли язык? [Электронный ресурс] // Философия науки и техники. 1995. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/dialog-vnutri-yazyka-ratsionalen-li-yazyk> (дата обращения: 06.02.2018).
4. Мерло-Понти М. Тело как выражение и речь // Онтология. Эстетика. Религиозная философия. Труды высшей религиозно-философской школы. Вып. 2. Спб., 1993.
5. Петров М. К. Язык, знак, культура. М., 1991. [Электронный ресурс] URL: <http://philosophy1.narod.ru/katr/petrovmk/index.html?oprd=1> (дата обращения: 07.02.2018).
6. Keysar B., Hayakawa S. L. The Foreign-Language Effect: Thinking in a Foreign Tongue Reduces Decision Biases [Электронный ресурс] // Psychological Science, published online 18 April 2012. URL: <http://www.sayurihayakawa.com/uploads/9/5/4/2/95429602/psychscience2012.pdf> (дата обращения: 06.02.2018).

© Крюкова Людмила Сергеевна (l.s.kryukova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ НА ВОСПРОИЗВОДСТВО ЗНАКОВЫХ СИСТЕМ В КОНТЕКСТЕ ТЕКСТА И ГИПЕРТЕКСТА

INFLUENCE OF INFORMATION CULTURE ON REPRODUCTION OF SIGNIFICANT SYSTEMS IN THE CONTEXT OF TEXT AND HYPERTEXT

**A. Matveeva
R. Krasnov**

Summary. The aim of the research is to study the influence of the information culture on the reproduction of sign systems in the context of text and hypertext. At the heart of the article's writing, the authors put two tasks: to study the features of symbolic exchange in the information culture, as well as the influence of virtual space on the transformation of texts and hypertexts, as the stable meanings of sign systems. The hypothesis of the study is that hyperspace forms hypertext, with its meaningful change in the views of readers and writers to the reproduction and production of information. In achieving the results, an analytical method is used, with the help of which the authors come to the conclusion that it is necessary to find stable forms of the existence of hypertext, for retaining the textuality in the reader's and writers' attitudes in the matter of producing and reproducing textual information. The article has a discursive character.

Keywords: virtual space, hermeneutic problem, sign system, printed text, text information, hypertext.

Матвеева Алла Ивановна

*Д.ф.н., профессор, Уральский государственный
экономический университет
ctig.usue@mail.ru*

Краснов Роман Валерьевич

*К.филол.н., доцент, Уральский государственный
экономический университет
krasnovrv@usue.ru*

Аннотация. Цель исследования заключается в изучении влияния информационной культуры на воспроизводство знаковых систем в контексте текста и гипертекста. В основе написания статьи авторами ставятся две задачи: изучить особенности знакового обмена в информационной культуре, а также влияние виртуального пространства на трансформацию текстов и гипертекстов, как устойчивых смысло-образований знаковых систем. Гипотезой исследования является то, что гиперпространство образует гипертекст, с его смыслообразующим изменением взглядов читателей и писателей к воспроизводству и производству информации. В достижении результатов использован аналитический метод, с помощью которого авторы приходят к выводу о том, что необходимо найти устойчивые формы существования гипертекста, для удержания текстуральности в читательских и писательских установках в вопросе производства и воспроизводства текстовой информации. Статья имеет дискурсивный характер.

Ключевые слова: виртуальное пространство, герменевтическая проблема, знаковая система, печатный текст, текстовая информация, гипертекст.

На протяжении всей истории человечества индивиды используют различные формы обмена информацией с помощью знаковой системы, включающие как внешнюю, так внутреннюю структуру, средств и способов выражения. Обществу известно несколько способов транслирования информации: лицом к лицу или непосредственный, устный, письменный, печатный и электронно-опосредованный.

Устный период, характеризуемый символическими посланиями, рассматривается в качестве позиции проношения. Печатный период смещает акценты в сторону связи-образа. Электронный период распространяет и увеличивает неустойчивость связи-образа.

Каждый способ отличает специфичная по своей сути и характеру связь языка и общества. Любой способ хранения и передачи информации взаимосвязан с сетью устанавливаемых в обществе научных правил. Превышение объема и количество полученной информации требует совершенства способов передачи последней,— от письменного до электронного. Изменяя социальную

структуру общества, электронные средства массовой коммуникации наряду с обеспечением доступности ранее конфиденциальных сведений влекут потерю личностью общественного статуса. Печать и литература сохраняют разделение и место социальных групп в иерархии общества. Изменившееся вследствие внедрения электронных средств пространственно-временного взаимодействия требуют создания новых условий языкового обмена.

Однозначный и монологичный электронно-опосредованный язык аннулирует изначально сформированные контексты. Устный способ трансформации информации предполагает взаимосвязь выступающих в качестве субъектов общества. Печать рассматривают и в качестве разумных интерпретаторов культуры, строящих логическую связь между линейными символами. Изменяющий сообщество говорящих и разрешающий соответствующую ему референтность передаваемого сообщения, однозначный средний язык, обеспечивает самоопределение объекта, тем самым преобразует себя в одно из средств общения с различными видами дискурса.

Электронные средства массовой коммуникации искажают определённую внешнюю передачу, что разрушает тождество субъекта с полем разговора.

В вышеобозначенном контексте, разговор о культурном воспроизводстве знаковых систем и текстуальной проблематики все усложняется вхождением в нашу жизнь электронных средств массовой коммуникации. Речь идёт о виртуальности. В разговоре о тексте и его производстве виртуальность можно смело рассматривать как культурный феномен. Педагоги сетуют на «клиповое мышление» подростков, при котором текст воспринимается фрагментарно. Понятно, что в виртуальном пространстве и электронных средствах массовой информации линейная организация восприятия и построения текста семимильными шагами уступает «свое место непреднамеренной синхронизации и спонтанному авторству» [2]. В конце XX постструктуралисты, утверждая «принцип методологического сомнения» по отношению к «метафизическому дискурсу» «позитивным истинам» и «критике языка» [1], поставили в центр внимания проблему языка, поэтому у них «язык» выступает не только средством познания, но и инструментом коммуникации в обществе (проблема языка выражается в его деградации).

В речах комментаторов, журналистов, политических обозревателей, видеоблогеров, телезвезд и др. интерпретирующих и манипулирующих сознанием с носителей электронных средств массовой коммуникации, мы слышим избитые стереотипные формулировки, в связи с этим люди начинают жить не в реальном мире, а мире фантомов, в котором теряются все авторские права на текстовую информацию.

Интерпретативный шлейф, сопутствует любому текстовому образованию, что само по себе является герменевтической проблемой, которая приобретает новую трактовку в понимании гипертекстовой организации коммуникационного пространства в виртуальной среде.

Рубертом Кувером в произведении «Конец книг» раскрывается смысловое определение гипертекста, как электронного текста, который воспроизводится и воспринимается непосредственно через компьютер, типографская печать не властна распространить свой порядок на нелинейное пространство, создаваемое процессором. Мы согласны с Кувером в том, что гипертекст является интерактивной и в тоже время радикально отличающейся технологией от печатного текста, с его однонаправленными движениями, заключающимися не только в печатной форме передачи информации, но и перелистыванием страниц. В газете «Нью-Йорк таймс», (21-й июня 1992 г.) Кувер написал, что гипертекст «утверждает плюрализм дискурса надстройкой определённой фиксации текста».

Электронные книги, социальные сети и другое виртуальное пространство все больше и больше демонстрируют «захват территорий» гипертекстом. Язык современной специализированной культуры (политической, художественной, научной, инженерной и т.п.) почти не доступен широким слоям, поэтому обществу необходимы некие переводчики (трансляторы) — гиперссылки.

Знаково-информационная система, образующая посредством гипертекста, создает гиперпространство, выражающееся в усложненных многомерных связях, образующих так называемую сеть между сегментами текста. Восприятие информации через «клиповое мышление», хотя в данном случае его можно назвать точнее «читательской цифровой организацией текстовых фрагментов» [1] позволяет создавать многочисленные версии полученной информации, полученной через виртуальное пространство в электронном виде. Текстуальность в читательских и писательских установках в вопросе производства и воспроизводства текстовой информации претерпевает необратимое изменение.

Изначально печатный текст рассматривается как определенное устойчивое смысловое образование знаковой системы, в процессе развернутого повествования. С помощью виртуальной коммуникации, текстовое выражение мысли в массовом сознании преобразуется в «хаус» и заново рождается в гипертексте с нарушением всех причинно-следственных связей. На уровне частного опыта этот процесс проявляется во введении в широкий обиход сленговых выражений типа «это мною хорошо принимается», «я тебя услышал», «я сильно загружен» и т.д.

Для решения вышеописанной проблемы «деградации языка» в виртуальном пространстве научному сообществу, необходимо организовать работу по введению устойчивых форм не только гипертекста, но и текстуальной реальности, которую не получится описать в рамках одной статьи, это междисциплинарная работа глубокого содержания. Так как данная статья имеет дискуссионный характер, то авторы в первую очередь предлагают на рассмотрение три основные проблемы, возникающих в ходе влияния информационной культуры на воспроизводство знаковых систем в контексте текста и гипертекста. Первая проблема, заключается в окончательном исчезновении в контексте виртуальной реальности подлинных прав, которые в лучшем случае определяются системой «antiplagiat» или поисковыми системами, растворяясь в именах сайтов, виртуальных адресов, ссылках, сносках и упоминаниях.

Вторая проблема заключается в стираниях физических и смысловых границ текстов. Необходимость к обращению к гипертексту в информационной культуре с присущей ей виртуальной реальностью текст можно

сравнить с текстуальностью, выражающейся в некотором смысловом единстве созвучий, влекущие за собой случайные соответствия или элементы синхронизации. Третья проблема заключается в виртуализации, не только текстовой реальности, но и самого текста. Текст становится не авторским пространственным выражением реальных событий, происходящих в культуре,

обществе политике и науке и т.п., а в виртуальном пространстве существует сам по себе как множественные сноски, аллюзии, повторы цитаты и ассоциации. Анализ вышеперечисленных проблем, возможно объединить одной — проблемой культурного воспроизводства знаковых систем, которую предстоит решать не одному поколению ученых.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ибатова А. З. Изучение фразеологического состава групп языков: сопоставительный анализ // Глобальный научный потенциал, № 2(83), 2018. С. 24–27
2. Кирикова О. И. Философия, вера, духовность: истоки, позиция и тенденции развития: коллективная монография. — Воронеж: Воронежский гос. пед. университет, Книга 15, § 2. Топология текста, 2008. С. 119–149.
3. Маслова В. А. Ното lingualis в культуре: монография. М.: Гнозис, 2007. 320 с.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка: около 57000 слов / под ред. чл.- корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. 17-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1985. 797 с.
5. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
6. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973. 280 с.

© Матвеева Алла Ивановна (stig.usue@mail.ru), Краснов Роман Валерьевич (krasnovrv@usue.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Уральский государственный экономический университет

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА КАК ДЕТЕРМИНАНТ БЫТИЯ ЛИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ)

SOCIO-CULTURAL ENVIRONMENT AS A DETERMINANT OF THE INDIVIDUAL BEING (BY THE EXAMPLE OF CULTURAL INSTITUTIONS)

**I. Petrov
S. Petrova**

Summary. the Medium is the source of human reproduction, it is the object of transforming influence, the purpose and the field of application of his efforts, his activities. Studying the environment, you can get an idea of the sources of the formation of the spiritual world of the individual, the conditions and motives of its activities and behavior. Socio-cultural microenvironment, as a mediated environment of the individual, is the most important regulator of its activity in General and creative in particular. The article is devoted to the consideration of socio-cultural microenvironment of a cultural institution as a set of factors and conditions determining the social existence of the individual within the framework of a cultural institution, through which new cultural needs, interests and motives of the individual in the field of free time are satisfied, formed and arise.

Keywords: person, person, environment, micro environment, macro environment, sociocultural environment, cultural institution, need, activity.

Личность не пассивный объект воздействия социальной среды, она активно влияет на нее, избирательно относится к внешним стимулам, предполагаемым нормам поведения. В повседневной жизни человек постоянно подвергается объективному влиянию многочисленных элементов социальной среды, ее различных видов, с другой стороны — сам участвует в ее преобразовании и усовершенствовании, изменяя тем самым и самого себя — свою физическую и духовную природу. То есть среда является источником воспроизводства человека, она объект преобразующего воздействия человека, цель и поле приложения его усилий, его деятельности. Изучая среду, можно получить представление об источниках формирования духовного мира личности, условиях и мотивах ее деятельности и поведения [1]. Личность во многом формируется во взаимодействии с социальной средой, в процессе социально-преобразующей деятельности. «...Люди суть продукты обстоятельств и воспитания... следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и измененного воспитания...» [2, с. 2].

Петров Игорь Федорович

*Д.ф.н., профессор, Академия маркетинга и социально-информационных технологий, г. Краснодар
IgorPetroff@yandex.ru*

Петрова Софья Игоревна

*К. культурологии, преподаватель, Академия маркетинга и социально-информационных технологий, г. Краснодар
Sofya8888@yandex.ru*

Аннотация. Среда является источником воспроизводства человека, она объект преобразующего воздействия, цель и поле приложения его усилий, его деятельности. Изучая среду, можно получить представление об источниках формирования духовного мира личности, условиях и мотивах ее деятельности и поведения. Социально-культурная микросреда, как опосредованное окружение личности, является важнейшим регулятором ее деятельности вообще и творческой в частности. Статья посвящена рассмотрению социально-культурной микросреды учреждения культуры, как совокупности факторов и условий, детерминирующих социальное бытие личности в рамках учреждения культуры, посредством которых удовлетворяются, формируются и возникают новые культурные потребности, интересы и мотивы деятельности личности в сфере свободного времени.

Ключевые слова: личность, человек, среда, микросреда, макросреда, социально-культурная среда, учреждение культуры, потребность, деятельность.

Что же представляет собой социальная среда? По мнению, например, Ю. В. Сычева, «категория социальной среды свидетельствует о существовании объективного социального окружения по отношению к индивиду, группе, классу. В структурном плане социальная среда представляет собой социально-экономические, политико-идеологические и бытовые условия, а также совокупность людей, связанных общностью этих условий» [3]. При этом известно, что человек не пассивно воспринимает воздействие среды, а активно и избирательно, в зависимости от социальной роли и своего места в системе общественных отношений.

Принято различать два понятия — социальная макросреда и социальная микросреда: социальная макросреда — это совокупность материальных условий и общественных отношений, которые присущи всему обществу; микросреда — это объективная реальность, представляющая совокупность социально-психологических факторов, непосредственно взаимодействующих с личностью в процессе ее жизни и практической деятельности.

Макросреда и микросреда представляют собой две взаимосвязанные сферы взаимодействия личности со своим окружением. Они образуют на какой-то грани переход от психологии индивида к обществу и от общества к индивиду. Эта грань, на которой взаимодействуют силы макро- и микросреды, есть не что иное, как группа, коллектив, где протекает жизнь каждого из нас. Через микросреду и ее особенности каждый из нас осваивает своеобразно и специфически макросреду: опыт и знания предшествующих людей и современного поколения. Таким образом, этот процесс взаимодействия идет не прямо от общества к индивиду, а всякий раз через непосредственный круг общения, через приобретенный индивидуом опыт [4, с. 13–14].

Следует учитывать, что влияние социальной микросреды на формирование культурных потребностей личности может носить как позитивный, так и негативный характер. Обычно более сильное воздействие социальной микросреды бывает на еще не полностью сформировавшуюся личность, а также в том случае, когда ее собственные интересы и потребности совпадают с требованиями социальной микросреды. «Различие между общественной средой и «средой личности» как раз и объясняет индивидуальные вариации как в психическом складе личности, так и в содержании ее взглядов, убеждений и т.п., а их общность и родство формируют типические личные свойства» [5].

Сила влияния социальной микросреды на группы и отдельные личности различна и зависит (применительно к нашему аспекту рассмотрения):

- ◆ от состояния самой среды и зрелости существующих в ней социокультурных отношений;
- ◆ уровня развития социальной группы и ее места в системе общественных отношений, что определяет характер преобладающих культурных потребностей и интересов, вытекающих отсюда установок на положительное или отрицательное восприятие явлений и фактов действительности;
- ◆ образа и стиля мышления, которые формируются образом жизни, видами деятельности в зависимости от общего и специфического образования, приобретенного социального опыта [6].

Принято выделять следующие виды социальной микросреды по таким признакам, как производственно-трудовой, территориальный, семейно-родственный, национально-этнический, возрастной, половой, религиозный и др.

Границы между социальной макросредой и социальной микросредой носят довольно условный характер. Так, большой трудовой коллектив может одновременно выступать и макросредой.

Социально-культурная микросреда, как опосредованное окружение личности, является важнейшим регулятором ее деятельности вообще и творческой в частности. Однако было бы ошибочным, анализируя механизмы поведения человека, все сводить к ее последствиям. Попытаемся показать это на примере деятельности учреждений культуры. Все дело в том, что каждое учреждение культуры имеет свои материально-технические, профессионально-творческие, личностно-межличностные и другие условия. Совокупность этих условий характеризуется таким понятием, как социально-культурная микросреда учреждения культуры, которая оказывает непосредственное воздействие на личность и ее деятельность. Социально-культурная микросреда учреждения культуры — это совокупность факторов и условий, детерминирующих социальное бытие личности в рамках учреждения культуры, посредством которых удовлетворяются, формируются и возникают новые культурные потребности, интересы и мотивы деятельности личности в сфере свободного времени.

В учреждениях культуры удовлетворяются и развиваются важнейшие потребности и интересы личности, при этом эмоционально-психологическое состояние, которое она испытывает в процессе деятельности (творческой — продуктивной и репродуктивной), может быть, как отмечалось, позитивным и негативным и зависеть от многих условий культурной микросреды учреждения культуры.

Остановимся на каждом из них. В материально-технических условиях микросреды протекает деятельность личности, группы, самостоятельного коллектива, массовой аудитории и профессиональных работников (субъекта). В материально-технические условия входят:

- ◆ материальные — само здание, комнаты для занятий кружков художественной (технической, социальной и др.) самостоятельности, зал для киносеансов, концертов, танцевальный зал, фойе, гримерные и т.д. Их важнейшими показателями служат: цветовое сочетание стен, коридоров, комнат и др.; высота потолков, ширина коридоров, комнат и др.
- ◆ технические — техническая оснащенность учреждения культуры аудио-видеотехникой, одеждой сцены, музыкальными инструментами и т.д. Их важнейшими показателями являются всевозможные технические и эстетические характеристики.

Профессионально-творческие условия микросреды учреждения культуры определяют качественные возможности различных внутренних процессов. В них входят:

- ◆ профессиональная подготовленность работников культуры;
- ◆ творческие возможности как коллектива профессионалов (и каждого в отдельности), так и посетителей: личности, группы, массовой аудитории. Важнейшими показателями здесь являются различные характеристики личности, профессиональный статус работников культуры (как их творческий потенциал, так и аудитории, их сочетание). Это, если можно так сказать, количественные и качественные параметры. Причем изменение количественных показателей, как правило, влечет за собой качественные изменения и наоборот.

Личностно-межличностные условия микросреды определяют качество и интенсивность общения, влияющие на чувство сопричастности и непосредственной зависимости друг от друга и от всех (в коллективах самодетельности, например). В них входят: внутрисубъектные — в частности, между работниками культуры; внутриобъектные — между посетителями, членами самодетельности и т.п.; субъектно-объектные — между работниками культуры и посетителями, участниками самодетельности и др. Одним из главных показателей здесь является коммуникабельность.

Можно выделить отдельно и организационные условия микросреды. В них входят различные формы, способы и методы синтезирования и взаимодействия всех вышеперечисленных условий.

Все названные условия находятся в тесной взаимосвязи и взаимообусловленности и взятые вместе с личностными факторами составляют социально-культурную микросреду учреждения культуры. Таким образом, влияние социальной микросреды на личность, и в частности на ее культурные потребности, оказывается не меньшим, чем профессиональных работников культуры.

При рассмотрении вопроса о роли и месте учреждений культуры в удовлетворении потребностей личности большое значение приобретает принцип системности. Системное исследование позволяет воспринимать этот процесс как целое, выделяя в нем наиболее важные звенья, находя пути их взаимодействия.

В нашей стране исторически сложилась система учреждений и организаций, удовлетворяющих культурные потребности личности. В совокупности все элементы системы, образуя целостное единство, составляют ее структурную основу. Она включает:

- ◆ средства массовой информации (печать, радио, телевидение, кино), обладающие множеством каналов и способов передачи информации

на огромные расстояния с минимальными затратами времени;

- ◆ комплекс образовательных учреждений, деятельность которых обеспечивает постоянное увеличение интеллектуального потенциала общества. В него входят: дошкольные учреждения; общеобразовательные школы; средние специальные и высшие учебные заведения и др.;
- ◆ учреждения культуры: театры; клубные учреждения; библиотеки и др.;
- ◆ учреждения культурно-бытового назначения, включающие в себя всевозможные пункты проката, ателье, парикмахерские и т.п.;
- ◆ добровольные общества;
- ◆ физкультурно-спортивные учреждения и др.

Эффективность работы по удовлетворению потребностей личности невозможна без определения роли каждого элемента системы учреждений и организаций, решающих эту проблему. Требование координации и дифференциации действий социальных институтов проблематично без выявления их специфики. Поэтому выделение характерных особенностей учреждений культуры помогает избежать дублирования с деятельностью других элементов системы, а также полнее удовлетворять потребности личности.

Давая общую характеристику перечисленным учреждениям и организациям, можно сказать, что их функции многообразны, но каждое из них призвано осуществлять свою деятельность в соответствии с основными профессиональными целями. Это — общее, связующее все элементы. Специфическое же заключается в том, что каждый из элементов системы, в том числе и учреждения культуры, решает свои задачи присущими ему способами и методами.

Учреждения культуры можно подразделить на группы. Первая группа организует непрофессиональную культурную деятельность личности (библиотеки, клубы и др.). В деятельности другой группы участвуют только специалисты-профессионалы (театры, творческие союзы, издательства, теле- радиостудии и т.д.).

Проанализируем степень удовлетворения культурных потребностей личности в учреждениях первой группы.

По содержанию и характеру своей деятельности учреждения культуры полифункциональны. Их важнейшими функциями являются:

- ◆ организация отдыха и развлечений;
- ◆ организация межличностного общения;
- ◆ развитие самодетельного художественного (технического, социального) творчества и др.

Учреждения культуры являются своеобразными центрами организации досуга. Личность выступает здесь не только как потребитель культурных ценностей, но и как активный участник творческого процесса. К особенностям следует отнести и многообразие форм и методов работы, применяемых в зависимости от конкретных условий, социально-психологических различий аудитории, материальной базы и т.д. Разносторонний характер деятельности, сочетание просвещения с отдыхом и развлечениями, использование эмоциональных средств, активное участие посетителей в организации мероприятий (например, в клубе) — все это делает их важным звеном в системе учреждений и организаций, удовлетворяющих культурные потребности личности. Немаловажно и такое обстоятельство: они функционируют в сфере свободного времени. Это представляет известные трудности в организации их деятельности. Она меньше поддается жесткой регламентации и строится с учетом, прежде всего, потребностей и интересов социальных групп.

Всякая целостная система обладает соответствующим составом определенных элементов. В свою очередь, эти элементы представляют собой системные образования более низкого порядка. Так, являясь элементом системы, удовлетворяющей культурные потребности населения, учреждение культуры, в свою очередь, представляет собой самостоятельную социальную систему. Его деятельность как системы включает в себя следующие компоненты:

- ◆ цели и задачи;
- ◆ содержание деятельности;
- ◆ объект и субъект;
- ◆ условия деятельности;
- ◆ средства, методы и формы;
- ◆ критерии эффективности.

Рассмотрим несколько подробнее каждый из приведенных компонентов.

В деятельности учреждений культуры по удовлетворению культурных потребностей личности можно выделить ближние, средние и дальние цели. К ближним целям, с известной долей условности, можно отнести удовлетворение отдельных культурных потребностей и интересов, определяющих сущность культурного облика личности, к средним целям — удовлетворение высоких культурных потребностей. И в качестве дальней перспективы выступает стремление удовлетворить (развить) культурные потребности, которые присущи развитой личности.

Задачами учреждений культуры в нашем аспекте рассмотрения являются:

- ◆ выявление культурных потребностей различных социально-демографических групп;

- ◆ характеристика их уровней;
- ◆ определение социально-психологических типов личности;
- ◆ разработка путей удовлетворения культурных потребностей в зависимости от уровней и особенностей социально-психологических типов;
- ◆ непосредственная организация деятельности.

Содержание работы учреждений культуры обусловлено целями и задачами. Соответствие содержания работы характеру потребностей социально-демографических групп (и иных) населения — одно из условий эффективности. Объектом является аудитория, состоящая из жителей конкретного региона (реальная и потенциальная). Субъектом выступают:

- ◆ профессиональные работники;
- ◆ артисты;
- ◆ сами посетители; коллективы самодеятельности и др.

Наряду с ними в качестве субъекта могут выступать представители других социальных институтов (школы, всевозможные общества и др.).

Степень удовлетворения и формирования культурных потребностей личности в значительной мере зависит и от условий, в которых протекает деятельность учреждений культуры, от его материально-технической базы, профессиональной компетенции работников и т.д. Значительное место в деятельности рассматриваемых учреждений отводится средствам, методам и формам работы, используемым в зависимости от конкретных ситуаций и условий, в которых протекает эта деятельность. В практике обычно используется вся совокупность средств, форм и методов в тесном взаимодействии друг с другом.

При рассмотрении вопроса о критериях эффективности мы придерживаемся известного положения о результативности деятельности. А именно — действия личности являются основным критерием эффективности деятельности учреждения культуры. Хотя выявить влияние именно его из всего многообразия влияний других социальных институтов не так-то просто. В связи с этим (наряду с основными критериями — как, например, изменяется сознание человека, каково его поведение и т.д.) необходимо сформулировать дополнительные специфические критерии эффективности. К ним можно отнести:

- ◆ увеличение посещаемости мероприятий, создание стабильной аудитории;
- ◆ изменение отношения к учреждению культуры (положительная оценка его деятельности);
- ◆ степень активности на мероприятиях;
- ◆ соответствие материала мероприятий потребностям и интересам различных социально-демо-

графических групп, минимальный разрыв между уровнем культурных потребностей и степенью его удовлетворения;

- ◆ увеличение удельного веса в аудитории представителей с высоким уровнем развития культурных потребностей и др.

В силу своего непосредственного и эмоционального влияния на личность, многообразия форм работы уч-

реждения культуры не теряют своего значения и в настоящее время, а играют заметную роль в формировании личности. Уступая средствам массовой информации в оперативности и подчас в профессионализме, они, тем не менее, обладают преимуществом — возможностью непосредственного и прямого контакта с личностью. Не менее важную роль они играют и в развитии творческих способностей и дарований. Все это определяет их социальную значимость.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смирнов Г. Л. Социалистическая культура и личность. — М., 1987. — С. 62.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Тезисы о Фейербахе. Полн. собр. соч. — 2-е изд. — М., 1955–1981. Т. 3. — 629 с.
3. Сычев Ю. В. Микросреда и личность. — М., 1984. — С. 9.
4. Кулиев Т. А. Проблема интересов в обществе. — М., 1979. — 233 с.
5. Буева Л. П. Социальная среда и сознание личности. — М., 1968. — С. 126.
6. Левыкин И. Т. Социальная психология и ее актуальные проблемы. — М., 1988. — С. 53–54.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Тезисы о Фейербахе // Там же. Т. 3. — 629 с.
8. Социализм и личность / под ред. Л. М. Архангельского. — М., 1989. — 357 с.
9. Петров И. Ф. Социальное строение и внутренняя форма организации личности // Современные научные исследования и разработки. — 2017, № 4 (12). — С. 215–217.
10. Петров И. Ф. Региональная социокультурная среда: проблемы анализа и управления // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2010, № 4 (13). — С. 131–136.
11. Петрова С. И. Актуальные проблемы изучения социальной среды // Вестник ИМСИТ. — 2017, № 1 (69). — 21–23.
12. Петрова С. И. Движущие силы, влияющие на формирование личности // Современные научные исследования и разработки. — 2017, № 4 (12). — С. 228–230.
13. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М.: Медиум, 1995. — 323 с.
14. Berger, P. L., Luckmann, T. The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge. 1966.

© Петров Игорь Федорович (IgorPetroff@yandex.ru), Петрова Софья Игоревна (Sofya8888@yandex.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Академия маркетинга и социально-информационных технологий, г. Краснодар

СВЯЗЬ МЕЖДУ МИРАМИ ЧЕРЕЗ ОБРЯДЫ, ЕДУ

THE LINK BETWEEN WORLDS
THROUGH CUSTOMS, FOOD

T. Pyatnikova

Summary. The article is written on the basis of the author's field materials collected during 1998–2010 in the settlements of Beloyarsk district of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Yugra of the Tyumen region, and available data in literary sources. The purpose of the article is to expand the range of sources of rites, characterized by the role of rites, food in the life of the Khanty people living in the territory.

Keywords: rite, deity, mythology, goddess Kaltashch, «sacrificial covering».

Пятникова Тамара Романовна

Белоярский филиал Обско-угорского института
прикладных исследований и разработок, г. Белоярский
toma.pyatnikova@mail.ru

Аннотация. Статья написана на основе полевых материалов автора, собранных в течение 1998–2010 гг. в поселениях Белоярского района Ханты-Мансийского автономного округа-Югры Тюменской области, и имеющимся сведениям в литературных источниках. Целью статьи является расширение круга источников по обрядам, характеризуется роль обряда, еды, в жизни народа ханты, проживающих на данной территории.

Ключевые слова: обряд, божество, мифология, богиня Калташ, «жертвенное покрывало».

Обычаи и обряды — это основные хранители исторической памяти любого народа, благодаря которым воспроизводится культура из поколения в поколение. Именно поэтому, преемственность обычаев рассматривается людьми, как основные законы жизни. Следование своим обычаям, участие в обрядах, позволяет человеку ощущать себя членом определённого общества, укрепляет связь с народом, является важным фактором сохранения и развития различных форм идентичности: этнической, социальной, культурной, и др. Обрядовая деятельность хантов, прежде всего была направлена на получение благодати, помощи от сверхъестественных обитателей Верхнего и Среднего мира, а также на убеждение от негативного влияния существ Нижнего мира, духа болезни и смерти.

В данной статье вкратце будет описан обряд в честь наиболее почитаемого хантыйского божества *Варт пух* «Богатыря сын». Сведения о нём и его функциях можно найти в работах: Карьялайнен К. Ф. [1, с. 137–147]; Гондатти Н. Л. [2], Руденко С. И. [3], Чернецов В. Н. [4], Прыткова Н. Ф. [5], Кулемзин В. М., Лукина Н. В. [6, 94–95], Бауло А. В. [7], Гемуев И. Н., Бауло А. В. [8], Глушкова Т. Н. [9] и др. работы.

Согласно хантыйской мифологии, у Небесного отца *Тарум ащи* было семь сыновей. После установления земли они были спущены на землю и стали местными духами-покровителями, где каждый был наделён определёнными функциями. Самый младший из них *Варт пух* был назначен *Мир ванты хэ*, букв.: «За людьми смотрящий мужчина». «Свое главенство над братьями получил после того, что по просьбе отца раньше других приехал к нему. Отец велел другим сыновьям почитать его за старшего, а людям за главного руководителя

и судью; сыну-же приказал заботиться о людях» [2, 53]. Место нахождения назначил ему дедушка, отправил его в путь словами: «... Ты, внучек, к вершине обильной пищей Оби иди, к вершине обильной рыбой Оби иди... на твоё место... На спине твоего священного зверя (лошади), пёстрого как месяц, круглый свет, обведённый обручем, ты объезжай...» [4:34]. Относительно его образа «... у него вид человека, имеющего на голове шапочку из разноцветного сукна с собольей, лисьей оторочкой; его главным местопребыванием считается священное урочище около Троицких юрт на Оби, куда каждый иноходец в три года раз съездит, а если не сможет, то присылает дары» [2, 56].

По Миллеру, «... это общественный дух. Ему оказывалось наибольшее почитание, к нему приходили для получения содействия по всякому поводу. ... из самых отдалённых деревень ему доставляли в жертву скот, а именно лошадей» [1, с. 138].

По сведениям информантов, он имеет множество эпитетов. Описательные имена отражают различные признаки и ипостаси: *Варт пух* «Богатыря сын»; *Нүм хэ*, *Сорни варт* «Верхний мужчина Золотой (дорогой) богатырь»; *Калташ имен пух* «Калташ женщины сын»; *Лов шайншай хэ* «Всадник мужчина»; *Мүв кертты хэ* «Землю объезжающий мужчина»; *Ай Мош хэ* «Маленький мужчина Мош»; *Ими-хи́лы* «Бабушкин внук» или «Женщины племянник» т.д. Ещё с давних времён люди знали, что земля имеет круглую форму, т.к. одна из его функций *Мүв кертты хэ* «Землю объезжающий (огигающий) мужчина». Информанты рассказывают: «На спине белой лошади, на спине пегой лошади с божествами землю, с духами землю объезжающий царь-отец». Он на своём коне объезжает землю, меряет её, выслушивает просьбы

молящихся, помогает излечению болезней. Его место находилось в селение Троицы (окрестности г. Ханты-Мансийска), жертвуют лошадь светлой масти. В каждой семье хоть раз шили покрывало для его лошади в течение 7 дней и делали «Вэрт пәсан «Стол богатырю» (Ользина М. А., Пятникова Е. Г.). А. В. Бауло покрывало называет «жертвенным». «Покрывало представляло собой полотнища прямоугольной формы с четырьмя, шестью или семью фигурами всадников; они символизировали «седло бога» [7, с. 133].

В литературных источниках есть сведения, что: «... Он является сыном богини Калтац (относится к фратрии Мощ). По своему облику он так же, как и его мать, представляется в виде гуся [4, с. 36]. Информанты в молитвах о нём говорят: «Весеннего гуся, осеннего гуся облик имеющий богатырь». По сведениям учёного В. Н. Чернецова, представление о *Мир ванты хэ* — предке фратрии Мощ надо считать более поздним по сравнению с Калтац, относя его к эпохе возникновения патриархата» [Там же, с. 31]. В деревне Тугияны проживают носители фамилии Себуров, их духом-покровителем является *Калтац пух* «Калтац сын.» Богиня Калтац, в мифологических представлениях народа ханты, ее связывают с Мать-Земля, защитница от болезней и подательница детей, определяет срок жизни человека при рождении, считается супругой *Тэрум аци* «Небесного отца.»

Согласно представлениям, обитатели Верхнего мира являлись не только строителями Вселенной, повелителями стихий, с ними связывают происхождение человека, растений, животных, жизненных благ. Например, Млечный путь мыслится как лыжня *Ай Моц хэ* «Маленький мужчина Мощ». В мифе о шестиногом лосе говорится, что сын *Тору́ма* гнался за лосём и отрубил ему задние ноги, чтобы в будущем, когда появятся на земле люди *хәнты хэ йисән тэрум тывәл, хәнты хэ нәптән тэрум тывәл* «Когда-то человеческий век наступит, человеческая эра наступит...», чтобы могли его добывать. С неба были спущены и некоторые животные, чтобы они размножились на земле и стали добычей охотника, помощниками людей (лошадь, лось, собака и др.). Обитатели Верхнего мира заботились о людях, помогали им создавать условия для проживания. Человек в свою очередь заботился о них, проводили ежедневные обряды угощения едой, жертвоприношения и т.д.

В образе *Нүм хэ* он является посредником между людьми и Небесным отцом. Выслушивает просьбы молящихся и передаёт их отцу. Приведу в пример фрагмент мифа, рассказанный Гришкиной П. А.: «... Когда на земле стало темно, мама отправляет младшего сына свататься к дочери солнца. По пути к нему присоединяются братья. Подъехали к месту, где подниматься на небо, там стоит *Нүм хэ* с опущенными руками, шапка лежит в стороне.

На вопрос: «Что делаешь?» — Ответил: «Выслушиваю просьбы и молитвы людей, шапку снял, чтобы хорошо слышать...». В исследовательской работе С. К. Патканова говорится, что «Долго ждал древний герой от семи жён сына, способного натянуть лук, дочь с иглой в руках, работающую кончиками пальцев, но напрасно. Не помогли ни богатые жертвоприношения богу, ни молитвы. Рассерженный, он сжигает всех своих идолов, богатства. Густой дым попадает в глотку Небесному отцу. От сына он узнаёт причину такого дыма. Передаёт герою три зёрнышка величиной с косточку черёмухи. Съев их, у жены героя рождается сын» [10, с. 29].

В хантыйских сказках он наиболее известен под именем *Ими-хилы*, мальчик сирота (букв.: бабушкин внук, женщины племянник). Наиболее важной его функцией является борьба с пугающими лесными существами. Он побеждает своих врагов благодаря своей хитрости, ловкости и находчивости. Повзрослев, он женится на дочерях, представительниц разных миров. Встречаются сказки, где расправившись с лесными существами, он назначает своих дядю, тётю или бабушку духами-покровителями людей, назначает им место нахождения.

Наиболее известный его образ *Лов шйнийн хэ* «Всадник мужчина» (досл.: лошадь, на спине, мужчина). Рассмотрим роль лошади в мифологии хантов. Из предистории: Этимология термина «сибыр» (себар, сепыр, сипыр), согласно литературным источникам, возникла в среде ираноязычных сакских племён, обитавших в Средней Азии с 6 в. до н.э. Саки называли своих северных соседей «асабары», что означало «всадники», несомы конями». Племена савиров (угров-савиров) обитали в западносибирской лесостепи в раннем железном веке и постоянно общались с сакскими племенами. В письменных источниках угры-савиры упоминаются в составе племён гуннского союза. Известный этнограф и археолог В. Н. Чернецов считал, что степные предки обских угров продвинулись в западно-сибирскую тайгу в 1 в. н.э. под именем угров-саиров, будучи вытеснены воинственными гуннами [11, с. 293]. Население лесостепной и южнотаёжной зон Западной Сибири разводило лошадей ещё во 11 тыс. до н.э. Лошадь использовалась, главным образом как жертвенное животное. Культ всадника-богатыря и богатырский эпос начали складываться у южных предков обских угров в 1 тыс. до н.э. — середина 1 тыс. н.э. [Там же, с. 301]. В мифологии народа ханты лошадь играет важную роль. Она является средством передвижения героев сказок и божеств.

Краткое описание обряда Вэрт пәсан «Стол богатырю» по рассказам информантов.

Жертвовали ему лошадь белой (светлой) масти. Один раз в семь лет ему «делали» *пәсан* «стол» и шили по-

крывало для лошади из сукна, украшенного фигурками всадника на коне, в течение семи дней. Для изготовления «покрывала» хозяин дома приглашал пожилую женщину, которая в течение семи дней проживала в этой семье. Перед началом «шитья» в присутствии приглашённых гостей проводился обряд жертвоприношения животного (телёнок или овца), божествам выставлялось угощение-еда, горячий чай. Считалось, что паром, поднимающимся от горячей пищи, насыщались божества, едой — человек. Во время работы швеи в доме соблюдалась тишина. Каждый день, работая до захода солнца, мастерица на покрывало, вырезала и пришивала определённое количество узоров. Передний край покрывала украшался головой рыжей лисы, задний — хвостом. Ежедневно, после захода солнца рабочее место швеи разбиралось до утра и снова выставлялось угощение. К середине седьмого дня шитьё должно было быть завершено. Покрывало, в последствие хранилось на крыше дома.

По мнению И. Н. Гемуева и А. В. Бауло традиция возложения на спину жертвенного животного покрывала с изображением скачущего всадника, могла возникнуть в таёжных районах Западной Сибири, в Среднем Приобье и Прииртышье под влиянием южных степных культур, близких к иранским корням. Обряд называется как «седло Мужчины, осматривающего мир».

При проведении обрядов приглашаются соседи, родственники, совместная трапеза объединяет людей, общает их к божествам. Через действия с пищей, так же,

как и через молитвы, человек вступает в тесные контакты со сверхъестественными силами и постоянно поддерживает эти контакты для самоуспокоения, обретения относительной уверенности в будущем. Пищу и другие приношения можно считать сделкой между человеком и божеством, когда жертва предлагается взамен тех или иных благ. Во время обрядов пища исполняет роль посредника между человеком и божествами, объединяет 3 разные сферы — верхний мир, где обитают верховные божества, людей, живущих на земле, нижний мир — во время поминального обряда. Во время трапезы между ними устанавливается незримая связь.

Информанты

- ◆ Гришкина (Лельхова) Пелагея Алексеевна, род.: д. Пашторы, 1932 г.
- ◆ Лельхова (Юмина) Ульяна Никифоровна, род.: Руц хавт нюл, 1929 г.
- ◆ Лельхова Евдокие Ефремовна, род.: д. Пашторы, 1936 г.
- ◆ Ользина (Гришкина) Матрёна Алексеевна, род.: д. Тугияны, 1924 г.
- ◆ Пятникова (Ользина) Евдокия Григорьевна, род.: ю. Суреи 1924 г.
- ◆ Юрьева (Юмина) Ксения Дмитриевна, род.: д. Су-матнелы 1933 г.
- ◆ Юмина (Лельхова) Матрёна Григорьевна, род.: д. Пашторы, 1934 г.
- ◆ Юхлымова (Миляхова) Прасковья Николаевна, род.: д. Чуэли, 1930 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов. Т. 2: /Перевод с немецкого и публикация д-ра ист. Наук Н. В. Лукиной: — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. — 284 с.
2. Гондатти Н. Л. Куль медведя у инородцев Северо-Западной Сибири // Труды этнограф. отделения императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. 1886 г. кн. У11, с. 74–87. Гондатти Н. Л. Следы языческих верований у маньзов. // 1886 г., кн. У11. с. 49–73.
3. Руденко С. И. Графическое искусство остяков и вогулов / Материалы по этнографии. Т. 1У. Вып. 2. Этнографический отдел Гос. Русского музея. С. 13-
4. Чернецов В. Н. Фратриальное устройство Обско-Югорского общества // СЭ, Т. 11. М. 1939. С. 20–42.
5. Прыткова Н. Ф. Жертвенное покрывало казымских хантов // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. Х1. 1949. С. 376–379.
6. Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Каким богам поклонялись ханты / Знакомьтесь: ханты. — Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1992. — 136 с.
7. Бауло А. В. Небесный всадник (жертвенные покрывала северных хантов / Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. С. 132–144.
8. Гемуев И. Н., Бауло А. В. Небесный всадник. Жертвенные покрывала манси и хантов. Новосибирск. 2001. — 175 с.
9. Глушкова Т. Н. Генезис жертвенных суконных покрывал у обских угров и проблемы культурогенеза. С. 297–300. // в кн. Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Материалы Х111 Западно-Сибирской археолого-географической конференции. — Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2005.
10. Патканов С. К. Сочинение в двух томах: Т. 1. Остяцкая молитва / Под ред. С. Пархимовича; Сост. и выступ. Статья Ю. Мандрики; Пер. Е. Матюхиной; Комментар. С. Пархимовича. — Тюмень: Издательство Ю. Мандрики, 1999. — 400 с. —
11. Патканов С. К. Сочинение в двух томах: Т. 2. История колонизации Сибири / Под ред. С. Г. Пархимовича; Сост. Ю. Л. Мандрики. — Тюмень: Издательство Ю. Мандрики, 1999. — 320 с.

© Пятникова Тамара Романовна (toma.pyatnikova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ОБРАЗ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ КОНТЕНТА САЙТОВ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ МУЗЕЕВ

INFORMATION FORM AS THE BASIS FOR FORMATION OF THE CONTENT OF ETHNOGRAPHIC MUSEUM SITES

O. Samakovskaya

Summary. The article deals with the problem of accessibility of information on the ethnocultural heritage in the Internet. The official ethnographic museum sites are described as modern means of preserving and transmitting ethnographic information. The results of using the technological approach to the formation of the content of ethnographic museum sites are presented. The author substantiates the construction of a generalized characteristic of the object of site building — an ethnographic museum, represented in the information form. The obtained results can be used in the developing of museum sites containing ethnographic collections.

Keywords: ethnographic museums, informatization of museums, information and communication technologies, official museum sites, content of museum sites.

Самаковская Олеся Валериевна

*К. культурологии, доцент, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный институт культуры» (г. Кемерово)
Olesya_20032003@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается проблема доступности информации об этнокультурном наследии в сети Интернет. Характеризуются официальные сайты этнографических музеев как современные средства сохранения и трансляции этнографической информации. Приводятся результаты использования технологического подхода к формированию контента сайтов этнографических музеев. Обосновывается построение обобщенной характеристики объекта сайтостроения — этнографического музея, представленной в виде информационного образа. Полученные результаты могут быть использованы при проектировании сайтов музеев, содержащих этнографические коллекции.

Ключевые слова: этнографические музеи, информатизация музеев, информационно-коммуникационные технологии, официальные сайты музеев, контент музейных сайтов.

Этнографические музеи по определению являются главными институтами памяти, призванными хранить и транслировать информацию о народных культурных ценностях. Обращение к специализированному электронному ресурсу «Музеи России» (<http://www.museum.ru/>), порталу «Культура.РФ» (<https://www.culture.ru/>) дало возможность выявить 483 российских музея, в фондах которых содержатся этнографические собрания. Именно в этих музеях сосредоточены важнейшие этнографические источники, которые характеризуют своеобразие традиционной культуры многонациональной России. Активное применение в музейной деятельности современных информационно-коммуникационных технологий, в частности, создание сайтов этнографических музеев — виртуальных представительств реальных музеев в сети Интернет, открывает новые возможности для предоставления доступа к культурному наследию народов, населяющих нашу страну, служат целям популяризации, укрепления и сохранения культуры различных этносов.

Объектом нашего исследования являются этнографические музеи Западной Сибири. Как показали результаты анализа сайтов, в Западной Сибири доля этнографических музеев, имеющих собственные сайты, составляет лишь 32%. Соответственно, информация об этнокультурном наследии 68% западносибирских му-

зеев практически недоступна для широкой аудитории сети Интернет [8, с. 71–77]. Еще одна проблема, выявленная в ходе исследования, — это проблема качества контента имеющихся музейных сайтов. Результаты анализа свидетельствуют о том, что разработка контента сайтов музеев в настоящее время носит сугубо эмпирический, субъективный характер, что проявляется в разнородности и несопоставимости рубрик, структурирующих содержание сайтов, в неадекватности отражения на сайте основных функций музея, в слабой ориентации на целевую аудиторию.

Проведенный анализ сайтов западносибирских музеев, содержащих этнографические коллекции, дал основания усомниться в полноте отражения информации о музеях и хранимых в них ценностях, и породил вопросы о том, каким должно быть информационное наполнение сайта этнографического музея, через какие рубрики на сайте наиболее полно раскрывается сущность музея данного профиля?

Поиск ответа на эти вопросы потребовал определения теоретического, методического и технологического инструментария, которым располагают разработчики музейных сайтов на сегодняшний день. Изучение работ ведущих отечественных музейных специалистов в сфере разработки электронных информационных ресур-

сов [1, 2, 5, 6, 7] позволяет утверждать, что к настоящему времени сформировано некоторое общее понимание того, какую информацию должен содержать официальный сайт музея. Предлагаемый состав рубрик, характеризующих информационное наполнение музейных сайтов, является типовым, однако при этом не учитывается специфика многообразных видов музеев. На наш взгляд, дальнейшее развитие теории и практики создания музейных сайтов требует дифференцированного подхода, то есть ориентированного на сайты музеев, отличающихся по типу, профилю и региональной принадлежности.

Реализация такого дифференцированного подхода возможна за счет использования в качестве концептуальной основы проектирования контента музейных сайтов *информационного образа*. Научное обоснование продуктивности применения информационного образа как обобщенной характеристики объекта сайтостроения представлено в публикациях Научно-исследовательского института информационных технологий социальной сферы Кемеровского государственного института культуры (НИИ ИТ СС КемГИК) [8]. В основу нашего исследования положена «Методика создания типового информационного образа учреждений культуры» [3], разработанная НИИ ИТ СС КемГИК. Приведем основные понятия из данной Методики, определяющие сущность проектирования контента сайтов организаций культуры на основе информационного образа:

Информационный образ объекта сайтостроения — максимально полный, упорядоченный с использованием фасетного и/или иерархического принципов, перечень характеристик (атрибутов и аспектов), которые дают целостное представление об учреждении (этнографическом музее) — объекте сайтостроения и позволяют моделировать контент сайта в зависимости от его общих и специфических функций. Наличие информационного образа в дальнейшей работе по проектированию контента сайта обеспечивает уточнение границ области сайтостроения, определение состава рубрик (разделов) и подрубрик (подразделов) сайта этнографического музея и распределение их по уровням вложения; установление взаимосвязей между рубриками; структурирование информации в разделах и подразделах сайта (разработка аспектно-маркерных структур для наполнения содержания рубрик). Информационный образ объекта сайтостроения — это абстрактное понятие, оно конкретизируется в таких своих разновидностях, как типовой, групповой и единичный информационный образ объекта сайтостроения.

Типовой информационный образ объекта сайтостроения — информационный образ, дающий полное и целостное представление о всей совокупности объ-

ектов, объединенных данным типом (например, музеи) и гостеприимный к каждому конкретному объекту данного типа. Типовой информационный образ представляет собой семантическую модель, образец, единый план построения однородного класса объектов (однотипных учреждений культуры), обладающих общими существенными признаками. В типовом информационном образе должен получить отражение такой исчерпывающий и достаточный перечень сущностных характеристик того ли иного типа учреждения культуры. В нашем случае таким учреждением является музей, при котором учитывались бы все его типичные признаки. Важное место при построении типового информационного образа имеет вычленение системообразующих связей, построение представлений о структурных уровнях объекта. Иными словами, речь идет о важнейших требованиях к типовому информационному образу объекта сайтостроения — полноте и целостности отражения объекта сайтостроения, в качестве которого в данном случае выступает музей.

Групповой информационный образ объекта сайтостроения — информационный образ, дающий полное и целостное представление о всей совокупности объектов, объединенных определенной группой в пределах типа объектов сайтостроения (например, этнографические музеи) и гостеприимный к каждому конкретному объекту данной группы. Групповой информационный образ представляет собой семантическую модель, образец, единый план построения однородного класса объектов, обладающих отличительными признаками, присущими объектам данной группы. Так, информационный образ этнографических музеев, наряду с общемузейными, будет содержать специфические, характерные только для этнографических музеев характеристики, в частности, информацию об этносах.

Единичный информационный образ объекта сайтостроения — информационный образ, дающий полное и целостное представление о конкретном объекте сайтостроения, в данном случае — о конкретном (реальном) этнографическом музее. Единичный информационный образ представляет собой семантическую модель, отражающую как типовые и групповые, так и уникальные характеристики объекта сайтостроения. Так, единичный информационный образ может отражать уникальность структуры конкретного этнографического музея, его экспозиций, предоставляемых им посетителям услуг и др.

Технология построения информационного образа этнографического музея предполагает выполнение следующих этапов:

1. Выявление, изучение и отбор лексических единиц в области музееведения, этнографии, отражающе-

Таблица 1. Информационный образ этнографического музея, как объекта сайтостроения (фрагмент)

КЛАССИФИКАЦИЯ МУЗЕЕВ		
по типу	научно-исследовательские научно-просветительные учебные	
по доминантному типу хранимого музеем наследия	коллекционные ансамблевые средовые	
по принадлежности	государственные (федеральные, субъекта РФ) муниципальные общественные частные	
по категориям культурной значимости	музеи федерального, регионального и местного значения; музеи — особо ценные объекты культурного наследия; музеи, входящие в Список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО	
по правовому статусу	головные музеи филиалы	
ФУНКЦИИ МУЗЕЯ		
внутрисистемные (внутримузейные) функции	Комплектование Регистрация Инвентаризация Учет и др.	
системные (музейные) функции	Документирование культурных, этнических и социальных процессов в жизни общества Научно-исследовательская Образование и воспитание Информационная и др.	
метасистемные (социокультурные) функции	Сохранение культурно-исторического материального и духовного наследия Трансляция этнокультурного и природного наследия Культурная ориентация и идентификация личности Формирование культурной среды определенного региона и др.	
СТРУКТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ МУЗЕЯ		
общие сведения об учреждении	наименование (полное и краткое); место нахождения, почтовый адрес и схема проезда; сведения об учредителе; учредительные документы; структура организации; режим и график работы; контакты (телефоны, адреса электронной почты); Ф. И. О. и должности руководства и др.	
фонды	объем	общее количество этнографических предметов (экспонатов), комплексов
	состав	фонд основных музейных предметов, фонд научно-вспомогательных материалов
	направления деятельности фондов	организация, учет, комплектование, хранение и др.
коллекции	наименования коллекций	

Таблица 1 (продолжение). Информационный образ этнографического музея,
как объекта сайтостроения (фрагмент)

СТРУКТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ МУЗЕЯ		
выставки	постоянные (экспозиции)	<ul style="list-style-type: none"> • краткое описание, история создания, авторы, проектировщики; • общие экспозиции, показывающие в краткой или обобщенной форме культуру и быт различных народов • общие экспозиции, характеризующие культуру и быт одного какого-нибудь народа, • тематические экспозиции, посвященные одной или нескольким темам по культуре и быту отдельных народов • сравнительные тематические коллекции и экспозиции, • выставки отдельных коллекций, собранных у народов по различным темам или по одной конкретной теме • и др.
	временные (передвижные)	
направления деятельности музея	фондовая	комплектование, учет и хранение, научная обработка
	экспозиционная	экспонирование, выставочная деятельность
	научно-просветительная	формы работы с посетителями
	рекламно-издательская	основные периодические издания музея, сборники трудов
ресурсы музея	материальные	<ul style="list-style-type: none"> • здание • архитектурное сооружение
	человеческие	<ul style="list-style-type: none"> • руководители и сотрудники музея • посетители • руководители и работники административно-управленческого аппарата в сфере культуры • исследователи • представители туристических компаний • партнеры и спонсоры • детская аудитория • и др.
история музея	основные этапы истории основатели музея, деятели общенационального значения, работавшие в музее	
СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ		
связь с конкретными этносами	общая характеристика народа	<ul style="list-style-type: none"> • этническая история • основная территория расселения • численность • расовая принадлежность
	духовная культура народа	<ul style="list-style-type: none"> • способы и формы общения людей (язык, письменность) • воспитание и обучение • искусство (знания, умения, образы, идеалы) • наука (идеи, теории, мысли) • философия (мировоззрение) • фольклор (устный, музыкальный, танцевальный) • медицина (традиционная, нетрадиционная) и др.
	материальная культура народа	<ul style="list-style-type: none"> • сооружения (жилища, здания) • предметы повседневного обихода • пища • орудия труда, оружие • одежда, украшения • музыкальные инструменты • произведения искусства и др.
	промыслы	<ul style="list-style-type: none"> • животноводство • земледелие • охота • собирательство • рыболовство • ремесло и др.

го объект сайтостроения (этнографический музей) в первичном документальном потоке.

2. Нормализация и систематизация выявленных лексических единиц.
3. Составление обобщенной характеристики этнографического музея.
4. Оформление информационного образа этнографического музея в виде фасетной и/или иерархической классификации.

Этап 1. Изучение понятийного аппарата имеет целью формирование комплексного представления об объекте сайтостроения (этнографического музея), т.е. выявление на энциклопедическом уровне состава атрибутов, необходимых для его схематичного описания. Источниками выявления и отбора лексических единиц могут выступать отраслевые нормативно-правовые, нормативно-технические, учебные, справочные, периодические, методические профильные издания, электронные ресурсы, классификационные и дескрипторные ИПЯ (информационно-поисковые языки). Следует проанализировать выявленные источники и установить все существующие типы и разновидности исследуемого объекта, его функции, а также выделить и описать существенные признаки, специфику деятельности, структурные компоненты этнографического музея. Результатом выполнения данного этапа является несистематизированный перечень лексических единиц, характеризующих этнографический музей.

Этап 2. Выявленные лексические единицы структурируются. Аспекты рассмотрения каждого компонента отражаются на различных уровнях детализации. Так, например, выделенный в качестве одного из основных компонентов музея «музейный фонд» может быть охарактеризован с точки зрения объема, состава и направлений деятельности фонда. Результаты должны быть представлены в виде систематизированного массива лексических единиц, характеризующих этнографический музей.

Этап 3. Составление обобщенной характеристики этнографического музея сводится к построению обоб-

щенных иерархических схем видов, функций и структурных компонентов объекта, а также совокупности матриц, отражающих частоту встречаемости в различных документах и ранг выделенных характеристик объекта сайтостроения.

Этап 4. Оформление информационного образа этнографического музея предполагает получение структурированного текста, включая иерархические схемы, матрицы, дающие максимально полное и целостное представление об объекте сайтостроения. Наглядно информационный образ может быть представлен в графической форме — в виде ER-диаграммы.

Следуя предлагаемой технологии, нами был построен групповой информационный образ этнографического музея, наглядно представленный в виде таблицы 1.

Построенный информационный образ этнографического музея обеспечивает получение полной и достоверной характеристики учреждения, учитывая его специфические особенности. Профиль музея — этнографический, накладывает дополнительные атрибуты информационному образу, специфичные только для музея, содержащего этнографические коллекции — это информация о народностях, культура которых отображена в собраниях музея.

В заключение отметим, что построение информационного образа имеет принципиальное значение в ходе формирования контента сайта этнографического музея. Наличие такого инструмента позволяет перейти к осмысленному, аргументированному принятию решений по определению структуры и наполнению рубрик конкретного сайта, обеспечивает полноту сведений и адекватность объекту сайтостроения, ведет к уменьшению интеллектуальных, временных и стоимостных затрат на разработку сайтов, обеспечивает снижение субъективизма разработчиков сайтов при принятии проектных решений. Все вышесказанное позволяет считать информационный образ объективной основой формирования контента сайта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков О. Ю. Музейный сайт. Технология оформления музейного представительства в Интернете // Справочник руководителя учреждения культуры. — 2004. — № 1. — С. 69–77.
2. Константинова С. С. Экзамен по музееведению: учебное пособие для вузов. — М.: Приор-издат, 2005. — 80 с.
3. Методика создания типового информационного образа учреждений культуры [Электронный ресурс] // НИИ ИТ СС КемГИК. — URL: http://www.nii.kemguki.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=98&Itemid=103 (дата обращения: 27.04.2018)
4. Методика формирования контента сайта этнографического музея [Электронный ресурс] // НИИ ИТ СС КемГИК. — URL: http://www.nii.kemguki.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=98&Itemid=103 (дата обращения: 27.04.2018)

5. Методические рекомендации по созданию и эксплуатации сайтов и порталов учреждений культуры музейного типа [Электронный ресурс]/ под ред. ГМИИ им. А. С. Пушкина и Базовой кафедры информационных технологий в сфере культуры НИУ ВШЭ. — Москва, 2017. — 80 с. — Электрон.дан. — Режим доступа: http://e-books.arts-museum.ru/site_method. — Загл. с экрана
6. Музей будущего: информационные технологии и культурное наследие [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://www.future.museum.ru> (дата обращения: 27.04.2018)
7. Ноль Л. Я. Информационные технологии в деятельности музея: учеб. пособие. — М: РГТУ, 2007. — 204 с.
8. Создание официальных сайтов учреждений культуры и образования: теория и практика [Текст]: сборник научных трудов / науч. ред.: проф. Н. И. Гендина; доц. Н. И. Колкова. — Санкт-Петербург: Профессия, 2015. — 384 с.

© Самаковская Олеся Валериевна (Olesya_20032003@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЭЙ ЛАНЬФАН – ВЫДАЮЩИЙСЯ МАСТЕР ПЕКИНСКОЙ ОПЕРЫ

**MEI LANFANG,
A BRILLIANT PEKING OPERA MASTER**

Wu Liyang

Summary. The article deals with the biography of the famous actor and his contribution to the history of Beijing Opera Mei Lanfang as the most famous artist of Beijing Opera in the twentieth century. His most outstanding works were the roles in Beijing Opera «the Drunken Yang Guifei», «the Prince says goodbye to his concubine», but also in the operas kunitsu»Dream in the garden», «Bridge Duanqiao» and many others.

Keywords: Mei Lanfang, Peking (Beijing) Opera, Mei Lanfang's art.

У Лиан

*Аспирант, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
wuliyang501@foxmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается биография выдающегося актера и его вклад в историю пекинской оперы Мэй Ланьфан как самого известного исполнителя пекинской оперы в XX в. Его самыми выдающимися работами были роли в пекинских операх «Опьяневшая Ян Гуйфэй», «Государь прощается с наложницей», а также в операх кунью «Сон в саду», «Мост Дуаньцяо» и многие другие.

Ключевые слова: Мэй Ланьфан, пекинская опера, творчество Мэй Ланьфана.

Мэй Ланьфан родился 24 сентября 1894 г. в Пекине. Его предки давно обосновались в столице и поколениями занимались пекинской оперой. Его дед по отцовской линии Мэй Цяолин (1842–1882 гг.) был в свое время известным артистом пекинской оперы, его исполнение оперы «Застава Яньмэнь» считалось выдающимся. Отец Мэй Ланьфана – Мэй Чжунфэн (1874–1897 гг.) — также был талантливым исполнителем пекинской оперы и кунью, также он занимался живописью. К сожалению, отец Мэй Ланьфана рано ушел из жизни, ему было всего 26 лет. Мать Мэй Ланьфана – Ян Чан-юй (1876–1908 гг.) — также была известной артисткой пекинской оперы [1].

Под влиянием семьи Мэй Ланьфан с малых лет увлекся пекинской оперой, но из-за потери родителей в раннем возрасте был отдан на воспитание дяде, который не располагал достаточными средствами для воспитания племянника, поэтому ребенком ему пришлось испытать множество лишений.

Мэй Ланьфан в детстве не проявлял особых способностей к пекинской опере, его сложно было назвать одаренным. Однако благодаря упорному труду ему, в конце концов, удалось достичь высоких результатов в этом искусстве. Он приступил к изучению пекинской оперы в 8 лет, в 9 лет начал учиться у мастера У Линсяня, который был выдающимся артистом пекинской музыкальной драмы того времени и выступал на одной сцене с дядей Мэй Ланьфана. Мастер У Линсянь, будучи хорошим другом семьи, очень тепло относился к мальчику. Под его руководством Мэй Ланьфан получил прекрасное начальное профессиональное образование.

В первый раз Мэй Ланьфан вышел на сцену 7 июля 1904 г. в возрасте 21 года. После первого сценического

опыта он прилагал серьезные усилия для совершенствования своих навыков, и его сценическое мастерство стремительно развивалось.

Творческий рост и развитие Мэй Ланьфана было не только результатом работы с наставником, также большую роль сыграли его личные походы в театр и наблюдения за артистами. Он считал необходимым перенимать и продолжать традиции и опыт своих предшественников. Он считал, что одним из основных условий художественного воспитания для каждого артиста и эффективным методом обучения является наблюдение за другими артистами на сцене.

Кроме сценической деятельности в свободное время Мэй Ланьфан занимался разведением голубей и цветов, а также живописью. В детстве он страдал легкой степенью близорукости, что мешало ему на выступлениях, ведь он не мог в полной мере передать игру глазами, характерную для того или иного персонажа. По этой причине с 17 лет он каждое утро наблюдал за летающими в небе голубями, таким образом тренируя свое зрение. В конце концов, через 10 лет его зрение вернулось в норму. Актерское мастерство игры глазами Мэй Ланьфана было отточено до совершенства, чего могло и не быть, если бы он не тренировал зрение столь усердно в течение продолжительного времени [1].

В 1913 г. Мэй Ланьфан дал свой первый спектакль в Шанхае [3]. Там он познакомился с «модернизированной пекинской оперой», в которой использовались сюжеты из современной жизни. Новую оперу воплощали постановки под руководством Ся Юэжуня, Ся Юэшаня «Черный список потерянных душ», «Новая камелия» «Черный раб взывает к небу» и другие. Также к новой опере относились «Дама с камелиями», «Вторая жена

Рис. 1. «Опьяневшая Ян Гуйфэй»
в исполнении Мэй Ланьфана [2]

Рис. 2. Мэй Ланьфан в старости [1]

Чэнь» и другие постановки разговорной драмы в исполнении театрального Общества весенней ивы (исследовательское общество, образованное в 1906 г. китайскими студентами, обучавшихся в Японии. Их театральные опыты оказали сильное влияние на ранний этап формирования разговорной драмы в Китае) под руководством Оуян Юйцяня (12.05.1889–21.09.1965 гг. известный китайский драматург, режиссер, актер). Все новые постановки живо интересовали Мэй Ланьфана, тесно общавшегося с Оуян Юйцянем и другими театральными деятелями и набиравшего у них опыта. Он также познакомился с новым сценическим освещением, освоил новые техники нанесения грима и создания костюмов. Все это оказало сильное влияние на его художественный стиль. Сам Мэй Ланьфан говорил: «В 1913 г. после возвращения из Шанхая у меня появилось новое понимание оперы. Я полагаю, что среди наших старых оперных произведений, основанных на исторических фактах прошлого, есть обладающие воспитательным значением и несущие пользу зрителю. Однако если позаимствовать сюжет из современности и создать оперу, не будет ли она более интересна зрителю? Эффект от такой оперы, возможно, будет сильнее. Это новое художественное течение я обдумывал полгода...». После возвращения

из Шанхая в Пекин он приступил к репетициям новой костюмированной оперы «Волны на море зла». Осенью 1914 г. Мэй Ланьфана вновь пригласили на выступление в Шанхай, и как всегда его ожидал полный зал. Выступление Мэй Ланьфана также привлекло немало представителей японской, английской и американской публики. Зимой он вернулся в Пекин.

В Пекине Мэй Ланьфан приступил к работе над «Придворными кругами», «Дэн Сягу» и другими операми, направленными против господствовавшего в феодалном обществе договорного брака, притеснения женщин и неволи в браке, а также разоблачивших темные стороны жизни чиновничества. Затем он начал репетировать современные оперы со старинными костюмами на традиционные сюжеты из классической литературы и мифов «Чан Э улетает на Луну», «Дай Юй хоронит цветы» и другие, не имевших в своем роде аналогов. Данные произведения передавали образы стремящихся к свободе и счастью юных героинь, а при работе над операми были изобретены новые фасоны одежды и грим женских персонажей, что, несомненно, обогатило сценические средства выразительности пекинской оперы.

С апреля 1915 по сентябрь 1916 г. Мэй Ланьфан при помощи и поддержке Ци Жушаня, У Чжэньсю и других друзей активно занялся написанием опер и в общей сложности создал, а затем исполнил 11 новых произведений [4]. После этого Мэй Ланьфан обратился к кунью и одну за другой исполнил несколько опер данного жанра, а также обработал множество знаменитых шанхайских классических опер, таких как «Хуа Мулань», «Опьяневшая Ян Гуйфэй» и другие.

«Космический клинок» — традиционная опера, в которой женские персонажи одеты в темные одежды (космический клинок — традиционный образ в китайском театре). Созданный Мэй Ланьфаном образ главной героини отличался разнообразными выразительными движениями, служившими для выражения ее душевных переживаний по поводу возникших сложных и запутанных противоречий. Данная опера ставится уже более 50 лет и постоянно видоизменяется, она особенно полюбилась зрителям и стала довольно популярной среди творческого наследия школы Мэй Ланьфана.

В 1921 г. Мэй Ланьфан заново обработал и исполнил оперу «Государь прощается с наложницей» (классический сюжет, в котором правитель Западного Чу Сян Юй после поражения в войне ханьскому правителю находится в своей ставке накануне схватки с врагом и расстается с возлюбленной наложницей Юй Цзи). Мэй Ланьфан создал образ достойной, умной, глубоко чувствующей, но непоколебимой Юй Цзи. Его исполнение было живым и глубоким, впоследствии эта опера стала одной из самых совершенных постановок школы Мэй Ланьфана.

Оуян Юйцянь в своих литературных трудах хвалил Мэй Ланьфана: «Настоящий артист, прекрасный автор». Советская балерина и педагог Г. С. Уланова преклонялась перед Мэй Ланьфаном как перед «воплощением красоты».

Творчество Мэй Ланьфана делят на три разных периода: первый период длился с начала его сценической деятельности до 1915 г. В этот период главным для него было продолжение оперных традиций, он исполнял множество опер, демонстрирующих вокальное мастерство, например «Приношение реке», «Второе посещение дворца», «Как саньян воспитывала сына» и др. Хотя Мэй Ланьфан пока еще не создавал свои собственные произведения, однако это время было важным подготовительным этапом, в течение которого он создал крепкий фундамент для дальнейшего творчества. Благодаря своему таланту и усердию уже в начале своего творческого пути он смог продемонстрировать свое большое дарование и выдающиеся способности.

Второй период творчества Мэй Ланьфана длился с 1915 вплоть до начала Второй мировой войны. В этот

Рис. 3. Мао Цзэдун и Мэй Ланьфан (второй справа) [6]

период его творческая энергия была на пике расцвета. Из-за Синьхайской революции (в 1911 г. в Китае разразилась демократическая революция) и влияния новых художественных течений в опере и литературе Мэй Ланьфан энергично принялся за трансформацию своей творческой деятельности для соответствия веяниям нового времени. Он непрерывно репетировал новые костюмированные оперы и исследовал сюжеты современной пекинской оперы.

После окончания войны Мэй Ланьфан вернулся на сцену. С этого момента начался поздний период его творчества. В это время он сосредоточил все внимание на обработке крупных тем и сочинял оперы, обобщая накопленный художественный опыт. Им была написана творческая автобиография «40 лет на сцене». Он часто выступал в постановках «Космического клинка», «Опьяневшей Ян Гуйфэй», «Государь прощается с наложницей» и других спектаклях, и также завершил съемки художественного фильма [5].

«Гуй-ин командует войсками» (известная пекинская опера, рассказывающая о начальнике пограничной заставы Ян Ци-е и его 8 сыновьях, живших в эпоху Северной Сун, и их боевых заслугах) — единственная новая опера, исполненная Мэй Ланьфаном в позднем периоде, т.к. он считал необходимым соответствие роли его возрасту. Он организовал работу по редактированию изначально хэнаньской оперы «Гуй-ин командует войсками» в пекинскую. Мэй Ланьфан, на склоне лет, исполнявший воительницу Му Гуй-ин, своей выразительной, совершенной игрой глубоко восхитил зрителей. Его художественный стиль позднего периода отличался от раннего стиля, он перешел к более простой игре, которая, однако, содержала в себе силу и притягательность. Можно сказать, что его искусство достигло наивысшей точки развития.

На протяжении всей творческой деятельности Мэй Ланьфан постоянно создавал новые произведения и не останавливался на достигнутом. Начав свой творческий путь на пекинской сцене, он со временем стал известным исполнителем пекинской оперы не только

в Китае, но и во всем мире, и создал свою эпоху. Являясь артистом, исполнявшим женские роли «дань», он сделал огромный вклад в искусство пекинской оперы и оказал сильное влияние на развитие данного вида искусства, превратив свое имя в синоним пекинской оперы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сю Цзичуань. Вспоминая мастера Мэй Ланьфана. Пекин: Издательство «Китайская драма», 1986 г.
2. Ван Жужэ. Художественная интерпретация пекинской оперы «Опьяневшая Ян Гуйфэй». Дом оперы, 2017 (18): с. 48.
3. Чжао Шаньлинь, Тянь Гэншэн, Чжу Чунчжи. Первый сборник шанхайской оперы нового времени. Шанхай: Издательство «Образование Шанхая», 2003 г.
4. Коллектив исследовательского институт Пекина и исследовательского института Шанхая. История пекинской оперы. Пекин: Издательство «Китайская драма», 1999 г.
5. Мэй Ланьфан. Заметки о применении художественного материала китайского традиционного театра и воспитании следующего поколения. Китайский театр, 1961 (27).
6. Мэй Ланьфна, Сю Цзичуань. 40 лет на сцене. Пекин: издательство «Туаньцзэ», 2006 г.

© У Лиян (wuliyang501@foxmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ МУЗЕЕВ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Федотова Анастасия Алексеевна

Ведущий специалист, ФГБУК
«Государственный Русский музей»
fedotova.ohmr@yandex.ru

THE MAIN DIRECTIONS OF COOPERATION BETWEEN ART MUSEUMS OF RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY: EXPERIENCE AND PROSPECTS

A. Fedotova

Summary. The article is devoted to the analysis of experience of cooperation of Russian art museums in the second half of the XX century. The purpose of the article is defining the main directions and forms of this cooperation and reviewing the state system of coordination of art museums over this period. The main sources for this study were the documents stored in the archive of The State Russian Museum: correspondence with regional museums, orders of public authorities, plans, reports, proposals of Museum departments. Professional contacts between art museums analyzed on a number of grounds, such as the degree of state control, the scale of activities, the number of participants, the stability of relations. By the totality of these characteristics, three several basic directions can be singled out. The interaction between regional and central museums is represented by the example of the activity of The State Russian Museum as a methodological center. The joint activities of the museums of one region are considered within the framework of the structure of zonal associations. Relations between museums of different regions are considered in the context of implementation of all-Russian programs and joint exhibition projects.

The study of the history of the development of professional partnership of art museums of Russia allows to reveal directions and forms that have undergone significant changes in the XXI century, and that have retained relevance in the current situation.

Keywords: art museums, regional museums, The State Russian Museum, cooperation of museums.

Аннотация. Статья посвящена обобщению опыта сотрудничества художественных музеев России во второй половине XX века. На основе проработанных архивных документов, нормативно-правовых актов, печатных изданий определены его основные направления и формы, проведен анализ сложившейся в этот период государственной системы координации работы художественных музеев. В рамках краткого обзора этих направлений взаимодействие между «периферийными» и центральными музеями представлено на примере функционирования Русского музея как научно-методического центра, совместная деятельность музеев одного региона разбирается в рамках структуры зональных объединений, а связи между музеями различных регионов рассматриваются в условиях реализации общероссийских программ и совместных выставочных проектов. Изучение истории развития профессионального партнерства отечественных музеев позволяет выявить как направления и формы, претерпевшие значительные изменения в XXI веке, так и сохранившие актуальность в современной ситуации.

Ключевые слова: Художественные музеи, региональные музеи, Русский музей, межмузейное сотрудничество, головной музей.

Одной из актуальных проблем современного музееведения является осмысление тенденций развития музеев во второй половине XX века, определивших их нынешнее состояние. Как отмечает О.С. Сапанжа, наиболее существенной для воплощения нового понимания музея «является область музейной коммуникации» [1, С. 160]. В настоящее время целый ряд исследователей и практиков музейного дела занимается изучением вопросов взаимодействия музея и общества, выстраивания партнерских отноше-

ний с различными социальными группами, учреждениями образования, организациями сферы бизнеса, средствами массовой информации. Не менее важным аспектом коммуникационной стратегии музеев становится профессиональное партнерство, которое позволяет стимулировать новые формы работы, обмениваться опытом, знаниями, информацией, повышать квалификацию сотрудников. На текущем этапе остро ощущается необходимость в объединении усилий музейного сообщества для реализации социокультурной

миссии музея, оказания значимого влияния на формирование и реализацию государственной политики.

Анализ имеющегося опыта может стать отправной точкой в решении задач построения эффективной коммуникации между музеями и определения приоритетных направлений их развития. Особое место в истории музейного дела занимает «музейный бум» второй половины XX века, выразившийся в увеличении числа и разнообразия музеев, активизацией всех форм их деятельности. В связи с этим одной из важнейших задач управления музеями в рассматриваемый период стало создание упорядоченной системы их координации.

Базами для ее создания стали крупные музейные организации, которые получили законодательно закреплённый статус общероссийских научных центров. Таким центром для художественных музеев стал Русский музей.

Поэтому основными источниками для данного исследования стали документы, хранящиеся в архиве Русского музея. Уникальный исторический материал — переписка с региональными музеями, распоряжения органов государственной власти, планы, отчеты, предложения отделов музея — дает возможность сделать обоснованные выводы о предпосылках складывания и результатах функционирования системы взаимодействия художественных музеев.

Профессиональные контакты между музеями художественного профиля проанализированы по ряду признаков, таких как степень их государственного контроля, масштаб деятельности и количество участников, устойчивость связей. По совокупности этих признаков можно выделить несколько основных направлений, характерных для указанного периода:

- ◆ сотрудничество между центральными и региональными музеями;
- ◆ партнерство художественных музеев одного региона (в условиях системы зональных объединений);
- ◆ взаимодействие художественных музеев разных регионов, в том числе в рамках общероссийских и международных проектов.

Формы сотрудничества в русле этих направлений были различными: от проведения выставок, конференций, подготовки публикаций, организации стажировок, семинаров, совещаний до проведения комплексных проверок и всероссийских смотров-конкурсов.

Характер коммуникации между центральными и региональными музеями рассмотрим на примере деятельности Русского музея как методической базы.

Практика оказания поддержки региональным музеям начала складываться в Русском музее еще в 1930-е годы, когда были заключены договоры о шефской помощи с несколькими «периферийными» музеями, стали проводиться курсы и стажировки для сотрудников, а также всероссийские совещания директоров и главных хранителей.

Итогом одного из них — совещания директоров по вопросу об организации политико-просветительской работы 1948 года — стал Приказ Комитета по делам искусств при Совете министров РСФСР от 30.04.1949 года № 441. Согласно этому приказу было решено «одобрить инициативу Русского музея по принятию шефства над музеями автономных республик» [2, Л.7].

В конце 1950-х — начале 1960-х гг. решался вопрос о превращении Русского музея в научно-методический центр в области изучения и научной пропаганды отечественного искусства. В связи с этим отделом советского искусства Русского музея были подготовлены предложения по расширению направлений его работы [3], которые предполагали проведение лекционных и практических занятий, семинаров по технике музейной работы, написание статей и методических разработок, систематическую научно-методическую помощь периферийным музеям с выездом на места, в том числе в комплектовании собраний советского искусства, подготовку конференций.

Эти предложения были составлены именно отделом советского искусства неслучайно. Одной из целей создания системы координации деятельности музеев России было объединение усилий в вопросах исследования и пропаганды истории советского общества и особенно периода «развитого социализма».

Результатом многолетней работы Русского музея по оказанию методической помощи художественным музеям стало его утверждение головным музеем Постановлением Госкомитета Совета Министров РСФСР от 04.07.1964 г. № 259 «О мерах по упорядочению сети научных учреждений Минкультуры РСФСР».

В соответствии с Приказом Минкультуры РСФСР от 01.03.1974 г. № 178 музей получил статус республиканского центра научно-исследовательской работы и методической помощи художественным музеям РСФСР. В его структуре был образован научно-методический отдел художественных музеев РСФСР (ныне — Консультационно-методический центр художественных музеев РФ).

Важной составляющей деятельности Русского музея была организация обучения специалистов регио-

нальных музеев. План мероприятий по оказанию методической помощи художественным музеям страны от 12.08.1971 г. включал проведение трех ежегодных стажировок для 10 научных сотрудников каждая по вопросам научной пропаганды искусства, хранения и научной работы [4].

В дальнейшем, после присвоения Русском музею статуса республиканского центра, проводилось не менее четырех групповых стажировок в год, в каждой из которых принимало участие от 10 до 30 человек. К концу XX века сложилась система повышения профессионального уровня сотрудников музеев «Школа музейного дела», которая и сегодня включает мероприятия для специалистов всех подразделений и разного уровня подготовки — от студенческих практик-стажировок и курсов для молодых музейщиков до мероприятий для главных хранителей, директоров и заместителей директоров.

Также в Русском музее проводились научные конференции, семинары, круглые столы, в работе которых принимали участие научные сотрудники музеев РСФСР.

Русский музей занимался подготовкой и рассылкой методических разработок, среди которых «Как понимать произведения живописи» (В. В. Добровольская, 1973), «Виды и жанры изобразительного искусства» (А. В. Губарев), «Советское искусство» (А. Ф. Дмитренко), «Вопросы музейной климатологии» (Е. А. Колмакова, 1985), «Ведение документации и особенности хранения музейных ценностей из драгметаллов и драгоценных камней» (С. В. Рахимова, 1981), «Принципы хранения скульптуры» (Е. В. Карпова, 1983) и многие другие. Разработки и рекомендации ведущих специалистов Русского музея оказали большое влияние на развитие многих направлений деятельности региональных музеев.

Важнейшей составляющей системы оказания методической помощи художественным музеям России были выезды специалистов Русского музея для проведения консультаций на местах по самым актуальным вопросам.

Выезды осуществлялись регулярно на протяжении 1950–1960-х гг. Так в Отчете Русского музея за 1960 г. в разделе «Работа с художественными музеями РСФСР» указывалось, что за год научные сотрудники выезжали в 13 музеев РСФСР [5, Л.7], среди которых музеи Тамбова, Переславль-Залесского, Калуги, Костромы, Горького, Пскова, Новгорода, Махачкалы, Петрозаводска и др.

В 1970-е гг. Русский музей совместно с Министерством культуры РСФСР стал проводить комплексные

проверки деятельности художественных музеев России. За 1978–1990-е гг. было проведено более 100 проверок, по итогам каждой из которых составлялась справка комплексного анализа.

Комиссия старалась не только выявить нарушения, но и дать рекомендации по их устранению с учетом материальной базы музея и возможностей региона. Профессиональное заключение специалистов о функциональном назначении художественного музея в системе культурной жизни города, о ценности его коллекции, условиях ее хранения, перспективах и условиях роста музея ложилось в основу решений различных городских комиссий по всем вопросам музейного строительства, в том числе и о предоставлении новых зданий или дополнительных площадей. Так были приняты решения о предоставлении новых зданий художественным музеям Нижнего Новгорода, Хабаровска, Комсомольска-на-Амуре, Кемерово, Пензы и др.

Проведение комплексных проверок давало возможность музеям обратить внимание на проблемные стороны их деятельности, а специалистам Минкультуры РСФСР лучше представлять ситуацию на местах.

В фондах многих провинциальных художественных музеев есть произведения, поступившие из собрания Русского музея во второй половине XX века. Среди них — Нижнетагильский музей изобразительных искусств, Удмуртский республиканский музей изобразительных искусств, Государственный художественный музей Алтайского края, Новосибирский государственный художественный музей, Ростовский областной музей изобразительных искусств, Национальная галерея Республики Коми, Дальневосточный художественный музей и многие другие.

В первую очередь крупные центральные музеи расставались с произведениями художников, чья жизнь или творчество были связаны с регионом. В 1960–1962 гг. из Русского музея в Мордовскую картинную галерею поступили работы выдающегося мордовского скульптора XX века С. Д. Эрзи, которые стали основой собрания галереи.

В провинциальные музеи передавались произведения графики (преимущественно печатной), эскизы, этюды, дублетный фонд. В 1977 году 75 произведений печатной графики из собрания Русского музея были передано в Ирбитский музей и стали «своеобразной точкой опоры в деле дальнейшего собирательства той серьезной, ретроспективной коллекции отечественной графики» [6. С. 3].

В Русском музее хранятся уникальные авторские доски отечественных художников-графиков. В 1966 году

в Русский музей обратился директор Нижнетагильского музея изобразительных искусств с просьбой «ответить, имеет ли возможность Русский музей сделать оттиски с досок Серова, Матэ, Остроумовой-Лебедевой, Бенуа и других художников» [7]. Ответом на просьбу стала резолюция директора Русского музея В. А. Пушкирева «подготовить оттиски».

Оказывалась консультационная и методическая помощь в разработке концепций комплектования, налаживании связей с художниками. В собрании музеев появились произведения ведущих ленинградских мастеров, таких как З. Аршакуни, В. Ватенин, Г. Егошин, Я. Крестовский, В. Тюленев, Б. Шаманов, А. Яковлев и других.

Русский музей имел план проведения выездных выставок, а также организовывал выставки из собственных фондов по заявкам региональных музеев.

Самыми востребованными были сборные выставки, представлявшие развитие русского искусства на протяжении определенного исторического периода. Многие выставки советского искусства формировались согласно постановлениям и приказам Минкультуры РСФСР. Например, выставка «Советский рабочий в изобразительном искусстве» была подготовлена в соответствии с постановлением Коллегии Минкультуры РСФСР от 22.10.1973 года [8]. Также по заявкам музеев формировались разнообразные тематические выставки («Выставка народного искусства», 1960, Гатчина; «Натюрморт», Ростов-на-Дону, 1987).

Помимо постоянного взаимодействия региональных и центральных музеев, во второй половине XX века сформировалось устойчивое территориальное сотрудничество в рамках зональных объединений, ставших важными элементами системы координации деятельности художественных музеев России. Объединения были учреждены приказом Минкультуры РСФСР от 01.03.1974 года № 178 и построены по принципу уже сложившихся культурных связей и предполагали тесные контакты музеев в их практической работе, использование накопленного положительного опыта каждого.

Для упорядочивания работы зональных объединений было выделено 12 головных музеев: Архангельский областной музей изобразительных искусств, Пермская государственная художественная галерея, Горьковский государственный художественный музей, Музей изобразительных искусств Татарской АССР, Кабардино-Балкарский музей изобразительных искусств, Тульский областной художественный музей, Саратовский государственный художественный музей

им. А. Н. Радищева, Ростовский областной музей изобразительных искусств, Иркутский областной художественный музей, Дальневосточный художественный музей, Загорский историко-художественный музей-заповедник, Государственный музей керамики и усадьба «Кусково». Они отвечали за разработку проблемных вопросов по изобразительному искусству и музейной деятельности, были призваны обобщать и распространять передовой опыт музеев, изучать и прогнозировать тенденции их развития. Методисты-координаторы из зональных объединений подавали в Русский музей постоянные аналитические обзоры работы художественных музеев РСФСР.

Эффективность работы зональных объединений на разных этапах существования этой системы была неоднозначной. Процесс внутренней связи между отдельными художественными музеями, имеющими столь разные коллекции по количественному составу, материальным возможностям их пополнения, был очень сложным. Поэтому головному музею подчас было непросто стать неформальным лидером, наладить диалог со всеми входящим в Зональное объединение музеями, использовать наиболее сильные стороны каждого из них в различных аспектах работы, скоординировать ее.

Систему региональных объединений поддерживали Министерство культуры РСФСР и научно-методический отдел художественных музеев России Русского музея. В структуре отдела были выделены кураторы для каждого региона.

Активизация деятельности зональных объединений в 1986–1990 гг., постоянные контакты между музеями в зонах, налажившиеся в этот период, можно с полным правом считать результатом планомерной, углубленной работы, которая проводилась Управлением по делам изобразительных искусств Минкультуры РСФСР и Русским музеем.

Постоянные консультации сотрудников Русского музея во время командировок и стажировок способствовали созданию Зональных Ученых советов как действующих координационных органов с представительным составом членов, в который входили представители музеев, Союза художников, Русского музея. Председателями Зональных Ученых советов были директора головных музеев. Зональный Ученый совет осуществлял не только связи с музеями, но и с Союзом художников в организации совместных выставок, издании каталогов и т. п.

Направление работы всего Зонального объединения определялось совместными решениями всех музе-

ев, входящих в него, и находило отражение в перспективном плане работы.

Важнейшей составляющей функционирования зональных объединений была координация выставочной и научной деятельности, включавшая проведение зональных выставок, научных конференций, издание сборников научных трудов, каталогов.

Головными и крупными музеями зональных объединений постоянно оказывалась методическая и практическая помощь другим музеям, народным и сельским картинным галереям по различным вопросам. В ведущих музеях проводились разнообразные формы повышения профессионального уровня сотрудников, в том числе зональные семинары с участием специалистов Русского музея.

Весомым результатом совместной работы Министерства культуры, Отдела художественных музеев России и региональных объединений стало издание справочника «Художественные музеи России» в 1996, 1999 гг. и «Художественные коллекции в музеях России» в 2008 г. Справочник представлял собой попытку представить единую картину формирования собраний художественных музеев, картинных галерей и их филиалов, дать краткую историю их создания, характеристику зданий, в которых они расположены, отразить особенности комплектования их коллекций.

Одним из способов активизации деятельности музеев РСФСР являлось проведение Всероссийских смотров-конкурсов музейной работы к юбилейным датам.

Во время подготовки к 40-летию Октябрьской революции (1957) был проведен первый Всероссийский смотр. Всего с 1957 г. было проведено 9 таких смотров.

При проведении смотров-конкурсов региональным музеям легче было получить методическую помощь со стороны центральных музеев: их сотрудники выезжали в регионы для чтения лекций, проводили курсы по повышению квалификации для местных музейных работников, участвовали в обсуждении новых экспозиций.

В рамках смотров проводился комплексный анализ деятельности художественных музеев. В течение 1984–1985 гг. в условиях смотра, посвященного 40-летию Победы, состоялись выезды специалистов Русского музея в Калинин, Уфу, Рязань, Астрахань, Волгоград, Свердловск, Вологду, Иркутск, Улан-Удэ, Новосибирск, Нальчик, Грозный, Махачкалу, Магнитогорск, Омск, Ростова-на-Дону, Кисловодск, Таганрог, Краснодар и др. Командировки включали проведение комплекс-

ного анализа с обязательным включением вопросов по проведению смотра. За время проведения этого смотра в различных формах повышения квалификации и обмена опытом в Ленинграде, на базе Русского музея, приняли участие представители более 70 художественных музеев всех регионов.

Очень плодотворным периодом в работе объединений были годы подготовки и проведения смотров музеев к 70-летию Октября. В ходе Всероссийского смотра 1986–1987 гг. были организованы специальные семинары, всюду прошли Ученые Советы по подготовке музеев к совместным выставкам и конференциям, обсуждались списки экспонатов.

Одним из результатов смотра стала зональная выставка музеев Северного Кавказа «Искусство, рожденное Октябрем» (Махачкала, 1987). Сотрудники Русского музея участвовали в отборе экспонатов для выставки, были изучены фонды и экспозиции Кабардино-Балкарского республиканского музея изобразительных искусств, Северо-Осетинского республиканского художественного музея им С. Туганова, Чечено-Ингушского республиканского музея изобразительных искусств им. П. Захарова, Дагестанского республиканского музея изобразительных искусств. Ретроспективная выставка, наиболее полно представившая становление изобразительного искусства Северного Кавказа, выявила самостоятельные национальные школы, традиции и их продолжение.

Несмотря на то, что в разные годы интерес к смотрам-конкурсам был неодинаковым, некоторые исследователи признают «смотр-конкурс одной из наиболее эффективных форм реализации государственной музейной политики на региональном уровне» [9, С. 165].

Основной формой взаимодействия художественных музеев разных регионов, помимо участия в смотрах, всероссийских совещаниях, стажировках и конференциях, являлась совместная выставочная деятельность.

Межрегиональные выставки были не так распространены, но все же имели место в рассматриваемый период. Ярким примером стали обменные выставки Дагестанского искусства в Ижевске (1986) и прикладного искусства Удмуртии в Нальчике (1989).

Во второй половине XX века стала складываться практика участия произведений из собраний художественных музеев России в выставках Русского музея, других музеев и выставочных центров Москвы и Ленинграда, получившая большое распространение в 1990-е гг.

В качестве примеров можно привести юбилейную выставку Ф. Васильева в Русском музее и Государственной Третьяковской галерее в 1975 г., для организации которой Русский музей обращался в Государственный музей ТАССР, Саратовский государственный художественный музей им. А. Н. Радищева, Рязанский областной художественный музей и другие [10,11,12, 13].

В 1957 г. создается Российский (до 1991 — Советский) комитет ИКОМ, начинают налаживаться контакты с зарубежными музеями и галереями. Проводятся выставки советских художников за рубежом и выставки зарубежного искусства в центральных городах России.

За рубежом наряду со «сборными» выставками из разных отечественных музеев проводились выставки, представлявшие определенные региональные собрания. Так в 1987 г. в Дортмунде состоялась выставка «Русское искусство XVII — начала XX века из Ростовского областного музея изобразительных искусств» [14].

В 1980-е гг. по всему миру — в Лондоне, Нью-Йорке, Лос-Анжелесе, Будапеште и Вене — прошел ряд выставок, в которых были отмечены уникальные достижения искусства авангарда из России и Советского Союза.

Произведения русского авангарда с конца 1980-х гг. стали очень востребованы за рубежом. За эти годы они прошли по выставкам на всех континентах и вернули себе внимание зрителей, которого были лишены долгие годы. А в перерывах между выставками большинство из них демонстрируется в постоянных музейных экспозициях.

В первой половине 1990-х гг. сложившаяся система взаимодействия художественных музеев России в общих чертах сохранялась — продолжали действовать зональные объединения, на местах работали методисты-координаторы. Но постепенно без поддержки со стороны центральных органов власти эта система сошла на нет.

По словам Ю. В. Зиновьева, в указанный период «в России, пройдя долгий путь развития, стали формироваться профессиональные музейные сообщества» [15, С. 104]. Появляются новые негосударственные объединения музеев: Союз музеев России, Межрегиональное общественное движение «Ассоциация музейных работников», территориальные и профильные ассоциации, а также организации по направлениям деятельности.

Центральным музеям — научно-методическим центрам (таким как Русский музей, Государственный исто-

рический музей, Российский этнографический музей и другие) приходилось доказывать необходимость своего существования. Тем не менее, статус методических центров удалось сохранить почти всем из них, т.к. он был закреплен в уставах музеев. В новых экономических условиях методические центры приступили к процессу лицензирования своей образовательной деятельности, некоторые центры стали организовывать курсы повышения квалификации и стажировки для музейных специалистов на платной основе.

Совещания директоров, семинары и курсы повышения квалификации стали проводиться на темы, наиболее актуальные в этот период — выживание музея в новых рыночных условиях, источники внебюджетного финансирования, организация менеджмента и маркетинга. В конце 1990-х — начале 2000-х гг. Русским музеем был проведен целый ряд выездных семинаров на базе региональных музеев по этим вопросам с участием зарубежных экспертов.

В 1990-е гг. на смену всероссийским смотрам приходят разнообразные музейные конкурсы. Одна из наиболее интересных форм взаимодействия музеев, Союз художников и других творческих организаций нашла выражение в проведении Фестивалей изобразительного искусства.

В это время региональные музеи все чаще представляют свои собрания в центральных городах. В 1992 г. в Государственной Третьяковской галерее прошла выставка «Великая Утопия. Русский авангард», в Московском Центральном доме художника организована выставка «Уходящее тысячелетие» (1993 г.), в Московском центре искусств — «Червовая дама русского авангарда. Ольга Розанова» (1994–1995). В 2000 г. был запущен проект «Золотая карта России», представлявший региональные музейные коллекции в Государственной Третьяковской галерее, разрабатывался проект «Малые города России в Русском музее».

Но, как уже отмечалось выше, произведения из собраний художественных музеев России принимали участие в межмузейных выставочных проектах и в советский период, предоставляя свои произведения для экспонирования в музеях Москвы и Ленинграда, и своеобразный «бум» на межрегиональные проекты был основательно подготовлен оптом предыдущих лет.

В этот период увеличивается число совместных международных проектов региональных музеев. В 1990-е гг. при участии Русского музея формировались и проводились межрегиональные выставки в России и за рубежом. Выставка «Шедевры из музеев России. 1905–1925» после показа в Русском музее

в 1991 г. экспонировалась в 1993–1994 гг. в Нанте, Эдинбурге, Мадриде, Барселоне, Лас-Пальмасе и включала произведения из 11 российских музеев [16]. Выставка «В. Кандинский, К. Малевич и русский авангард (из музеев России)» в 1995–1997 гг. была представлена в Сеуле, Турине, Сиднее. В 2000 г. в Сеуле, Кванчжу, Тэгу и Пусане прошла выставка под названием «1000 лет российской жизни и искусств», на которой было представлено 550 экспонатов из 26 музеев и выставочных залов России [17].

В настоящее время централизованная система контроля деятельности художественных музеев России, существовавшая во второй половине XX века, изменилась. На ее смену приходит совместная проектная работа и взаимовыгодное сотрудничество. Сохраняя статус методического центра, Русский музей продолжает оказывать консультационную и методическую помощь музеям России, напрямую не курируя их работу. Среди проектов, реализованных за последние полтора десятилетия Русским музеем и художественными музеями России — «Русский музей: виртуальный филиал», программа «Россия», «Музей. Музыка. Дети», «Культурно-выставочные центры Русского музея» и многие другие.

Таким образом, основные направления и формы сотрудничества художественных музеев России, окончательно сформировавшиеся во второй половине XX века, сохраняются и сегодня. В связи с изменением политической ситуации в 1990–2000-е гг. и отсутствием жесткого государственного регулирования

системы координации музеев, теряется ее плановый характер (музеи больше не высылают свои планы и отчеты в головные музеи, повсеместно сходит на нет деятельность методистов-координаторов, прекращают свою работу зональные Ученые советы). Творческое партнерство художественных музеев в XXI веке приобретает новые формы: заключение соглашений, подготовка комплексных программ по развитию музеев различных регионов, проведение форумов, открытие филиалов и Культурно-выставочных центров ведущих музеев — но по-прежнему отражает острую необходимость в постоянном взаимодействии и обмене опытом между музеями страны.

Об этом свидетельствует и принятая Общим собранием Союза музеев России 14 ноября 2017 г. декларация «Музей будущего», в которой предлагается наделить крупнейшие музейные организации законодательно закрепленным статусом общероссийских научных центров, предоставить им право «осуществлять подготовку научных кадров высшей квалификации и послевузовское профессиональное образование», наделить их «полномочиями координировать научную деятельность музеев России по соответствующим направлениям» [18].

Возможно, на новом витке истории мы вновь обратимся к зарекомендовавшим себя практикам межмузейного сотрудничества, а достижения и опыт советского музейного дела станут востребованными в новом тысячелетии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Сапанжа О. С. Стратегии коммуникационных процессов в контексте модернизации музейной деятельности / Сапанжа О. С. // Триумф музея?: Сб. статей / СПбГУ, Гос. Эрмитаж. — СПб, 2005. — С. 160–171
2. Приказ Комитета по делам искусств при Совете министров РСФСР от 30.04.1949 года № 441 // Архив ГРМ. Фонд ГРМ (1). Опись № 6. Ед.хр. № 1733. Л.7
3. Предложения по расширению деятельности отдела советского искусств ГРМ от 11.07.1959 г. // Архив ГРМ. Фонд ГРМ (1). Опись № 6 а1. Ед.хр. № 149.
4. Письмо начальнику Управления учреждений изобразительного искусства № 859/7 от 12.08.1971 г. // Архив ГРМ. Фонд ГРМ (1). Опись № 6 а 2. Ед.хр. № 682. Л. 164.
5. Отчет о деятельности Русского музея за 1960 г. // Архив ГРМ. Опись № 6 а 1. Ед.хр. № 234. Л. 7
6. Дар Русского музея: выставка отечественной гравюры XVIII — XX вв.: каталог / Ирбитский ГМИИ, В. Карпов, А. Гамлицкий, В. Деревнина, Л. Семиновская. — Ирбит, 2008. — 87 с.
7. Письмо от директора Нижнетагильского музея изобразительных искусств директору ГРМ от 15.10.1966 г. // Архив ГРМ. Фонд ГРМ. Опись доп. Ед.хр. № 288. Л.1.
8. Письмо В. А. Пушкареву от директора Дальневосточного художественного музея И. В. Кузнецова от 23.01.1974 г. // Архив ГРМ. Фонд ГРМ (1) Опись № 6 а. Ед.хр. № 753. Л. 6
9. Поправки Е. А. Музейное дело в Приморском крае (1941–1985 гг.). — Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2006. — 338 с.
10. Письмо В. А. Пушкарева директору Государственного музея изобразительных искусств ТАССР // Архив ГРМ. Фонд ГРМ (1) Опись № 6 а. Ед.хр. № 753. Л.19.
11. Письмо Н. Н. Новоуспенской, зав. отделом второй пол. XIX — н. XX вв. ГРМ, директору Саратовского государственного художественного музея им. А. Н. Радищева. [О выставке Ф. Васильева] // Архив ГРМ. Фонд ГРМ (1) Опись № 6 а. Ед.хр. № 753. Л.38.
12. Письмо Н. Н. Новоуспенской, зав. отделом второй пол. XIX — н. XX вв. ГРМ, директору Рязанского областного художественного музея. [О выставке Ф. Васильева]. // Архив ГРМ. Фонд ГРМ (1) Опись № 6 а. Ед.хр. № 753. Л.47.
13. Письмо Н. Н. Новоуспенской, зав. отделом второй пол. XIX — н. XX вв. ГРМ, директору Кировского областного художественного музея им. А. М. Горького. // Архив ГРМ. Фонд ГРМ (1) Опись № 6 а. Ед.хр. № 753. Л.48.

14. Ростовский музей изобразительных искусств — Rostower museum für bildende künste: [Кат. выст. в Дортмунде / Авт. вступ. ст. Г. С. Алимурзаева]. — Ростов н/Д: Б. и., 1987. — 113 с.
15. Зиновьева Ю. В. Стратегии коммуникации музея: 20 лет постсоветской трансформации [Электронный ресурс] // Вестник СПбГУКИ. 2013. № 3 (16). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/strategii-kommunikatsii-muzeya-20-let-postsovetskoy-transformatsii> (дата обращения: 24.01.2018).
16. Европейцы вновь знакомятся с русским авангардом [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. — № 15. — 29.01.1993. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/37231> (дата обращения 17.11.2017)
17. Штефан Е. В Сеуле открывается выставка русского искусства [Электронный ресурс]// Сеульский вестник. 30.06.2000. URL: <http://vestnik.kr/culture/2770.html> (дата обращения 17.11.2017)
18. Декларация «Музей будущего» (принята Общим собранием Союза музеев России 14 ноября 2017 года) [Электронный ресурс]. URL: http://www.souzmuseum.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=22088:deklaratsiya-muzej-budushchego&catid=10589:dokumenty-soyuza&Itemid=176 (дата обращения 15.12.2017).

© Федотова Анастасия Алексеевна (fedotova.ohmr@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Государственный Русский музей

КОНСТРУИРОВАНИЕ МЕТОДИКИ «ПРОДОЛЖИ ЗАДАЧУ» НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ*

THE CONSTRUCTION OF THE
METHODOLOGY «CONTINUE THE TASK»,
BASED ON THE MATERIAL
OF THE RUSSIAN LANGUAGE
IN PRIMARY SCHOOL

*I. Kibal'chenko
G. Andrianova*

Summary. The article is devoted to the problem of working out of the technique «Continue the task», which is based on the Russian language material in primary school. The aim of it is to estimate the level of the individual conceptual system and the level of understanding of the text.

The methodology is based on the principle of formulating questions to a text (task) by junior schoolchildren that suggest the formation of a low, medium or high level of the conceptual system. An external criterial validity was confirmed (criterion — academic achievement).

Keywords: conceptual thinking, junior schoolchildren, educational text (task), individual conceptual system, academic achievement.

Кибальченко Ирина Александровна

Д.псх.н., Южный федеральный университет 19.00.07

kibal-irina@mail.ru

Андреянова Галина Николаевна

МОБУ СОШ № 26 (г. Таганрог)

galina_andrianova@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме разработки методики «Продолжи задачу» на материале русского языка в начальной школе. Методика нацелена на оценку уровня индивидуальной понятийной системы и уровня понимания текста. Методика построена по принципу формулирования младшими школьниками вопросов к учебному тексту (задаче), которые предполагают сформированность у них низкого, среднего или высокого уровней понятийной системы. Была подтверждена внешняя критериальная валидность (критерий — успеваемость).

Ключевые слова: понятийное мышление, младшие школьники, учебный текст (задача), индивидуальная понятийная система, школьная успеваемость.

Рассмотрение учебного текста (задачи) как системы, ориентирующей на создание интеллектуального результата и формирование нового элемента собственного опыта, определяет необходимость и целесообразность разработки таких систем с позиций дифференционно-интеграционного подхода. В самой общей форме дифференционно-интеграционный закон состоит в том, что всякое развитие есть развитие некоторой исходной «примитивной» целостности, оно идет в направлении от общего к частному, от целого к частям, от состояний и форм глобально-целостных к состояниям и формам все более внутренне дифференцированным и иерархически упорядоченным [6]. С позиций данного подхода содержание задачи представляет собой информацию, выстроенную учеником в виде целостного комплекса под воздействием языковых средств текста и той информации, опыта, которыми ученик располагал до работы с ним.

Рассмотрим последовательность разработки методики, нацеленной на оценку уровня индивидуальной понятийной системы и уровня понимания текста.

Особенности семантического поля понятий у учащихся находят свое отражение в способах понятийной репрезентации учебных задач (Методика «Завершение задачи» Савина Е.Ю.) [3]. Методика, предложенная автором, является основанием для разработки методики «Продолжи задачу» для младших школьников на материале русского языка. Эта методика выстраивается в соответствии с необходимостью субъективной переработки предлагаемого содержания задачи, перестройкой этого содержания в индивидуализированный и согласованный с понятийным опытом младшего школьника способ учебной деятельности. В этой деятельности учебная задача, которая определяется по-разному, выделяется в качестве ситуации, содержащей не только цели, но и обстоятельства и условия их достижения в учебной деятельности (Леонтьев А.Н., С.Л. Рубинштейн) [2].

Любая задача имеет решение, однако те требования, которые предъявляются к учащимся посредством задачи, предполагают сформированность у них низкого, среднего или высокого уровней понятийной системы.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-18-00386

Таблица 1. Критерии оценки решения задач по уровням организации индивидуальной понятийной системы

Уровень	Содержание
1	Признаки объекта, одно правило комбинации
2	Признаки объекта, два правила комбинации (правил меньше, чем признаков)
3	Признаки объекта, три правила комбинации (правил столько же, как и признаков), правила сравнения (их меньше, чем правил комбинации)
4	Признаки объекта, четыре правила комбинации (правил больше, как и признаков), правила сравнения (их меньше, чем правил комбинации), но есть правила интерпретации.

Ориентируясь на развитие понятийной системы у младших школьников, мы выбрали такой тип заданий, который не только диагностирует уровень понятийной системы, референтной содержанию русского языка, но и развивает его. Инструкция: «Вам предлагается составить как можно больше вопросов к предлагаемому тексту на основе изученных вами разделов русского языка».

Методика состоит из двух этапов. Так как особенностью работы с учебным текстом в школьном курсе русского языка является комплексный подход, на первом этапе учащиеся формулировали задания к разделам «Лексикология», «Грамматика», «Орфография».

Критерии оценки решения задач выстраивались в соответствии с 4 уровнями организации индивидуальной понятийной системы [4], которые представлены в таблице 1.

Для выполнения задания учащимся был предложен текст из учебника русского языка 4 класса, например, авторов Л. Ф. Климановой, Т. В. Бабушкиной [1].

Текст. Краса природы — так можно сказать о лесе. Полная красота местности состоит в соединении воды с лесом. Реки, речки, ручьи и озёра почти всегда обрастают лесом или кустами.

В соединении леса с водой заключается великая цель природы. Деревья закрывают землю от палящих лучей летнего солнца и от ветров.

Сосну, ель, пихту...называют красным лесом или краснолесьем. Они вместо листьев имеют иглы, которые зимой не теряют, и встречают зиму во всей красе и силе. Лес, состоящий из одних сосен, называется бором.

Дуб, вяз, липу, берёзу, осину, ольху называют чёрным лесом или чернолесьем. В таком лесу деревья теряют свои листья осенью и возобновляют их весной.

Я не люблю красного леса, его вечной, однообразной и мрачной зелени. Я с малых лет привык любоваться весёлым, разнолистным черноземьем (С. Аксаков).

Задания первого уровня оцениваются 1 баллом.

Характерным для этой категории заданий является то, что они, как правило, направлены на выделение родовых признаков понятий по их принадлежности к самостоятельным и служебным частям речи. Они являются основным корневым общенаучным основанием для построения предложений и составляют базис структуры знаний по русскому языку. Таким образом, учащиеся демонстрируют знания о корневых (родовых) признаках этих понятий и начальный уровень понятийной системы в изучении данных частей речи.

Учащиеся работают с признаками частей речи и используют одно правило комбинации.

Примеры задач, сформулированных учащимися:

- ◆ выпиши из первого абзаца текста все существительные;
- ◆ выпиши первое предложение из второго абзаца и определи, к какой части речи относится каждое слово;
- ◆ найди в тексте предлоги и союзы; др.

То есть, в задачах 1-го уровня учащимися указывается общий родовой признак, но не указывается их общий видовой признак.

В задачах 2-го уровня, оцениваемых 2-мя баллами, содержатся и родовые, и видовые признаки сравниваемых понятий:

- ◆ выясни значение слова пихта по толковому словарю;
- ◆ выпиши из текста все имена существительные 1-го склонения;
- ◆ в 1-м абзаце найди предложение с однородными сказуемыми;
- ◆ найди грамматическую основу предложения и определи, какими частями речи она выражена?; др.

Задачи 3 уровня оцениваются 3 баллами и направлены на выделение частей, деталей и свойств объектов

Таблица 2. Соотношение уровней понимания текста, мыслительных процедур и продуктов

Уровень понимания текста	Базовая мыслительная процедура	Продукт
Восприятие	Анализ	Пересказ
Преобразование	Объяснение	Модель
Конструирование	Интерпретация	Авторский текст

(понятий). Учащиеся работают с признаками частей речи и используют три правила комбинации (правил столько же, сколько и признаков):

- ◆ найди и подчеркни орфограммы в словах, объясните написание этих слов;
- ◆ слова обрастают, разнолиственным разбери по составу;
- ◆ выполни морфологический разбор слова «леса» в предложении последнего абзаца; др.

Задачи 4 уровня оцениваются 4 баллами и характеризуются максимально высокими показателями дифференциации и интеграции: способностью к соотносению и связыванию самой разнообразной информации, относительностью суждений и др. Наряду с правилами комбинации, правилами сравнения, учащийся использует ещё и правила интерпретации:

- ◆ выбери из текста слова, относящиеся к тематической группе «Деревья», и продолжи список своим примерами;
- ◆ составь словарную статью со словом «местность»?
- ◆ замени однородные члены предложения «сосну, ель, пихту» в первом предложении 3-го абзаца синонимичным словосочетанием;
- ◆ преобразуй в сложное предложение «Лес, состоящий из одних сосен, называется бором».
- ◆ и др.

На втором этапе методики учащиеся формулировали вопросы к разделу «Текст». Эта часть методики позволяет увидеть, насколько учащиеся способны использовать различные приёмы работы с учебным текстом для активного взаимодействия с информацией. Каждая задача, предложенная учащимися к разделу «Текст», оценивалось в соответствии с выделенными М. А. Холодной, Э. Г. Гельфман 3 уровнями понимания учебного текста [5] (Таблица 2).

Задачи, относящиеся к 1-му уровню понимания текста, оцениваются 1 баллом.

Примеры задач:

- ◆ какой лес называется бором?;
- ◆ о чём говорится в тексте?;
- ◆ озаглавь текст;

- ◆ составь план текста;
- ◆ к какому типу речи относится текст?

Задачи, относящиеся ко 2 уровню понимания текста, оцениваются 2 баллами.

Примеры задач:

- ◆ выдели основания для сравнения и преобразуй текст в таблицу;
- ◆ подбери эпиграф к тексту;
- ◆ составь инструкцию (алгоритм) «Как нужно действовать, чтобы правильно поставить запятые в сложном предложении?».

Задачи, относящиеся к 3 уровню понимания текста, оцениваются 3 баллами.

Примеры задач:

- ◆ передай в рисунке основное содержание текста;
- ◆ используя дополнительную литературу, придумай и запиши продолжение текста;
- ◆ на основе дополнительного материала напиши сочинение о красоте леса;
- ◆ составь тематический словарь на тему «Красный лес».

Таким образом, обработка результатов складывается из подсчетов следующих показателей:

1 — общее количество вопросов (N) (что с одной стороны может быть показателем импульсивности, а с другой, показателем быстроты и точности в работе с текстом);

2 — количество вопросов, относящихся к одному из уровней или к разным уровням индивидуальной понятийной системы (обозначим Нуипс) (на примере разделов русского языка «Лексикология», «Грамматика», «Орфография»);

3 — количество вопросов, относящихся к одному из уровней понимания текста или к разным его уровням (Нупт);

4 — результат, полученный при умножении составляющих Нуипс на соответствующие баллы из таблицы

Таблица 3. Бальные границы примерных уровней индивидуальной понятийной системы (УИПС) и уровней понимания текста (УПТ)

Баллы	Примерные уровни УИПС и УПТ
0–0,4	Уровень не сформирован
0,5–1,4	1 уровень
1,5–2,4	2 уровень
2,5–3,4	3 уровень
>3,5-	4 уровень

Таблица 4. Факторная структура характеристик понятийного мышления младших школьников с низкой успеваемостью при завершении уровневых задач (на уроках русского языка)

Переменные	Компонент						
	1	2	3	4	5	6	7
ИУПС/ Количество задач	.003	.772	.317	-.022	.534	.023	.098
Количество задач 1 уровня	.203	.965	.103	-.005	.114	-.044	.036
Количество задач 2 уровня	.149	.166	.928	.131	.220	.055	.141
Количество задач 3 уровня	.323	.244	.263	-.030	.861	.113	.102
Количество задач 4 уровня	.329	-.027	.055	-.040	.088	.937	-.010
Количество баллов за 1 уровень	-.203	.965	.103	-.005	.114	-.044	.036
Количество баллов за 2 уровень	.149	.166	.928	.131	.220	.055	.141
Количество баллов за 3 уровень	.323	.244	.263	-.030	.861	.113	.102
Количество баллов за 4 уровень	-.057	.104	.251	.091	.154	-.020	.943
Сумма баллов	.140	.562	.588	.044	.545	.061	.126
УПТ/ Количество задач	.809	-.094	.143	.526	.124	.155	.012
Количество задач 1 уровня	-.058	.000	.100	.991	-.026	-.047	.047
Количество задач 2 уровня	.942	-.117	.055	-.189	.113	.174	-.007
Количество задач 3 уровня	.866	-.069	.135	-.117	.239	.263	-.055
Количество баллов за 1 уровень	-.058	.000	.100	.991	-.026	-.047	.047
Количество баллов за 2 уровень	.942	-.117	.055	-.189	.113	.174	-.007
Количество баллов за 3 уровень	.329	-.027	.055	-.040	.088	.937	-.010
Сумма баллов	.936	-.102	.125	.166	.164	.205	-.012
Суммарный процент дисперсии	25.1	42.4	56.2	69.6	82.6	93.7	99.2

2 и разделенный на количество Нуипс (то есть среднее значение), будет соответствовать уровню индивидуальной понятийной системы (УИПС).

Бальные границы примерных уровней индивидуальной понятийной системы (обозначим УИПС) и уровней понимания текста (обозначим УПТ) отражены в таблице 3.

В процессе работы с учащимися начальной школы на уроках русского языка были получены результаты решения задач, которые будут рассмотрены далее.

Выборку исследования составили младшие школьники в количестве 225 человек (девочек — 113, мальчиков — 112, средний возраст — 10 лет), обучающиеся в общеобразовательных школах.

При дифференциации школьников по успеваемости выделилось 3 группы: с низкой успеваемостью (39 чело-

век), со средней успеваемостью (96 человек) и с высокой успеваемостью (90 человек).

В результате факторизации и ротации в группе с низкой успеваемостью получена факторная структура из 7 факторов (Таблица 4).

Структура — полная, лишь последний фактор является неустойчивым, так как содержит лишь одну переменную, характеризующую количество баллов за формулировку задач 4 уровня.

Например:

- ◆ состав словарную статью со словом местность;
- ◆ замени однородные члены предложения сосну, ель, пихту в первом предложении 3-го абзаца синонимичным словосочетанием;
- ◆ преобразуй в сложное предложение «Лес, состоящий из одних сосен, называется бором».

Таблица 5. Факторная структура характеристик понятийного мышления младших школьников со средней успеваемостью при завершении уровневых задач (на уроках русского языка)

Переменные	Компонент					
	1	2	3	4	5	6
ИУПС/ Количество задач	.841	.099	.454	.035	-.121	-.051
Количество задач 1 уровня	.927	-.031	-.096	.176	-.054	-.048
Количество задач 2 уровня	.726	-.082	.154	-.536	-.111	-.130
Количество задач 3 уровня	.025	-.030	.977	.118	.072	-.012
Количество задач 4 уровня	-.085	-.051	.009	-.046	-.072	.989
Количество баллов за 1 уровень	.930	-.035	-.111	.167	-.033	-.051
Количество баллов за 2 уровень	.726	-.082	.154	-.536	-.111	-.130
Количество баллов за 3 уровень	.015	-.035	.973	.114	.090	-.013
Количество баллов за 4 уровень	-.085	-.051	.009	-.046	-.072	.989
Сумма баллов	.655	-.083	.721	-.145	-.039	.136
УПТ/ Количество задач	-.116	.788	-.070	.412	.039	-.095
Количество задач 1 уровня	.088	.421	.178	.825	-.073	-.095
Количество задач 2 уровня	-.111	-.013	.100	-.054	.971	-.071
Количество задач 3 уровня	-.013	.967	-.051	.099	-.088	-.003
Количество баллов за 1 уровень	.088	.421	.178	.825	-.073	-.095
Количество баллов за 2 уровень	-.104	-.017	.025	.022	.981	-.071
Количество баллов за 3 уровень	-.013	.967	-.051	.099	-.088	-.003
Сумма баллов	-.004	.783	.076	.507	.321	-.083
Суммарный процент дисперсии	22.113	41.565	57.045	70.929	82.622	94.067

Рассмотрим содержание факторов:

1 фактор (кристаллизующий) включает уровень понятия текста/ количество задач (0,809), количество задач 2 уровня (0,942), количество задач 3 уровня (0,866), количество баллов за 2 уровень (0,942), сумма баллов (0,936);

2 фактор — индивидуальный уровень понятийной системы/ количество задач (0,772), количество задач 1 уровня (0,965), количество баллов за 1 уровень (0,965);

3 фактор — индивидуальный уровень понятийной системы / количество задач 2 уровня (0,928), количество баллов за 2 уровень (0,928), сумма баллов (0,588);

4 фактор — уровень понимания текста/ количество задач 1 уровня (0,991), количество баллов за 1 уровень (0,991);

5 фактор — индивидуальный уровень понятийной системы / количество задач 3 уровня (0,861), количество баллов за 3 уровень (0,861);

6 фактор — индивидуальный уровень понятийной системы / количество задач 4 уровня (0,937), количество баллов за 3 уровень (0,937);

7 фактор — индивидуальный уровень понятийной системы / количество баллов за 4 уровень (0,943).

В группе младших школьников с низкой успеваемостью при проведении факторного анализа суммарный процент дисперсии равен 99,258. В результате факторизации и ротации в группе со средней успеваемостью получена факторная структура из 6 факторов (Таблица 5).

Получено 6 факторов. Структура — полная, устойчивая, отличается от двух предыдущих.

1 фактор (кристаллизующий) включает индивидуальный уровень понятийной системы / количество задач (0,841), количество задач 1 уровня (0,927), количество задач 2 уровня (0,726), количество баллов за 1 уровень (0,930), количество баллов за 2 уровень (0,726);

2 фактор — уровень понимания текста/ количество задач (0,788), количество задач 3 уровня (0,967), количество баллов за 3 уровень (0,967), сумма баллов (0,783);

3 фактор — индивидуальный уровень понятийной системы / количество задач 3 уровня (0,977), количество баллов за 3 уровень (0,973), сумма баллов (0,721);

4 фактор — уровень понимания текста/ количество задач 1 уровня (0,825), количество баллов за 1 уровень (0,825);

Таблица 6. Факторная структура характеристик понятийного мышления младших школьников с высокой успеваемостью при завершении уровневых задач (на уроках русского языка)

Переменные	Компонент				
	1	2	3	4	5
ИУПС/ Количество задач	.796	.128	.277	.409	.240
Количество задач 1 уровня	.790	.146	.239	.105	.378
Количество задач 2 уровня	.260	.017	-.006	.924	.066
Количество задач 3 уровня	.955	.048	.042	.050	-.004
Количество задач 4 уровня	.192	.044	.045	.057	.965
Количество баллов за 1 уровень	.790	.146	.239	.105	.378
Количество баллов за 2 уровень	.260	.017	-.006	.924	.066
Количество баллов за 3 уровень	.941	.036	.008	.061	-.022
Количество баллов за 4 уровень	.192	.044	.045	.057	.965
Сумма баллов	.907	.078	.089	.370	.145
УПТ/ Количество задач	.058	.689	.643	-.059	.055
Количество задач 1 уровня	.190	.009	.961	-.006	.053
Количество задач 2 уровня	.050	.795	.027	.429	-.071
Количество задач 3 уровня	.300	.811	-.156	-.130	.021
Количество баллов за 1 уровень	.185	.020	.958	.042	.048
Количество баллов за 2 уровень	-.140	.773	.098	.323	.001
Количество баллов за 3 уровень	.129	.859	-.138	-.261	.115
Сумма баллов	.113	.925	.310	-.026	.094
Суммарный процент дисперсии	27.361	49.737	64.236	77.708	90.329

5 фактор — уровень понимания текста / количество задач 2 уровня (0.971), количество баллов за 2 уровень (0.981);

6 фактор — индивидуальный уровень понятийной системы / количество задач 4 уровня (0.989), количество баллов за 4 уровень (0.989);

В группе младших школьников со средней успеваемостью при проведении факторного анализа суммарный процент дисперсии равен 94.067.

В результате факторизации и ротации в группе с высокой успеваемостью получена факторная структура из 5 факторов (Таблица 6).

Получено 5 факторов.

Структура — полная, устойчивая, отличается от двух предыдущих.

1 фактор (кристаллизующий) включает — индивидуальный уровень понятийной системы / количество задач (0.796), количество задач 1 уровня (0.790), количество задач 3 уровня (0.955), количество баллов за 1 уровень (0.790), количество баллов за 3 уровень (0.941), сумма баллов (0.907);

2 фактор — уровень понимания текста/ количество задач (0.689), количество задач 2 уровня (0.795), количество задач 3 уровня (0.811), количество баллов за 2 уровень (0.773), количество баллов за 3 уровень (0.859), сумма баллов (0.925).

3 фактор — уровень понимания текста/количество задач 1 уровня (0.961), количество баллов за 1 уровень (0.958);

4 фактор — индивидуальный уровень понятийной системы / количество задач 2 уровня (0.924), количество баллов за 2 уровень (0.924);

5 фактор — индивидуальный уровень понятийной системы / количество задач 4 уровня (0.965), количество баллов за 4 уровень (0.965).

В группе младших школьников с высокой успеваемостью при проведении факторного анализа суммарный процент дисперсии равен 90.329.

Анализ факторных структур в группах учащихся с разной успеваемостью показал, что все структуры получены с достаточно высокой суммарной дисперсией. Структуры — полные, что свидетельствует о взаимосвязанности всех переменных, рассматриваемых в процессе разработки методики «Продолжи задачу».

При этом необходимо отметить, что факторные структуры в группах учащихся с разной успеваемостью имеют отличия.

Количество факторов понижается с повышением уровня успеваемости. Этот факт отражает тенденцию к интеграции задействованных переменных в группе обучающихся с высокой успеваемостью.

В ходе анализа кристаллизирующих факторов во всех группах, так же определены отличия в их содержании.

В группе обучающихся с низкой успеваемостью кристаллизирующий фактор включает взаимосвязь уровня понятия текста с количеством задач второго и третьего уровня, а так же с суммой баллов за решение этих задач. То есть, низкий уровень понимания текста обуславливает решение задач второго и третьего уровня с достаточно низкими баллами.

В группе обучающихся со средней успеваемостью кристаллизирующий фактор включает взаимосвязь уровня индивидуальной понятийной системы с количеством задач первого и второго уровня, а так же с суммой баллов за решение этих задач. То есть, учащиеся этой группы более уверены в решении задач первого и второго уровня.

В группе обучающихся с высокой успеваемостью кристаллизирующий фактор включает взаимосвязь индивидуального уровня понятийной системы с количеством задач первого и третьего уровня, а так же с суммой баллов за решение этих задач. То есть, более высокий уровень понятийной системы в этой группе обеспечивает уверенное решение и простых, и трудных задач.

Заключение

Анализ факторных структур характеристик понятийного мышления младших школьников с разной успеваемостью при завершении уровневых задач подтвердил критериальную валидность разрабатываемой методики, предназначенной для использования в учебном процессе.

Таким образом, методика «Продолжи задачу» позволяет выявить способность учащихся к концептуализации в условиях формулирования вопросов к учебному тексту, то есть к целостному интегрированному системному многоуровневому образованию, в котором представлено множество разнокачественных и взаимосвязанных признаков некоторого объекта или явления, обозначаемого определенным словом. Эта сложная целостная система рассматривается как интегральный эффект познавательного развития субъекта.

Апробация методики «Продолжи задач» на уроках русского языка в начальной школе показала необходимость организации деятельности учащихся по системной дифференциации обобщенного знания и формирования способов анализа и синтеза, конкретизации и уточнения свойств изучаемых понятий, их использования в устной и письменной речи.

В процессе исследования выявлено, что перспективной достижений учащихся в изучении русского языка остаётся четвертый уровень организации индивидуальных понятийных систем, который характеризуется максимально высокими показателями дифференциации и интеграции, способностью к соотносению и связыванию самой разнородной информации, относительно суждений и др. [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Климанова Л. Ф. Русский язык. 4 класс. Учебник для общеобразовательных организаций с прилож. на электрон. носителе. В 2 ч. Ч. 1/ Л. Ф. Климанова, Т. В. Бабушкина. — Просвещение, 2014. — 127 с.
2. Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения: в 2 т./ А. Н. Леонтьев. М., 1983. Т 2. — 304 с.
3. Савин Е. Ю. Понятийный и метакогнитивный опыт как основа интеллектуальной компетентности [Текст]. Автореферат дисс. ... канд. псих. наук. — М., 2002. — 24 с.
4. Холодная М. А. Проблема дифференциации и интеграции понятийного опыта и теории понятийных систем О. Дж. Харви, Д. И. Ханта, Г. М. Шродера /М. А. Холодная // Дифференционно-интеграционная теория развития. — Кн. 2 / сост. и ред. Н. И. Чуприкова, Е. В. Волкова. — М., 2014. — С. 201–215.
5. Холодная М. А., Гельфман Э. Г. Развивающие учебные тексты как средство интеллектуального воспитания учащихся. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. — 200 с.
6. Чуприкова Н. И. Дифференционно-интеграционная теория развития как основа решения проблемы соотношения языка и мышления / Н. И. Чуприкова // Дифференционно-интеграционная теория развития. — Кн. 2 / сост. и ред. Н. И. Чуприкова, Е. В. Волкова. — М., 2014. — С. 165–190.

ФИЛОСОФСКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ С.Л.ФРАНКА

PHILOSOPHICAL AND PSYCHOLOGICAL VIEWS OF S. L. FRANK

I. Novichihina

Summary. The article reviews the complex of philosophical and psychological views of S. L. Frank. The scientist ideas about the nature of the human person and the laws of the functioning of the human psyche are examined in the context of his anthropological system. The result is formulated in the holistic concept of man in S. L. Frank's scientific notation. By matching the views of S. L. Frank with philosophical and psychological views of his epoch, the contribution of scientist to the development of personality psychology is being concluded.

Keywords: philosophical-psychological system, personality psychology, anthropology of S. L. Frank.

Новичихина Ирина Вячеславовна

Аспирант, Московский гуманитарный университет
ira575@icloud.com

Аннотация. В статье рассматривается комплекс философских и психологических воззрений С.Л. Франка. В контексте антропологической системы ученого анализируется его представления о природе человеческой личности и законах функционирования человеческой психики. В результате формулируется целостная концепция человека в научной системе С.Л. Франка. Путем сопоставления взглядов С.Л. Франка с современными ему философско-психологическими воззрениями делается вывод о вкладе ученого в развитие психологии личности.

Ключевые слова: философско-психологическая система, психология личности, антропология С.Л. Франка.

С.Л. Франк известен как одна из ключевых фигур в истории русской философии. Его творчество опиралось преимущественно на методологические и философские традиции европейской философии, однако развивалось в контексте русского национального самосознания и в тесной связи с традициями русской религиозной философии. Ведущей авторской интенцией на протяжении всей жизни С.Л. Франка оставалась потребность методологического и концептуального синтеза, разрешения противоречий на онтологическом и понятийном уровнях.

Вклад С.Л. Франка в развитие психологии не столь изучен, хотя его значимость давно не вызывает сомнений. Так, Энциклопедический словарь по педагогике и психологии включает его в ряд ключевых фигур и утверждает, что именно он наиболее последовательно и глубоко отразил «влияние религиозной философии на психологию» [1], имевшее место в первой половине XX в.

Говоря о Франке как о психологе, в большинстве случаев опираются преимущественно на монографию «Душа человека». Так например, в учебнике М.Г. Ярошевского «История психологии», написанного совместно с Т.Д. Марцинковской, Франку и его монографии отводится особый подраздел в главе, посвященной истории психологии в России. Авторы учебника называют публикацию «Душа человека» «наиболее значительной психологической работой» ученого и утверждают, что главная идея этого произведения заключается в стремлении «вернуть в психологию понятие души взамен понятия душевных явлений» [2, с. 337]. В своем учебнике

по тому же предмету Т.Д. Марцинковская разбирает воззрения С.Л. Франка несколько подробнее и утверждает, что по мнению Франка главной задачей психологии как науки является «рождать в человеке понимание цельности своей личности и смысла жизни» [3, с. 260]. Отсюда стремление Франка вернуть в психологию это ключевое для его подхода понятие.

Воззрения С.Л. Франка также описывает В.А. Кольцова в своей монографии: «История психологии. Проблемы методологии» [4]. Исследовательница отмечает онтологический характер психологии С.Л. Франка, а также впервые предлагает рассматривать систему ученого как синтез научного и религиозного подхода к человеку.

Таким образом, значимость системы С.Л. Франка и его монографии «Душа человека» для развития мировой психологической мысли давно стала научным фактом, в то время как историческая реконструкция его философско-психологической системы и ее комплексный анализ до сих пор не проводились. В рамках данной статьи будут рассмотрены ключевые положения этой системы.

Философским основанием антропологии С.Л. Франка стала разработанная им метафизика всеединства. Через призму этой концепции он раскрывает многоаспектную природу человека как неразрывное единство. По мысли Франка именно внутреннее единство с вечной духовной реальностью и с Богом является залогом неограниченности человеческой личности во времени и в пространстве. Таким образом, философ убежден в существовании

абсолютного смысла личного бытия человека, который реализуется и раскрывается в течение всей жизни.

В качестве связи божественной и человеческой реальности Франк рассматривает человеческую свободу и энергию творчества, которую он именует «тревогой духа». Именно свобода является тем фактором, благодаря которому личность преодолевает пределы собственной ограниченности и вступает в отношение с божественной реальностью. В этой точке происходит сложное трансрациональное взаимодействие трансцендентного и имманентного в человеке, которое философ именует трансцендированием. Через момент подлинной свободы личность выходит за пределы самой себя, сохраняя свою самость, т.е., не подчиняясь до конца внешнему воздействию, и благодаря этому реализует полноту бытия.

Франк именует свое мировоззрение «метафизическим реализмом», поскольку считает принципиальным реальность существования трех неотъемлемых составляющих мироздания: объектного мира, человека и Бога. Всеединство при этом является высшим идеалом мира, не ограниченным в пространстве и времени, который включает в себя внепространственный и сверхвременный Абсолют, т.е. Бога.

Как доказали многочисленные философские исследования [5–12], метафизика С.Л. Франка представляет собой оригинальный подход к пониманию бытия. В основе этого концепта лежит методология антиномического монодуализма, которая была призвана снять противопоставление материализма и идеализма. Согласно этой методологии, противоположности «я» и «не я», субъективное и объективное, рациональное и иррациональное начала не противопоставляются, а достигают тождества в Абсолюте. При этом, методология Франка сочетает в себе признаки научного познания, впрочем, отличающегося от точных и естественных наук, и черты религии и искусства. Такой подход к философии соответствует современным философским исканиям.

Свою метафизику Франк строит на осмыслении христианских истин, гармонично соединяя их со своей концепцией человека. Свои представления о христианском вероучении на языке философии Франк излагает в книге «С нами Бог» [13], причем важнейшим тезисом является необходимость личного религиозного опыта, живого Богообщения. Кроме того, он предлагает различать веру в Бога как доверие ему, и веру как один из путей познания. Пребывая выше категорий добра и зла, Бог дает человеку ориентиры для развития нравственного чувства. Жертвенная любовь как высший христианский идеал является высшим проявлением этого развития.

Переходя непосредственно к антропологическим вопросам, Франк связывает сущностные характеристики человека с единством конечного и бесконечного, временного и вечного, материального и духовного, личного и мирового. Это подход к человеку созвучен современным антропологическим концепциям и опережает науку своего времени. Наиболее новаторским в подходе к природе человека у Франка является не двойственный, а тройственный ее характер: помимо естественного и социального начала, ученый включает в нее и духовное. Особую самобытность антропологии Франка придает религиозная направленность его системы.

Важнейшим выводом из антропологической концепции Франка является становится система отношений «я-ты», в которой ученый видит первичную основу для бытия и экзистенции личности. По мысли философа реализация «я» возможна только при наличии «ты», что позволяет человеку выйти за пределы самого себя. Основой реализации этого механизма становится феномен любви, в котором Франк видит управляющее начало для всей жизни человека. Именно через механизм любви достигается всеединство, которое имеет основу в глубинной связи «я-ты». Личность формируется и развивается прежде всего в общении: «лишь в соборном бытии, в единстве общества подлинно реально то, что мы называем человеком» [14, с. 53].

Особое значение Франк придает индивидуальности человека, которую он именует самостью. Зрелость личности, по его мнению, определяет именно умение контролировать свое индивидуальное начало.

Итогом размышлений Франка становится определение личности как самости, стоящей «перед лицом высших, духовных, объективно значимых сил» и вместе с тем проникнутой ими [13, с. 409].

В своей поздней монографии «Реальность и человек» [15] Франк окончательно формулирует тезис о существовании неразрывной связи между идеей Бога и идеей человека, и утверждение невозможности осмыслить и осуществить полноту человеческого бытия вне Божественной идеи. Соответственно в качестве основной своей цели философ рассматривает преодоление многовекового противопоставления веры в Бога и гуманистической веры в человека. Особенно ученый акцентирует тот факт, что особое соотношение человека и Бога как богосродство осознается и раскрывается в христианстве, которое является религией личности. Выражая постулаты христианского вероучения языком философии, Франк утверждает: «прибегая к Богу, отдаваясь и служа ему, человек впервые полностью осуществляет сам себя; только в связи с Богом человек находит своё истинное существо» [13, с. 313].

Формулируя идею монодуализма в трактовке природы человеческого личности, С.Л. Франк нашел способ преодолеть антиномию радикального персонализма (Н. Бердяев) и крайности имперсонализма (В. Соловьев). Согласно представлениям С.Л. Франка граница человека и всеединства связана с границей реального и сверхреального во внешнем мире и одновременно с границей души и духа в человеке. Эту границу, как считает философ, определяет и обнаруживает именно личности в самой себе, в своей «самости», причем в процессе ее преодоления — трансцендирования. Это личное начало, которое Франк именуется термином «самость» присутствует одновременно в каждом из полюсов антиномии, и адекватно раскрывается только в «умудренном неведении», т.е. в металоогических и трансрациональных категориях, к которым он прежде всего относит принцип монодуальности. Личность выявляется именно в духе человека, который согласно его концепции всеединства, является частью последнего. Следовательно, по-настоящему свободной и творческой личностью может стать только тот человек, который глубоко укоренен во всеединстве.

В то же время, считая главным смыслом человеческой жизни духовное совершенствование и творческое саморазвитие, Франк полагает, что важным критерием этого совершенства является общее благо. Освобождение духа каждой отдельной личности является условием увеличения духовной силы и стабильности общества. Через преобладание духовного «я» над телесным началом человек обретает подлинную свободу и достигает гармонии с собой, миром и обществом.

Наиболее подробно и системно свои психологические воззрения С.Л. Франк сформулировал в монографии «Душа человека». Эта работа имеет наибольшее значение для истории психологии, поскольку сам автор относил ее именно к данной области науки. В тексте он прямо именуется это свое сочинение проектом новой философской психологии, под которой С.Л. Франк понимает «учение о природе индивидуальной «души» и ее отношении к надындивидуальному объективному бытию» [16, с. 419–420]. Франк исходит из того, что изгнание понятия души из психологии и философии негативно повлияло на эти дисциплины и что «учение о душе и человеческой жизни... есть не искусство, не проповедь и не вера, а знание, или что оно, по крайней мере, возможно и нужно также и в форме точного научного знания» [16, с. 428]. Таким образом, Франк предполагает существование разветвленной и многоуровневой душевной жизни человека и хочет исследовать самое ее существо.

При этом ученый противопоставляет свою концепцию психологической науки господствовавшим в его

время представлениям о психологии как отрасли естествознания. Современная ученому психология мыслилась прежде всего как «учение о природе, о внешних, чувственно-предметных условиях и закономерностях существования и смены душевных явлений», т.е. представляла собой раздел физиологии. В качестве терминов, описывающих эту область знания, С.Л. Франк предлагает синонимичные в контексте его работ понятия: «эмпирическая психология», «экспериментальная психология», «психофизика» «психофизиология». Изучаемые в рамках этих подходов и методов явления С.Л. Франк полагает если не однозначно физическими, то все же и не относящимися к собственно психическим.

Таким образом, психологическая теория Франка рождается как изначально полемическая. Этим объясняются многие заостренные утверждения о природе человека и об особенностях психических явлений, которые встречаются в работе.

Одновременно с этим противопоставлением ученый отмечает высокую актуальность собственно психологического знания в человеческой культуре на всем протяжении ее развития. Отсутствие квалифицированного научного подхода к изучению психического мира, по мнению Франка, приводит к развитию иных форм познания сферы душевной жизни, и прежде всего — религиозной интуиции, роль которой в познании душевной сферы весьма велика. Франк принципиально связывает возможность самонаблюдения и самосознания с религиозным опытом, утверждая, что «Лишь религиозный человек способен иметь подлинное живое самосознание, ощущать в себе «душу живую»» [16, с. 427]. Развивая эту мысль, Франк отождествляет самосознание с религиозным опытом: «религиозность и самосознание в этом смысле есть именно одно и то же» [16, с. 427]. Опираясь на разработанную им в работе «Предмет знания» теорию познания, Франк доказывает, что исследование души как целостного феномена осуществимо только в рамках религиозного сознания, поскольку отрицающие религиозное начало воззрения отрицают и само существование души как специфической реальности, отличной от предметно-чувственного мира. Следовательно, вне религиозного сознания сам предмет науки психологии не имеет смысла.

При этом С.Л. Франк отмечает, что религиозная интуиция не способна полностью заместить научное знание, и именно необходимость последнего в отношении сферы душевной жизни послужила причиной создания монографии «Душа человека».

Отметим, что это методологическое положение сохранит свою значимость на всем протяжении научного творчества С.Л. Франка и станет одним из ключевых

открытий философа. Утверждаемая им возможность и необходимость синтеза традиционно-научного рационального и интуитивно-иррационального познания занимает важное место в дальнейшем развитии экзистенциальной психологии.

В качестве главной задачи науки психологии ученый видит «общие логические разъяснения идеальной природы и строения душевного мира и его же идеального отношения к другим объектам бытия» [16, с. 430], а не исследование каких-либо реальных процессов, относящихся к области предметного бытия. Таким образом, основное назначение философской психологии, по его мнению, состоит не столько в описании конкретных психических проявлений или изучении конкретных закономерностей, сколько в построении аналитических моделей, объясняющих и отражающих все бесконечное многообразие душевной жизни человека.

Основным методом философской психологии Франк полагает самонаблюдение, понимаемое им в контексте монографии «Предмет знания» как «живое знание», то есть «имманентное уяснение самосознающейся внутренней жизни субъекта в ее родовой «эйдетической» сущности» [16, с. 453]. Таким образом, согласно Франку психологическая наука это процесс научного самопознания личности.

Как явствует из самого название монографии, ключевым понятием в ней становится «душа». Под душой Франк понимает непосредственную целостность душевной жизни, или «наше собственное существо, как мы ежесекундно его переживаем» [16, с. 434]. Причем, в качестве синонимических к этому ключевому понятию ученый предлагает такие термины как: «внутренний мир человека», «человеческая личность», «наш духовный мир». Таким образом, как уже отмечено в научной литературе, предметом психологии у Франка «выступает душа, понимаемая в широком плане — как самостоятельная внутренняя реальность, противостоящая чувственно-предметному миру и отграниченная от него; объектом — человек как конкретный носитель душевных явлений» [4, с. 210].

Далее Франк выделяет ряд ключевых характеристик души и свойств душевной жизни.

Прежде всего, он утверждает, что для душевной жизни характерны «сплошность, слитность, бесформенное единство» [16, с. 505]. Эту особенность душевной сферы человека ученый считает своим открытием, подчеркивая, что ранее наука психология игнорировала этот важный факт. Отметим, что положение о принципиальном единстве различных психологических аспектов челове-

ческой личности получило дальнейшее развитие в психологии личности XX века, в трудах таких ученых как П. А. Вернадский и Л. С. Выготский.

Другая ключевая черта душевной жизни по С.Л. Франку — ее неограниченность рамками физического бытия, как в пространстве, так и во времени: «В лице знания мы возвышаемся над временем и живем в вечности», [16, с. 507] — поэтически утверждает ученый.

В качестве психического механизма, реализующего это свойство души С.Л. Франк видит память, благодаря которой человек может «в настоящем обладать прошлым» [16, с. 508]. Характерно, что на основании этой особенности ученый отделяет душевную жизнь от процесса познания: в отличие от последнего она погружена в настоящее, но это настоящее не есть математический миг, а некая «бесформенная длительность».

Из этих двух тезисов о внепространственности и вневременности души вытекает важное положение о принципиальной «неизмеримости душевных явлений» [4, с. 210].

Отметим, что такой подход во многом является полемически заостренным против традиционных методов эмпирической психологии, среди которых количественный и статистический анализ занимают важное место, и вполне соответствует экзистенциальному подходу к исследованию человеческой личности, который опирается прежде всего на содержательный анализ.

Из положения о вневременной и внепространственной природе души Франк делает вывод, что внешнее проявление человека в объективно-предметном мире представляет из себя лишь маленькую частичку от того скрытого, потенциально бесконечного «мира хаотических сил», который составляет его сущность. В то же время, Франк полагает, что равно несправедливым будет утверждать, что душевная жизнь представляет собой трансцендентное явление. Это соотношение более сложное и тонкое.

Взаимодействие человека с объективной реальностью Франк считает важнейшим аспектом психологии и определяет человека как «живой центр духовных сил, направленных на действительность». Субъективное отношение человека к объективному бытию, по мнению Франка, образует «самое существо того, что мы зовем нашей жизнью» [16, с. 458].

Анализ составляющих душевной жизни человека Франк строит, опираясь на традиционное различение чувственной сферы (ощущений), сознания (интеллектуальной сферы) и воли.

Область ощущений Франк объединяет с понятием непосредственного переживания, видя в нем основу психической жизни. Он полагал, что «область психического как такового есть область переживания, непосредственного субъективного бытия» [16, с. 578]. Сфера сознания по мнению ученого относится к душевной жизни именно в той степени, в которой она является непосредственным переживанием.

В области сознания человека Франк выделяет три составляющих. Под собственно сознанием он понимает непосредственное переживание, а область интеллектуальной деятельности, в частности, сферу познания, предлагает именовать «предметным сознанием», которое, по мнению ученого, очень редко присутствует в чистом виде и обычно составляет лишь фон для остальных двух видов сознания. Третий вид сознания по Франку — это самосознание. Предметное сознание и самосознание ученый относит к области духовной жизни, предлагая отделять эту сферу от душевной. В качестве основной аргументации он ссылается на выведенную им гносеологическую теорию, согласно которой любое познание возможно только через связь индивидуального сознания с вневременной, идеальной стороной бытия, т.е. областью духа.

При этом Франк полагает, что сила и интенсивность душевных переживаний и явлений не зависят от степени их сознательности, т.е. осознанные душевные явления далеко не всегда являются наиболее сильными или значимыми в жизни человека. Соответственно, он делает вывод, что интенсивность и действенность душевной жизни человека не могут считаться пропорциональными степени сознательности личности. Степень осознанности переживаний меняет качественную характеристику душевного явления, относя его либо к области самосознания, либо к сфере подсознательной жизни, которую Франк понимает как «само переживание, само внутреннее бытие субъекта» [16, с. 458].

В определенной степени в концепции Франка сознание противопоставляется жизни как таковой: ученый полагал, что «чистое сознание, в качестве совершенного созерцания, есть бездействие, душевная смерть». Также справедливым он считал и обратное утверждение, что жизнь как таковая, будучи «всепобеждающей действенной силой», является «совершенной слепотой сознания» [16, с. 594]. Синтез и возможную гармонию этих двух начал он видел в сфере духовной жизни, в которой их антагонизм примиряется в высшем единстве, которое, однако, может быть достигнуто лишь при исключительных условиях.

Явления в области волевой и эмоциональной сфер Франк связывал с категорией предметного сознания

и полагал, что включать их в состав душевной жизни надлежит только в той мере, в какой они представляют собой момент чистого переживания. Он полагал, что эта область ограничена с одной стороны, предметным бытием, а с другой — самосознанием. Исходя из вневременности душевной жизни, реализуемой в том числе как предвосхищение будущего в настоящей реальности, а также из качественной, т.е. оценочной ее природы, Франк делает вывод о «целеустремительности» как важнейшей характеристики душевной жизни.

Цельность и внутреннее единство человеческой души, по мнению Франка реализуется на трех иерархически структурированных уровнях.

Первый уровень — это единство чувственно-эмоциональной сферы, тесно связанной с телесной составляющей человека. Это низшее «Я»: переплетение настроений, чувств и страстей, имеющее сильное влияние на периферию жизни личности.

Второй уровень — это единство сверхчувственно-волевой сферы, где происходит реализация родовой жизни. Под последней Франк понимает примат общезначимых целей над индивидуальными и самопреодоление. Это волевое «Я» обнаруживает себя, когда личность делает выбор, требующий от нее преодоления низшего «Я», и проявляет перед его лицом мужество или решимость.

И наконец, есть чистое высшее «Я», которое мы видим в осознании нравственного долга или божественного призвания. Это высшее «Я» проявляется всюду, где мы сознаем сверх-эмпирическую, сверхиндивидуальную инстанцию нашего «я», в форме «*призвания*». Франк приводит ряд примеров: вдохновение художника, потребность познать и поведать истину мыслителя, жажда подвига святого — все это действия высшего, духовного или идеально-разумного единства своего «я» не иначе и не в меньшей мере, чем человек, подчиняющийся требованию нравственного Добра. Таким образом, Франк доказывает существование особой высшей формы душевной жизни — духовную жизнь.

Исходя из этой тройственной системы, Франк заключает о коренном единстве индивидуальной воли и над-индивидуального духа как «сверхчувственного формирующего начала души», которое он противопоставляет чувственно-соматическому.

Итак, в монографии «Душа человека» С.Л. Франк сформулировал основные теоретические представления о природе психического бытия человека, его сущности и свел в систему свои философские и психологические представления.

Ретроспективный обзор творчества С.Л. Франка доказывает, что антропологическая проблематика являлась наиболее значимой в его творчестве. Философ создал целостную концепцию человека, сформулировав новую парадигму описания личности как трансрациональной и непостижимой до конца самораскрывающейся реальности. В своей антропологической концепции Франк «осуществил в отношении философии человека синтез всех наиболее влиятельных философских концепций начала и середины XX века» [17, с. 109].

Сформулировав и доказав такие формальные составляющие методологической концепции как предмет, объект и основные методы науки психологии, ученый уделил пристальное внимание практической составляющей, которая, по его мнению, заключается в возможно-

сти расширения личного опыта душевной жизни через углубленное самопознание, основанное как на рациональном объективно-научном познании, так и на иррационально-опытном субъективном переживании «живого знания». По мнению В.А. Кольцовой, уникальность философской психологии Франка состоит в отделенности и от естественно-научных дисциплин, и от абстрактных наук, таких как философия, логика, этика или эстетика. В отличие от них психология Франка ориентирована не на «миропознание, или Богопознание, а на изучение бытия, раскрывающегося в самопознании» [4, с. 212].

Как показал анализ, ключевые тезисы и конструктивные элементы концепции Франка заложили основу для развития психологии личности, и прежде всего — европейской экзистенциальной психологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. 2013. [Электронный ресурс] // Сайт «Академик» / URL: http://psychology_pedagogy.academic.ru/19183/
2. Ярошевский М. Г. История психологии. От античности до середины XX века. Учебное пособие для высших учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 1996
3. Марцинковская Т. Д. История психологии: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2001
4. В.А. Кольцова. История психологии. Проблемы методологии. М.: «Институт психологии РАН», 2008
5. Сухоруков В. В. Социально-философские взгляды С. Франка (критический анализ). Дис. канд. филос. наук. М., 1987
6. Бердяев Н. А. Два типа мирозерцания (По поводу книги С. Л. Франка «Предмет знания») // Вопросы философии и психологии. 1916. кн. 134 (IV). С. 302–315
7. Сборник памяти Семена Людвиговича Франка / Под ред. прот. о. Василия Зеньковского. Мюнхен, 1954
8. Сенокосов К. П. Семен Людвигович Франк // Франк С. Л. Сочинения. — М.: Правда, 1990; С. 5–26
9. Алексеев П. В. Философская концепция СЛ. Франка // Франк С. Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 5–12
10. Ермичев А.А. С.Л. Франк — философ русского мировоззрения // Франк С. Л. Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996. С. 5–36
11. Некрасова Е. Н. Франк: Духовное наследие мировой цивилизации. М., 2000
12. Невлева И. М. Философия культуры С.Л. Франка. Белгород, 2002
13. Франк С.Л. С нами Бог // Франк С. Л. Духовные основы общества. М. 1992
14. Франк. С. Л. Апостол человечности // Франк С. Л. Русское мировоззрение. СПб. 1996
15. Франк С. Л. Реальность и человек // С. Л. Франк. Сост. А. А. Ермичев. — СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманист. ин-та, 1997
16. Франк С. Л. Предмет знания. Душа человека. СПб: Наука, 1995
17. Зимянина Е. В. Философия человека в системе С. Л. Франка. Дисс. . . канд. философ. наук. М., 2002

© Новичихина Ирина Вячеславовна (ira575@icloud.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ПСИХОМЕТРИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ТЕСТА СОНДИ

Распопин Евгений Владимирович

*К.псх.н., доцент, Уральский юридический институт
МВД России (Екатеринбург)
ev73@mail.ru*

EXPERIENCE OF STUDYING PSYCHOMETRIC CHARACTERISTICS OF THE SONDI TEST

E. Raspopin

Summary. The article describes the results of the study of psychometric characteristics of the test SonDI. The following conclusions are drawn. The results of a single test are unstable over time. Different stimulus materials test weakly correlate with each other. This means that they cannot be regarded as equivalent forms. The results of the test are poorly consistent with the data of other methods (self-report and expert evaluation), which, presumably, could measure similar personal constructs. However, the test can be effective for solving narrow, specific tasks, for each of which the validity of the test should be studied separately.

Keywords: projective testing, reliability, validity, self-report, expert evaluation.

Аннотация. В статье описываются результаты изучения отдельных психометрических характеристик теста Сонди и делаются следующие выводы. Результаты однократного тестирования являются неустойчивыми во времени. Различные стимульные материалы теста слабо коррелируют друг с другом, что не позволяет рассматривать их в качестве эквивалентных форм. Результаты теста слабо согласуются с данными других методов (самоотчета и экспертной оценки) которые, предположительно, могли бы измерять схожие личностные конструкты и переменные. Вместе с тем, тест может быть эффективен для решения узких, конкретных задач, для каждой из которых валидность теста должна изучаться отдельно.

Ключевые слова: проективное тестирование, надежность, валидность, самоотчет, экспертная оценка.

Введение

На современном этапе развития психологической науки и практики одним из основных методов изучения индивидуально-психологических качеств личности является психодиагностический метод. Его отличительной особенностью является измерительная направленность, позволяющая дать количественную, а также качественную оценку изучаемому явлению. В свою очередь, внутри этого метода можно выделить такие подходы, как объективный, представленный, прежде всего, тестами интеллекта, субъективный, представленный многочисленной группой опросников, и проективный, представленный, соответственно, проективными тестами [2].

Проективный подход, о котором пойдет речь в данной работе, в настоящее время занимает прочные позиции в арсенале психологов. Но, несмотря на широкое применение проективных тестов, они до сих пор являются предметом многочисленных разногласий и споров между их сторонниками и противниками. Сторонники отмечают, что проективная диагностика носит целостный и безоценочный характер, позволяет реализовать индивидуальный подход к каждому испытуемому. Противники отмечают, что интерпретация результатов проективного тестирования существенно зависит от опыта психо-

лога и нередко носит отпечаток личностных особенностей и субъективных переживаний, скорее, самого психолога, а не исследуемого лица. Но наиболее существенные замечания касаются моментов, связанных с отсутствием или неоднозначностью данных о надежности и валидности проективных методик, а также их стандартизации [2].

Одним из широко известных проективных тестов, активно используемых отечественными и зарубежными психологами, является тест Л. Сонди [11]. Созданный в тридцатых годах прошлого столетия, он имеет богатый опыт практического применения в самых различных областях — в клинической психологии, в профессиональном подборе, в психологическом консультировании и т.д. [8, 9, 11 и др.].

Наряду с этим, отмечается, что тесту присущи определенные недостатки и спорные моменты, к которым относится умозрительность лежащих в его основе теоретических положений, неспособность различать клинические группы, для дифференцирования которых он предназначен, а также то, что результаты изучения валидности теста носят неоднозначный или отрицательный характер [2].

В связи с этим, **целью** работы выступило изучение психометрических характеристик теста Сонди.

Процедура и методы исследования

Выборку исследования составили:

- 1) курсанты института МВД России в количестве 65 человек;
- 2) сотрудники УИС (уголовно-исполнительной системы) в количестве 51 человек;
- 3) осужденные, отбывающие наказание в исправительных учреждениях ФСИН России в количестве 59 человек.

Общий объем выборки исследования составил 175 испытуемых.

В исследовании были использованы следующие методики.

В качестве основной методики выступил тест Сонди. Использовались следующие количественные и пропорциональные методы анализа, осуществляемые по результатам полного, 8–10 кратного тестирования:

- 1) коэффициент напряженности тенденций (КНТ). Коэффициент предназначен для оценки уровня возбудимости испытуемого, его способности контролировать свое поведение. Высокие значения выявляют импульсивность, несдержанность, сниженный самоконтроль. При низких значениях, напротив, диагностируются пассивность и даже в некоторой степени заторможенность поведения испытуемого. Средние значения свидетельствуют о достаточной активности и, в то же время, адекватности поведения испытуемого;
- 2) процент симптоматических реакций (ПСР). Этот коэффициент также предназначен для оценки поведения испытуемого в плане его импульсивности или контролируемости;
- 3) социальный индекс. Этот индекс отражает способность испытуемого следовать социальным нормам поведения. Низкие значения индекса характерны для лиц, демонстрирующих асоциальные формы поведения. Средние значения характерны для хорошо социализированных испытуемых, соблюдающих общепринятые нормы поведения. Наконец, при высоких значениях индекса возможна избыточная зажатость испытуемого, его стремление излишне строго и буквально следовать общепринятым нормам поведения;
- 4) сексуальный индекс. Этот индекс предназначен для оценки соотношения типично мужских (мажорных) и женских (минорных) реакций по тесту. Чем больше мажорных реакций получено по тесту, тем сильнее выражены маскулинные черты личности испытуемого с присущими им характеристиками жесткости, агрессивности, и наоборот;

- 5) классы опасностей. Эти такие глубинные потребности и побуждения, которые оказывают наиболее существенное влияние на характер и поведение и человека как в норме, когда ему удается направить их энергию в позитивное русло, так и при патологии.

Также оценивалась факторная картина теста, получаемая при однократном тестировании [11].

Кроме этого, были использованы следующие методики.

1. Субтест «Определение общих черт» теста структуры интеллекта Амтхауэра (IST). Задания субтеста представляют собой наборы из пяти слов, четыре из которых связаны по смыслу, а пятое отличается от остальных. Задача испытуемого — указать это слово. Чем больше заданий испытуемый выполняет правильно, тем выше уровень его интеллектуальных способностей [12].

2. Айзенка опросник личностный (EPI). Методика предназначена для изучения экстраверсии и нейротизма, представленных отдельными шкалами опросника. Низкие баллы по шкале экстраверсии соответствуют полюсу интроверсии, высокие — экстраверсии. Низкие баллы по шкале нейротизма соответствуют полюсу эмоциональной стабильности, высокие — эмоциональной неустойчивости [5].

3. Индивидуально-типологический опросник (ИТО). Методика предназначена для изучения экстраверсии, спонтанности, агрессивности, ригидности, интроверсии, сензитивности, тревожности и эмоциональной лабильности, представленных отдельными шкалами опросника. Чем больше баллов испытуемый набирает по шкалам, тем выше уровень выраженности соответствующих им качеств [10].

4. Методика изучения отношения к морально-нравственным категориям и нормам поведения. Методика оценивает отношение испытуемого к следующим категориям, представленным отдельными шкалами: труд, добро, правда, совесть, ответственность, достоинство, ценность другого человека как личности, а также оценивает общий уровень отношения к морально-нравственным нормам поведения. Чем больше баллов набирает испытуемый по шкалам методики, тем ниже его ориентированность на соблюдение моральных норм поведения [7].

5. Экспертная оценка черт характера испытуемых. Данная процедура проводилась только на выборке курсантов. В качестве экспертов выступали лица, хорошо знающие оцениваемых. Всего привлекалось 4 эксперта, каждый из которых оценивал качества подэкспертного в дихотомической шкале по принципу «есть

качество — нет качества». После этого для каждого подэкспертного подсчитывался общий результат оценок экспертов. Таким образом, качества подэкспертного могли быть оценены от 0 (если ни один эксперт не указал оцениваемое качество) до 4 баллов (если все четыре эксперта указали, что оцениваемое качество присуще подэкспертному). Оценивались следующие черты характера: самостоятельный — несамостоятельный, добрый — злой, лидер — ведомый, общительный — замкнутый, дисциплинированный — недисциплинированный, решительный — нерешительный, ответственный — безответственный, веселый — грустный, уравновешенный — неуравновешенный.

Процедура исследования включала в себя следующие этапы:

- 1) на первом этапе проводилась оценка устойчивости результатов теста Сонди во времени (между 1-м и 2-м предъявлением);
- 2) на втором этапе было проведено сопоставление различных стимульных материалов теста с целью оценки их эквивалентности;
- 3) на третьем этапе проводилось сопоставление показателей теста Сонди с данными других психодиагностических методик, использованных в исследовании, для прояснения лежащих в его основе психологических конструкторов;
- 4) наконец, на четвертом этапе проводилось сопоставление показателей теста Сонди с результатами экспертной оценки черт характера испытуемых.

Для сопоставления изучаемых переменных применялся корреляционный анализ.

Результаты исследования

Итак, на этом этапе исследования были изучены устойчивость результатов теста Сонди к повторному тестированию.

Эта процедура проводилась путем сопоставления результатов первого и второго тестирования (как отмечалось выше, всего было произведено 8–10 тестирований на каждом испытуемом, причем первый и второй тест проводились подряд друг за другом). Оценивались связи между типами факторных реакций (положительными, отрицательными, нулевыми и амбивалентными): предполагалось, что, если результаты по тесту устойчивы во времени, то факторные реакции от первого ко второму тестированию будут сохраняться. Эта процедура выполнялась с помощью коэффициента корреляции для дихотомических шкал. Были получены следующие коэффициенты:

- 1) фактор h: 0,56 (для положительного типа реакций); 0,53 (для отрицательного типа реакций); 0,50 (для

нулевого типа реакций); 0,32 (для амбивалентного типа реакций);

- 2) фактор s: 0,24; 0,48; 0,28; 0,47;
- 3) фактор e: 0,23; 0,36; 0,37; 0,29;
- 4) фактор hu: 0,56; 0,51; 0,33; 0,45;
- 5) фактор k: 0,25; 0,38; 0,05; 0,29;
- 6) фактор p: 0,49; 0,23; 0,29; 0,46;
- 7) фактор d: 0,25; 0,35; 0,19; 0,12;
- 8) фактор m: 0,38; 0,34; 0,32; 0,28.

Как видно из полученных результатов, устойчивость результатов тестирования от первого предъявления ко второму оказалась низкой (рекомендуемые значения составляют 0,70–0,90 [1, 2]). С учетом того, что между первым и вторым тестированием проходило очень мало времени, но за это время факторная картина теста менялась весьма существенно, можно сделать вывод о том, что результаты однократного выполнения теста должны рассматриваться только как срез текущего состояния испытуемого, на основании которого некорректно делать отдаленный прогноз его поведения. Очевидно, именно по этой причине Л. Сонди предложил полную, т.е. 8–10 кратную процедуру тестирования для получения результатов, отражающих более устойчивые черты личности испытуемого [11].

На втором этапе была проведена аналогичная процедура, но направленная не на оценку устойчивости к перетестированию, а на сопоставление различных стимульных материалов к тесту с точки зрения оценки их идентичности, эквивалентности. Это было обусловлено тем, что в настоящее время в нашей стране можно встретить несколько вариантов стимульных вариантов, прежде всего — так называемые оригинальные портреты и портреты Метода портретных выборов — адаптированного теста Сонди [9]. Как отмечает автор адаптированного теста, модификация портретов была проведена для того, чтобы приблизить стимульный материал к восприятию современного отечественного испытуемого. Однако некоторые пользователи подвергли этот стимульный материал критике, указывая на то, что он существенно отличается от оригинала. В связи с этим, для того, чтобы проверить, насколько эти стимульные материалы действительно соответствуют друг другу (являются эквивалентными), было проведено их сопоставление. Предполагалось, что если стимульные материалы идентичны, то факторные реакции будут сохраняться. Эта процедура также выполнялась с помощью коэффициента корреляции для дихотомических шкал (выборка исследования на данном этапе составила 60 испытуемых). В итоге были получены следующие результаты:

- 1) фактор h: 0,31 (для положительного типа реакций); –0,01 (для отрицательного типа реакций); 0,15 (для нулевого типа реакций); –0,13 (для амбивалентного типа реакций);

- 2) фактор s: 0,43; 0,32; -0,01; 0,02;
- 3) фактор e: -0,08; 0,23; 0,11; 0,16;
- 4) фактор hu: 0,09; 0,09; 0,22; 0,18;
- 5) фактор k: 0,18; 0,27; 0,12; 0,27;
- 6) факторр: 0,25; 0,22; 0,36; -0,08;
- 7) фактор d: -0,06; 0,11; 0,07; -0,03;
- 8) фактор m: 0,40; 0,22; 0,06; 0,29.

Как видно из полученных результатов, факторные реакции не сохраняются при повторном тестировании различными стимульными материалами, что не позволяет рассматривать их в качестве тождественных, эквивалентных друг другу форм. Вместе с тем, с учетом того, что связи между первым и повторным тестированием с помощью одного и того же стимульного материала также оказались невысокими, можно предположить, что полученные результаты были обусловлены не только различиями в стимульном материале, но и высокой динамикой изменения факторной картины по тесту.

На следующем этапе с помощью коэффициента линейной корреляции были изучены взаимосвязи между результатами теста Сонди и данными IST, EPI, ИТО и методикой изучения отношения к моральным нормам поведения на общей выборке испытуемых. Если рассматривать данную процедуру как изучение валидности по внешнему критерию, то рекомендуемые значения коэффициентов корреляции должны составлять от 0,35 до 0,55 [1]. Но по результатам проведенной процедуры были обнаружены только слабые и очень слабые связи.

Несколько иной получилась картина при изучении связей между количественными и пропорциональными показателями теста Сонди и результатами других методик, полученных на отдельных группах испытуемых. Рассмотрим эти связи более подробно.

Итак, на выборке курсантов экстраверсия по EPI обнаружила умеренную связь с КНТ ($r = 0,30$ при $p \leq 0,05$). Полученный результат представляется логичным, поскольку повышение уровня экстравертированности может сопровождаться импульсивностью, вспыльчивостью, избыточной, не всегда целенаправленной активностью [10], что, в целом, согласуется с психологической характеристикой КНТ.

Также были выявлены связи между сексуальным индексом и шкалами «добро» ($r = 0,35$ при $p \leq 0,01$), «совесть» ($r = 0,37$ при $p \leq 0,01$), «ответственность» ($r = 0,38$ при $p \leq 0,01$) и общей шкалой ($r = 0,32$ при $p \leq 0,05$) методики изучения отношения к морально-нравственным категориям и нормам поведения. Т.е. чем выше у курсантов степень выраженности мажорных реакций с присутствующими им проявлениями жесткости, агрессивности, тем

ниже их ориентированность на соблюдение моральных норм поведения.

На выборке сотрудников УИС спонтанность по ИТО обнаружила умеренную связь с ПСР ($r = 0,30$ при $p \leq 0,05$). В литературе приводятся данные, согласно которым повышение ПСР ведет к несдержанности, импульсивности, доминированию эмоций над рассудком, причем схожим образом интерпретируется и увеличение индекса КНТ [8]. В свою очередь, спонтанность как свойство личности выявляет непосредственность, стремление к самоутверждению, что, в целом, согласуется с динамическим смыслом процента симптоматических реакций. Наряду с этим, в данном исследовании между индексами КНТ и ПСР была установлена обратная связь ($r = -0,35$ при $p \leq 0,01$). Таким образом, в отношении ПСР были получены неоднозначные данные.

Также на выборке сотрудников эмоциональная лабильность по ИТО обнаружила умеренную отрицательную связь с социальным индексом ($r = -0,40$ при $p \leq 0,01$). Лабильность выявляет неустойчивость и изменчивость эмоций, черты демонстративности, что, очевидно, не согласуется с моделью социального поведения, предписываемой сотрудникам УИС. Т.е. чем выше у сотрудника ориентация на соблюдение социальных норм поведения, тем в меньшей степени в его поведении проявляются черты демонстративности и эмоциональной неустойчивости.

На выборке осужденных сексуальный индекс обнаружил обратную связь со шкалой искренности EPI ($r = -0,35$ при $p \leq 0,05$). Т.е., очевидно, чем более жесткими и агрессивными являются испытуемые, тем меньше у них выражена необходимость производить о себе положительное впечатление по результатам работы с самоотчетом.

Также на выборке осужденных были выявлены обратные связи между КНТ и шкалами отношения к труду ($r = -0,38$ при $p \leq 0,01$), к правде ($r = -0,30$ при $p \leq 0,05$) и общей шкалой ($r = -0,38$ при $p \leq 0,01$) методики изучения отношения к моральным нормам поведения. Т.е. чем более импульсивны и несдержанны испытуемые, тем более позитивное отношение они высказывают по отношению к моральным нормам поведения. С одной стороны, такая связь представляется противоречивой и, возможно, случайной. С другой стороны, это может быть связано с демонстративным стремлением осужденных подчеркнуть свою высокую моральную нормативность, что может наблюдаться у некоторых личностей психопатического склада [4].

Наконец, результаты тестов IST, EPI, ИТО и методики изучения отношения к моральным нормам поведения были сопоставлены с факторными реакциями теста Сон-

ди, полученными при первом тестировании. По результатам проведенной процедуры были получены только слабые связи.

На завершающем этапе были изучены взаимосвязи между результатами изучения классов опасностей по тесту Сонди и экспертной оценкой черт характера испытуемых. Здесь были получены следующие результаты.

Класс садизма (Ss) с присущей ему потребностью в мужественности выявил связь с ответственностью ($r = 0,34$ при $p \leq 0,01$). В целом, полученная связь согласуется с психологической характеристикой этого класса, поскольку для его представителей характерны, с одной стороны, энергичность, самостоятельность, воинственность и, с другой стороны — способность быть великодушным, приносить себя в жертву.

Класс «Каина» (Pe-) с присущим ему стремлением к накопчиванию аффектов ненависти, мстительности, ревности, завистливости, обнаружил положительную связь с замкнутостью ($r = 0,30$ при $p \leq 0,05$). Эта связь также представляется непротиворечивой, поскольку «каинитам», как уже отмечено, свойственны антигуманные тенденции.

Класс Phy- обнаружил положительную связь с дисциплинированностью ($r = 0,35$ при $p \leq 0,01$). Эта связь вызывает сомнения, поскольку для представителей данного класса свойственно стремление выставлять себя на всеобщее обозрение, оказывать впечатление на окружающих, предаваться эксгибиционизму; если же эти потребности не удовлетворяются, то зачастую это может вести к продуцированию истерических приступов. Такая поведенческая картина плохо согласуется с дисциплинированностью.

Класс Schk- выявил связь с общительностью ($r = 0,32$ при $p \leq 0,05$). Эта связь также является противоречивой, поскольку, согласно руководству к тесту, представители этого класса характеризуются как эгоцентричные, сдержанные, холодные, замкнутые аутисты.

Класс St- выявил связь с несамостоятельностью ($r = 0,48$ при $p \leq 0,01$). Эта связь слабо поддается однозначной интерпретации, поскольку данный класс — это класс вечного одиночества, отчужденности, постоянно неудовлетворенной потребности в привязанности. Возможно, в широком смысле несамостоятельность может быть связана, в том числе, и с неспособностью устанавливать контакты с окружающими. Но такое предположение носит лишь гипотетический характер и не позволяет делать однозначных выводов.

Наконец, между КНТ, ПСР, социальным и сексуальным индексом и чертами характера испытуемых взаимосвязей выявлено не было.

Таким образом, в целом результаты сопоставления данных теста Сонди с другими тестами, которые гипотетически могли бы измерять схожие свойства и качества личности, оказались неполными, фрагментарными либо противоречивыми.

С другой стороны, ранее в ряде исследований нами были получены данные, согласно которым отдельные реакции по тесту Сонди обнаруживают эмпирически подтвержденную пригодность для диагностики различных психических состояний и поведенческих реакций. Так, факторные реакции типа $-!k...-!!!k$ и $-!m...-!!!m$ обнаружили положительные связи с суицидальной попыткой в анамнезе испытуемого, совершенной накануне исследования ($r = 0,39$ при $p \leq 0,01$ и $r = 0,33$ при $p \leq 0,01$ соответственно). Обратные связи с суицидом обнаружили реакции типа $-e$ ($r = -0,33$ при $p \leq 0,01$) и $+!m...+!!!m$ ($r = -0,33$ при $p \leq 0,01$, но только в том случае, если они не сопровождаются реакциями типа $-!k...-!!!k$). Реакции типа $+d$, $-m$ и $+d-m$ обнаружили положительные связи с состоянием депрессии, измеренной при помощи ряда клинических шкал (от $r = 0,30$ при $p \leq 0,05$ до $r = 0,40$ при $p \leq 0,01$), в то время как реакции типа $+!m...+!!!m$ обратно коррелируют с депрессией ($r = -0,39$ при $p \leq 0,01$) [6]. Социальный индекс выявил связь с отсутствием криминального опыта на выборке, состоящей из правопослушных граждан и осужденных ($r = 0,32$ при $p \leq 0,01$). То есть чем выше показатели социального индекса, тем ниже вероятность криминального поведения [3]. Эти результаты говорят о том, что тест Сонди может быть пригоден для решения узких, конкретных психодиагностических задач, причем эта пригодность должна устанавливаться для каждого конкретного случая отдельно.

Выводы

Таким образом, по результатам изучения отдельных психометрических характеристик теста Сонди могут быть сделаны следующие выводы.

1. Факторная картина теста, получаемая при однократном тестировании, является неустойчивой во времени. В связи с этим, однократное проведение теста позволяет делать выводы только о текущем, актуальном состоянии испытуемого, на основании которого некорректно давать отдаленный прогноз его поведения.
2. Различные стимульные материалы теста слабо коррелируют друг с другом, что не позволяет рассматривать их в качестве эквивалентных, взаимозаменяемых форм.
3. Корреляции между тестом и данными других методов (самоотчета и экспертной оценки), которые, предположительно, могли бы измерять схожие личностные конструкты и переменные, носят слабый, фрагментар-

ный либо противоречивый характер. Это говорит о том, что вопрос об индивидуально-психологических качествах, изучаемых при помощи теста Сонди, остается открытым.

4. Вероятно, тест не претендует на глобальную оценку личности. Скорее, он в большей степени эффективен для решения более узких, конкретных задач, для каждой из которых валидность теста должна изучаться отдельно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батурин Н. А., Мельникова Н. Н. Технология разработки психодиагностических методик. — Челябинск: ЮУрГУ, 2012. — 135 с.
2. Бурлачук Л. Ф., Морозов С. М. Словарь-справочник по психодиагностике. — СПб.: Питер, 2002. — 528 с.
3. Головина А. А., Распопин Е. В. Проективная диагностика социальной патологии (на примере криминального поведения) // Личность в норме и патологии: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 20–21 апреля 2017 г., Челябинск / под ред. М. В. Овчинникова. — Челябинск: Печатный двор, 2017. — С. 183–184.
4. Кил Кент А. Психопаты. Достоверный рассказ о людях без жалости, без совести, без раскаяния. — М.: Центрполиграф, 2015. — 319 с.
5. Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии: учебное пособие / Под общей ред. А. А. Крылова, С. А. Маничева. — СПб.: Питер, 2000. — 560 с.
6. Распопин Е. В. Психологическая диагностика депрессии и суицидального риска с помощью тестов Люшера и Сонди // Психологическая диагностика. — 2012. — № 2. — С. 80–87.
7. Распопин Е. В., Ермош В. О. Методика изучения отношения к морально-нравственным категориям и нормам поведения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2017. — № 4 (76). — С. 222–229.
8. Смирнов А. В. Екатеринбургские лекции по экспериментальной диагностике побуждений Леопольда Зонди: учебное пособие. — Екатеринбург: Университет, 2005. — 256 с.
9. Собчик Л. Н. Метод портретных выборов — адаптированный тест Сонди. Практическое руководство. — СПб.: Речь, 2007. — 123 с.
10. Собчик Л. Н. Психодиагностика в медицине. — М.: Компания БОРГЕС, 2007. — 416 с.
11. Сонди Л. Учебник экспериментальной диагностики влечений: Глубинно-психологическая диагностика и ее применение в психопатологии, психосемантике, судебной психиатрии, криминологии, психофармакотерапии, профессиональном, семейном и подростковом консультировании, характерологии и этнологии. — М.: Когито-Центр, 2005. — 557 с.
12. Тест структуры интеллекта Амтхауэра: Учебно-методическое пособие / Сост. Ж. А. Балакшина, Т. В. Прохоренко. — СПб.: Речь, 2002. — 46 с.

© Распопин Евгений Владимирович (ev73@mail.ru). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Уральский юридический институт МВД России

ОТ «ПОТЕЦИАЛЬНОГО» К «АКТУАЛЬНОМУ» В КОНСТРУИРОВАНИИ ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКОГО МЕТОДА «ОПРОСНИК ФОКУС РЕФЛЕКСИИ»

Сизикова Татьяна Эдуардовна

*К.псих.н., доцент, Новосибирский государственный педагогический университет
tat@ccru.ru*

FROM «POTENTIAL» TO «ACTUAL» IN THE CONSTRUCTION OF PSYCHODIAGNOSTIC METHOD «QUESTIONNAIRE FOCUS REFLECTION»

T. Sizikova

Summary. Psychodiagnostic method «Questionnaire focus reflection» is developed on the basis of modal — differential approach to the study of reflection. The theoretical model is a meta-model of reflection, consisting of five models: ontological, gnoseological, static, dynamic and focus of reflection, reflecting reflection as the highest stage of the spiritual layer (layered structure of critical ontology N. Hartmann), working ontology which is the unity of consciousness, thinking, activity, personality. Quality side meta-model that allows to consider reflection are holistic modalities of reflection: necessary, possible, real, multidimensional, aware enough, of temporality, of transidentity and their opposites. The content side is the direction of reflection on fragmentation, normativity, consistency, integrity, reflection of reflection, «I», «Other», creativity, deductive method, inductive method, progressive, regressive and the mechanism of reflection activity — the mechanism of «reflection — motive — will». Reflection is diagnosed with two focuses: the focus of modality and the focus of reflection and its activity. The design of the questionnaire was carried out from the correspondence of the tasks to the four reflection models to the restructuring and development of the fifth model in the meta-model — the focus of reflection.

Keywords: reflection, questionnaire the focus of reflection, the direction of reflection, the modality of the reflection, the meta — model of reflection, a modal — algebraic approach.

Аннотация. Психодиагностический метод «Опросник фокус рефлексии» разработан на основе модально — дифференциального подхода к исследованию рефлексии. Теоретической моделью является мета — модель рефлексии, состоящая из пяти моделей: онтологической, гносеологической, статической, динамической и фокуса рефлексии, отражающая рефлексиию как высшую ступень душевного слоя (слоистое строение критической онтологии Н. Гартмана), рабочей онтологией которой является единство сознания, мышления, деятельности, личности. Качественной стороной мета-модели, позволяющей рассматривать рефлексиию целостно являются модальности рефлексии: необходимого, возможного, реального, многомерно-го, сознаваемого, достаточного, темпоральности, трансгидиентности и их противоположностей. Содержательной стороной являются направленности рефлексии на фрагментарность, нормативность, системность, целостность, рефлексиию (рефлексия рефлексии), «Я», «Другой», творчество, дедуктивный способ, индуктивный способ, прогрессивность, регрессивность и механизм активности рефлексии — механизм «рефлексия — мотив — воля». Рефлексиия диагностируется с двух фокусов: фокуса модальностей и фокуса направленностей рефлексии и ее активности. Конструирование опросника осуществлялось от соответствия заданий четырем моделям рефлексии к переструктурированию и разработке пятой модели в мета-модели — фокус рефлексии.

Ключевые слова: рефлексия, опросник фокус рефлексии, направленность рефлексии, модальность рефлексии, мета-модель рефлексии, модально — дифференциальный подход.

В постнеклассический период развития психологии особое место занимает рефлексия в связи с культивированием представления о человеке как саморазвивающейся многомерной системе. Психодиагностические методы рефлексии востребованы и к разработке данных методов необходимо подходить не с позиции атрибутивных подходов, а с принципов постнеклассической парадигмы в силу того, что, то, что развивает действие, мышление, личность, сознание, является саморазвивающимся. Только на новых принципах стало возможным увидеть рефлексиию как самостоятельное, не слитое с предметностью образование, распределенное по всей психике и являющееся способом самоорганизации жизнедеятельности человека, способом

осуществления выбора исходя из реальности — не реальности многомерного — не многомерного возможного и невозможного на основе необходимости или не необходимости с помощью сознаваемого — не сознаваемого для достаточного — недостаточного в синхронизации (темпоральности — не темпоральности) разных временных срезов, процессов, создающих условия для трансгидиентности — не трансгидиентности. Суть рефлексии в модальности, и суть ее в направленности, их взаимопроникновение, осуществляемое в сознании, мышлении, деятельности, личности — есть способ саморегулирования, самоорганизации, саморазвития человека. В более ранних своих работах мы выделяли двойственную суть рефлексии — рефлексия есть процесс

и есть механизм. По мере углубления в предмет рефлексии мы обнаружили двойственную суть рефлексии как модальность, и как направленность в единстве. На основе данного представления осуществлялся процесс конструирования опросника. Пятая модель в мета-модели рефлексии появилась благодаря этому процессу, она проявилась результат работы над методом диагностики. С позиции исследователя это есть развитие предмета исследования в процессе его исследования.

Цель статьи — раскрыть особенности конструирования «Опросника фокус рефлексии» в рамках постнеклассической парадигмы.

Методология нового подхода к конструированию опросника

В постнеклассический период претерпели изменение два основных научных принципа неклассического периода: принцип развития и принцип системности. Принцип развития позволил в конструировании опросника идти не от эмпирического случая, а от нормы, которой на первом этапе для нас являлось потенциальное состояние рефлексии, отраженное в четырех моделях рефлексии, входящих в мета-модель рефлексии, а на втором этапе — модель фокуса рефлексии. Под нормой понимался не уровень и не степень выраженности, а объем потенциально — актуального состояния рефлексии — распознавание человеком в своей рефлексии средств, механизмов, видов, элементарных единиц и только на втором этапе кристаллизовано предстала общественная норма позитивности, конструктивности рефлексии. Другой особенностью нормирования являлось не предъявление нормы, а распознавание ее испытуемым благодаря рефлексии своей рефлексии в ходе выполнения заданий, выделяющих рефлексии, ее разные эмпирические проявления. Задания опросника приобретают развивающую функцию как в ширь (объем) рефлексии, так и в глубину (позитивность рефлексии). Принцип системности, позволяющий выстраивать каузальные связи между элементами, объединенными системообразующим признаком, в постнеклассическое время включил в себя целое. Система рассматривается как целое, а целое как система. Представление о рефлексии как целом — есть модальности, раскрытие как системы — ее модели в мета-модели и, направленности рефлексии в модели фокуса рефлексии, объединенные системообразующим признаком — выбор, осуществление рефлексией выбора, на который работают необходимые виды, средства, механизмы, элементарные единицы рефлексии в ее направленностях. Новое понимание данного принципа позволило по — иному увидеть рефлексии и разработать теорию, в которой рефлексия рассматривается, с одной стороны, как целое — модальная психология рефлексии, с другой, как система — дифференцированная суть реф-

лексии — пять ее моделей. Исходя из этого, нами был разработан психодиагностический метод «Опросник фокус рефлексии», имеющий один стимульный материал и два результата: один результат о степени развитости направленности рефлексии и ее механизма активности «рефлексия — мотив — воля», другой о степени развитости той или иной модальности рефлексии, позволяющий осуществлять прогнозирование. Одно задание опросника соответствует как направленности рефлексии, так и ее модальности. Данный подход мы обозначили как модально — дифференциальный.

Теоретическая модель «Опросника фокус рефлексии»

Конструирование «Опросника фокус рефлексии» осуществлялось на основе разработанной мета — модели рефлексии в онтологии единства сознания, мышления, личность, деятельность, входящей в качестве рабочей онтологии во всеобъемлющую критическую онтологию Н. Гартмана. Рефлексия автором статьи рассматривается как высшая ступень душевного слоя в которую проникает культурно — исторический слой [1]. На основе высокой степени изученности рефлексии в мышлении, сознании и деятельности [2, 3, 4, 5] нами было проведено обобщение научных исследований, системный и структурно-функциональный анализ исследований рефлексии, позволивший разработать мета-модель рефлексии [6, 7], которая охватывает, с одной стороны, онтологическую и гносеологическую сущность рефлексии, с другой ее статическое и динамическое содержание. Онтологическая модель рефлексии представлена в виде средств, видов и форм рефлексии. Гносеологическая модель рефлексии описывает бытие рефлексии в деятельности, мышлении, сознании в качестве механизма и процесса. Онтологическая и гносеологическая модели описывают рефлексии в связи с предметными областями. Статическая модель рефлексии представляет собой: сознательное — неосознаваемое, согласование — рассогласование, синхронизация — асинхронизация. Динамическая модель рефлексии описывает ее механизмы, которые мы сгруппировали в три группы: одна группа (одна грань в модели) — механизмы самоотношения, социально — личностные, коммуникативные, интеллектуальные, эмоционально — волевые, экзистенциальные; вторая группа — установочные механизмы, и третья — механизмы переживания времени. Эти модели отражают рефлексии в «чистом» виде, без предметных областей.

Пятая модель — фокус рефлексии [8] представляет собой направленности рефлексии и ее активность в актуальный момент времени как точка пересечения четырех моделей, характеризующих потенциальное состояние рефлексии.

Рефлексия имеет следующие направленности: направленность личности на себя и на «другого», направленность субъекта на развитие (прогрессивная) или «застывание» (регрессивная), направленность на творчество, инновацию, направленность на способ переработки информации — индуктивный и дедуктивный с линейными и не линейными связями, направленность на основные виды работы с информацией в рефлексии — фрагментарный, нормативный, системный, целостный и направленность на себя — рефлексия рефлексии, саморазвитие рефлексии. Эти направленности являются детерминантами отбора рефлексивного содержания в актуальный момент времени. Выбор осуществляется благодаря работе механизма активности рефлексии «рефлексия — мотив — воля».

Процесс конструирования «Опросника фокус рефлексии»

Первый этап конструирования «Опросника фокус рефлексии». На основе сформулированных выше представлений о четырех моделях в мета — модели рефлексии (ее потенциальное состояние) была осуществлена разработка опросника 420 вопросов. Было выделено четыре диагностируемых проявления рефлексии: рефлексия в сознании, в мышлении, деятельности, личности. В каждом из них 35 одинаковых параметров, описывающих виды, механизмы, средства и базовые единицы рефлексии: фрагментарная рефлексия (описывает содержание затруднений в деятельности, задаче, образе, выделяя различные фрагменты); комплексная рефлексия (описывает базовые понятия: норма, самооценка, оценка, представления о самооценке другого); системная рефлексия (опирается на правила, отношения, понятия, каузальные связи); целостная рефлексия (охватывает ценности, смысл, категории, ритм, цикл, закономерности); экзистенциальная рефлексия (философское, духовное осмысление); методологическая рефлексия — выделяет схемы, методы построения знания; интеллектуальная рефлексия — выделяет логические связи в знании; личностная рефлексия — черты характера, отношения, оценка и самооценка; коммуникативная рефлексия (средства, виды и формы взаимодействия); продуктивная рефлексия (о настоящем); интроспективная (о будущем); репродуктивная рефлексия (о прошлом); покомпонентная рефлексия; группирующая рефлексия; интегрирующая рефлексия; корректирующая рефлексия; избирательная рефлексия; дополняющая рефлексия; кооперативная рефлексия; составительная рефлексия; противодействующая рефлексия; эвристические средства рефлексии; эмоционально — волевые средства рефлексии; социально — психологические средства рефлексии; логические средства рефлексии; единица рефлексии: отождествление — разотождествление; единица рефлексии: разрыв — ресурс; механизм

рефлексии: осознаваемое — неосознаваемое; механизм рефлексии: согласование — рассогласование; механизм рефлексии: достаточное — недостаточное; механизм рефлексии: необходимое — не необходимое; установочный механизм рефлексии; эмоционально — волевой механизм рефлексии; коммуникативный механизм рефлексии; экзистенциальный механизм рефлексии и общие показатели рефлексии в сознании, мышлении, деятельности, личности.

Пилотажное исследование проводилось на выборке 231 человек от 21 до 46 лет. Особенностью В статистической обработке результатов, наш подход соответствовал принятым правилам психометрической работы над заданиями метода. Анализ проводился не каждого задания, а каждого параметра, состоящего из 12 заданий. Именно это обстоятельство в дальнейшем приведет к разработке «сквозной» структуры в опроснике, приведшей к моделированию пятой модели рефлексии.

Большинство диагностируемых параметров дали результаты, входящие в пределы критических значений асимметрии и эксцесса ($A_s = 0,478$ и $E = 1,56$). Показатель «индекса трудности» приблизительно 0,5 выявлен у вопросов по видам рефлексии — «фрагментарной», «репродуктивной», «интегрирующей», «корректирующей», «составительной», «противодействующей»; у вопросов о единицах рефлексии «разрыв — ресурс»; по вопросам о механизмах рефлексии — «осознаваемое — неосознаваемое», «согласование — рассогласование» и экзистенциальном, а также по общему разделу вопросов, выявляющих рефлексии, относящуюся к категории личность.

Коэффициент надежности Спирмена-Брауна связан со средней корреляцией между заданиями и количеством заданий. Для нашего опросника коэффициент надежности r равен 0,99. Значение показателя надежности, вычисленное по «формуле альфа» Кронбаха равно 0,87.

Дополнительно для подтверждения однородности опросника, его надежности мы провели факторный анализ. В анализ был заложен один фактор. По нему мы получили следующие результаты: все параметры, кроме двух составляют один фактор, однородны и измеряют то, на что направлены в эмпирической реальности. Параметры «эвристические средства» (факторная нагрузка 0,683) рефлексии и «личностная рефлексия» (факторная нагрузка 0,655) дали не значимую нагрузку в факторе. У других параметров высокая нагрузка на уровне значимости $>0,70$. С помощью корреляционного анализа выявлено, что данные параметры имеют малое количество сильных корреляционных связей с другими параметрами. Параметр «личностная рефлексия» имеет сильную связь только с двумя параметрами: параметром «целостной рефлексии» ($r = 0,732$) и «общим результа-

том» ($r=0.810$) рефлексии в личности. Параметр «эвристические средства» рефлексии имеет сильную связь с параметрами: единицей рефлексии «разрыв — ресурс» ($r=0.723$), механизмом рефлексии «сознаваемое — не осознаваемое» ($r=0.751$), а также с «общим результатом» ($r=0.714$) рефлексии в деятельности. Наличие данных связей в полной мере отражает теоретические представления о рефлексии, подтвержденные практикой решения творческих задач.

Максимальное значение коэффициента корреляции выявлено между всеми итоговыми показателями опросника — рефлексии в «сознании» — «мышлении» ($r=0.886$), «сознание» — «деятельность» ($r=0.907$), «сознание» — «личность» ($r=0.900$), «мышление» — «деятельность» ($r=0.864$), «мышление» — «личность» ($r=0.870$), «личность» — «деятельность» ($r=0.880$), и каждым из них с общим результатом опросника — «сознание» ($r=0.960$), «деятельность» ($r=0.960$), «мышление» ($r=0.930$), «личность» ($r=0.900$).

В целом, большинство (64%) коэффициентов корреляции относится к среднему уровню силы связи между парными параметрами на уровне $p < 0.05$, r от $+0.30$ до $+0.699$ и вполне достаточно отражают эмпирические эквиваленты данных параметров. Сильная связь между парными параметрами на уровне $p < 0.05$ r от $+0.70$ до $+0.99$ выявлена у 33% показателей. Обратных корреляционных связей между параметрами нет. Полученные статистические данные подтвердили достоверность опросника, однородность и согласованность между собой всех выделяемых параметров. Формально эти данные позволяли сократить опросник до 1/3 части от 420 вопросов. Рассматривая каждый параметр, мы пришли к выводу, что формальным статистическим отбором вопросов мы упустим важные показатели для исследования рефлексии.

Второй этап конструирования опросника — выделение двух путей сокращения опросника.

Мы определились в основной исследовательской позиции для сокращения — сохранение многомерности рефлексии. Были определены два пути формирования, по сути своей, совершенно нового опросника: первый путь — сохранение или замена имеющегося параметра, с корректировкой его содержания, и второй путь — выделение нового параметра, из единых содержательных основ других параметров на основе анализа корреляционных плеяд.

Первый путь — мы убрали «методологическую рефлексию» и заменили на «рефлексию рефлексии», параметры «продуктивная» и «корректирующая» рефлексия были изменены на параметр «прогрессивной»

рефлексии, а параметр «эвристические средства» вошли в параметр «творчество» в рефлексии. Параметры, давшие большое количество сильных связей, такие как «системная», «целостная», «интеллектуальная», «коммуникативная», «интегрирующая», «дополняющая», «эмоционально — волевые средства» рефлексии, «социально — психологические средства» рефлексии, «логические средства» рефлексии, единица рефлексии «разрыв — ресурс», механизм рефлексии «согласование — рассогласование», «эмоционально — волевой механизм» рефлексии, «экзистенциальный механизм» в сокращенный вариант опросника вошли как «направленность рефлексии на системность», «направленность рефлексии на целостность», в которых все перечисленные средства и механизмы рефлексии. Параметры «эмоционально-волевой механизм» рефлексии и «эмоционально — волевые средства» рефлексии вошли в параметр «рефлексия — мотив — воля».

Параметры, давшие среднее количество сильных корреляционных связей, такие как «экзистенциальная рефлексия», «интроспективная», «репродуктивная», «покомпонентная», «группирующая», «избирательная», «кооперативная», «состязательная», «противодействующая», единица рефлексии «отождествление — разотождествление», механизм рефлексии «осознаваемое — неосознаваемое», механизм рефлексии «достаточное — недостаточное», механизм рефлексии «необходимое — не необходимое», «установочный механизм» рефлексии, были распределены в сокращенном варианте опросника в другие параметры — «направленность рефлексии на нормативность» и «регрессивная направленность рефлексии». Параметры, диагностирующие механизмы рефлексии были распределены по всем параметрам направленностей рефлексии и механизма активности «рефлексия — мотив — воля».

Второй путь — анализ корреляционных плеяд. Параметры с сильной корреляционной связью были объединены с параметрами со средними корреляционными связями. Например, в опроснике 420 вопросов параметр «методологическая рефлексия» имеет сильную корреляционную связь с тремя параметрами «корректирующая рефлексия» ($r=0.748$), «единица рефлексии: разрыв — ресурс» ($r=0.724$) и «механизм рефлексии осознаваемое — неосознаваемое» ($r=0.824$), и каждый из этих параметров имеет сильные связи уже с большим количеством параметров, так, параметр «единица рефлексии: разрыв — ресурс» имеет сильные корреляционные связи с 19 параметрами из 35, а параметр «механизм рефлексии осознаваемое — неосознаваемое» с 8 параметрами, и параметр «корректирующая рефлексия» с 3 параметрами. Из 19 параметров, связанных с параметром «единица рефлексии: разрыв — ресурс» мы выделили наличие двух — «эмоционально — волевые

средства рефлексии» ($r=0.743$) и «эмоционально — волевой механизм рефлексии» ($r=0.722$) с которыми связан параметр «комплексная рефлексия», так же выделили слабую связь «эмоционально — волевой механизм рефлексии» с параметром «механизм рефлексии осознаваемое — неосознаваемое» ($r=0.439$). На основе данных связей два вида рефлексии были редуцированы к нормативному виду рефлексии. Комплексная рефлексия исходя из понятия комплектование предполагает наличие и применение определенных правил соединения, конструирования между собой комплектов, фрагментов, частей. Методологическая рефлексия при решении определенных задач приобретает нормативный характер. Имея объединяющее начало двух видов рефлексии, мы придаем ему самостоятельный статус — нормативная рефлексия, выделяющая любого вида в любой области знания, практики, опыта нормы и правила знания, действия, мыследействия, построения образа, отношения к себе и другим, а также общественные, этические, нравственные нормы и правила, вырабатываемые и присваиваемые субъектом. Вопросы всех указанных параметров сокращались логическим путем и при необходимости проходили переформулирование.

Параметр «фрагментарная рефлексия» был оставлен для сокращенного варианта опросника, но на основе «плеяды» всех сильных и средних связей с 22 параметрами, было произведено необходимое сокращение и переформулирование, оставленных на основе анализа, вопросов. Подход к анализу был сформулирован кратко: синтезировать вопросы всех 23 параметров таким образом, чтобы наиболее существенное и необходимое для данного параметра, могущее вместить в себя содержательные связи с другими параметрами не исчезло, а было сохранено.

Третий этап конструирования опросника — выделение новой, пятой модели рефлексии.

Анализ проводимого сокращения привел к выделению новой модели рефлексии. Новая модель выделилась как «сквозная структура» всех 40 параметров (из них 5 общих) опросника 420 вопросов. В сокращенном варианте опросника появились новые параметры: механизм «рефлексия — мотив — воля», «рефлексия рефлексии», «прогрессивная направленность рефлексии», «регрессивная направленность рефлексии», «направленность в рефлексии на «Я», «направленность в рефлексии на Другого», «направленность рефлексии на творчество», «направленность на индуктивный способ», «направленность на дедуктивный способ», «направленность рефлексии на системность», «направленность рефлексии на фрагментарность», «направленность рефлексии на нормативность», «направленность рефлексии на целостность».

Новая модель сокращенного опросника включает в себя несколько мер из многомерности рефлексии, достаточные для редуцированного «отражения» объекта, сохранения его онтологического, гносеологического, статического, динамического содержания: форма, направленность, продуктивность, активность, способы построения содержания рефлексии, саморазвитие, качество.

Форма представлена такими видами направленности рефлексии как фрагментарная, нормативная, системная, целостная. Например, параметр «целостная рефлексия» в опроснике 420 вопросов дал сильные корреляционные связи с 15 параметрами, среди которых «системная рефлексия» ($r=0.720$), «интеллектуальная рефлексия» ($r=0.723$), «эмоционально — волевые средства рефлексии» ($r=0.724$), которые в свою очередь имеют сильные корреляционные связи с параметром «экзистенциальная рефлексия», имеющим сильные корреляционные связи с 10 параметрами, из которых параметр «механизм рефлексии согласование — несогласование» имеет сильные корреляционные связи с 16 параметрами. Вопросы, разработанные для целостной рефлексии на основе вопросов из опросника 420 вопросов, синтезировали в себе данные связи и были выделены базовые характеристики целостной рефлексии — выделение в рефлексивном содержании смысла, всеобщих законов, расширение рамок осознания до того, чтобы в самом малом видеть большое. Целостное означает трансцендентальное осознание происходящего в любом временном направлении. Таким образом, новые параметры сокращенного варианта опросника «направленность рефлексии на фрагментарность» и «направленность рефлексии на системность» противоположны друг другу, что позволило в ключе обработки данных противопоставлять их, а «направленность рефлексии на нормативность» и «направленность рефлексии на целостность» — не зависимые параметры.

Направленность (психо-социальная на «Я» и на «Я и Другой», «Другой»), этот показатель в опроснике 420 вопросов являлся сквозным и больше был представлен в таких параметрах как «рефлексия в личности» и «рефлексия в деятельности». Сквозной характер параметра позволил выделять его в разных вопросах, относящихся к разным шкалам.

Продуктивность (прогрессивная и регрессивная направленности рефлексии), сквозная характеристика в опроснике 420 вопросов, более ярко выраженная в тех параметрах, в которых представлены средства, механизмы рефлексии и ее временная направленность. Параметры «прогрессивная» и «регрессивная» рефлексия представлены в вопросах, относящихся к разным пара-

метрам опросника 420 вопросов, что позволило их выделить в отдельные параметры.

Активность (динамическая характеристика активности «рефлексия — мотив — воля»), в этот параметр на основе синтеза вошли все параметры из опросника 420 вопросов, в которых выражена связь рефлексии с мотивом и волей и особенно «эмоционально — волевой механизм рефлексии», имеющий сильную корреляционную связь с 17-ю параметрами.

Способы построения содержания рефлексии (индуктивный и дедуктивный способы), сквозной параметр для опросника 420 вопросов, наиболее представленный в параметрах «рефлексия в мышлении» и «интеллектуальная рефлексия», «логические средства рефлексии».

Саморазвитие (рефлексия рефлексии) является новым параметром в сокращенном варианте опросника и его составили новые 4 вопроса, с опорой на параметр «методологическая рефлексия».

Качество (творчество в рефлексии), позволяющий кристаллизовано выделить основную суть при продуктивной направленности рефлексии — порождение нового содержания, представленный в опроснике 420 вопросов в таких параметрах как «эвристические средства рефлексии», имеющий мало корреляционных связей с другими параметрами, но в корреляционной плеяде связанных с параметром «единица рефлексии «разрыв — ресурс», имеющим сильные корреляционные связи с 19 параметрами и параметром «механизм рефлексии создаваемое — неосознаваемое», связанный с 8 — ю параметрами, а так же с параметром «рефлексия в мышлении».

В сокращенный вариант опросника мы ввели шкалу лжи. Формировалась она двумя способами: вопросы на которые известен правильный ответ и вопросы, ответы на которых совпадают или не совпадают между собой.

Таким образом был сформирован опросник, включающий 124 задания. Данный опросник прошел статистическую проверку и показал соответствие требуемым параметрическим параметрам. Объем выборки 807 человек (первая группа объемом 478 чел. (188 муж., 290 жен.) от 18 до 21 года, показавшая, что рефлексия выполняет свою искажающую функцию, вторая выборка объемом 329 чел. (73 муж., 256 жен.) от 22 до 81 года, дала адекватную рефлексии рефлексии (самоотчет по рефлексии — это рефлексия рефлексии, это является особенностью методик по рефлексии).

Сокращенный вариант опросника привел к пониманию его структуры и разработке новой модели в мета-модели рефлексии, в которой рефлексия отражена в актуальный момент времени — точка пересечения всех четырех моделей рефлексии. Эта точка есть фокус рефлексии, состоящий из ее направленностей и механизма активности «рефлексия — мотив — воля». Модальный анализ заданий опросника позволил выделить все модальности рефлексии: необходимого, возможного, реального, многомерного, осознаваемого, достаточного, темпоральности, трансграницности и их противоположностей. Каждое задание опросника относилось к какой — либо одной или нескольким модальностям. Модальность раскрывает рефлексии в целостности, а направленности вместе с механизмом активности «рефлексия — мотив — воля» дифференцированно. Исходя из этих двух фокусов рассмотрения и диагностики рефлексии сложился модально — дифференциальный подход к конструированию опросника и моделированию рефлексии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гартман Н. Старая и новая онтология // Историко-философский ежегодник. 1988. М., «Наука», — 1988. — С. 320–324
2. Карпов А. В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал. — 2003. — Т. 24. — № 5. — С. 45–57.
3. Леонтьев Д. А. Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному // Вопросы психологии. М.: Педагогика. — 2011, — № 1. — С. 3–27.
4. Россохин А. В. Рефлексия и внутренний диалог в измененных состояниях сознания: инерсознание в психоанализе. М.: Когито-Центр, 2010. — 431 с.
5. Семенов И. Н. Психология рефлексии в организации творческого процесса мышления. Автореф. дис. . . доктора психол. наук. М., 1992. — 51с.
6. Сизикова Т. Э. Рефлексивное психологическое консультирование. Ч. 1. Психологическая сущность рефлексии. Н-ск: НГПУ, 2016. — 203 с.
7. Сизикова Т. Э. Элементарные единицы рефлексивного психологического консультирования // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. — 2017. — N2. — С. 81–86.
8. Сизикова Т. Э. Рефлексивное психологическое консультирование. Ч. 3. Методы рефлексивного психологического консультирования. Н-ск: НГПУ, 2018. — 401с.

© Сизикова Татьяна Эдуардовна (tat@ccru.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ МОТИВАЦИИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

PSYCHOLOGICAL CONDITIONS OF FORMATION OF MOTIVATION OF PEDAGOGICAL ACTIVITY OF STUDENTS IN THE PROCESS OF STUDYING AT HIGH SCHOOL

A. Tlemisova

Summary. Theoretical analysis of scientific literature on the research problem showed that in psychological science there are different points of view, approaches to the formation of the motivations of pedagogical activity of students. Uniting all is the idea that formed the system of motivation of the person, representing a dynamic characteristic, determines the General direction of the person, the desire of the person, his life, and, of course, professional activity.

In this article is spoken about of the psychological conditions of the formation of motivation teaching activities of students in the learning process in higher educational institutions.

Keywords: professional self-determination, interactive methods, psychological activity.

Тлемисова Алия Данибековна
Аспирант, ЯрГУ им. П. Г. Демидова
aliya_tlemisova@mail.ru

Аннотация. Теоретический анализ научной литературы по проблеме исследования показал, что в психологической науке существуют различные точки зрения и подходы к вопросу о формировании мотиваций педагогической деятельности студентов. Объединяющей всех является мысль, что, сформировавшаяся система мотивации личности, представляя собой динамическую характеристику, определяет общую направленность личности, стремления человека, его жизненный путь, и, конечно же, профессиональную деятельность.

В этой статье говорится о психологических условиях формирования мотивации педагогической деятельности студентов в процессе обучения в вузе

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, интерактивные методы, психологическая активность.

При определении механизма и структуры мотивационной сферы профессиональной деятельности, можно прийти к заключению, что процесс формирования мотивации педагогической деятельности личности, происходит под влиянием, как своей внутренней организации, так и внешних условий. Учитывая данное обстоятельство, мы, предлагаем в ходе обучения в вузе, целенаправленное создание психологических условий, способствующих, эффективности формирования мотивации педагогической деятельности студентов.

Процесс разработки психологических условий, содействующих повышению эффективности формирования мотивации педагогической деятельности студентов, предусматривает рассмотрение сущности понятий «условие», «психологическое условие».

Относительно понятия «психологическое условие» можно констатировать, что оно было глубоко изучено учеными-специалистами различных направлений. К примеру, Н.М. Борытко считал, что условие — некое внешнее обстоятельство либо фактор, который оказывает ощутимое влияние на течение педагогического про-

цесса, в определенной мере, сознательно созданный педагогом, конкретно не гарантирующий, но предполагающий конечный результат [1]. Психологические условия выделяются на основе анализа факторов изучаемого процесса; выявления трудностей, барьеров осуществления педагогического процесса; сущности педагогической деятельности и системно-функциональной характеристики педагогического процесса.

С.Ю. Головин отмечает, что условия качества, прочности и скорости формирующего процесса находятся в прямой зависимости, от полноты ориентировочной основы явления (свойства, качества), подлежащего формированию; предметного, логического и психологического разнообразия типов материала, включающего формируемое содержание; меры управления формирующим процессом. Лишь соблюдение указанных условий наряду с усвоением нового значения приводит к образованию полноценного действия по применению этого значения [2].

В свою очередь, под условиями мы понимаем соблюдение определенных требований, содействующих фор-

мированию мотивации педагогической деятельности студентов в условиях вуза.

Психологические условия формирования мотивации педагогической деятельности студентов в процессе обучения мы выделяем исходя из:

- ◆ понятия мотивации как сложной системы, имеющей в своей основе как биологические (внутренние), так и социальные (внешние) элементы;
- ◆ особенностей личности как системы, отвечающей на внешние воздействия изменением своих параметров;
- ◆ требований к личностным свойствам и способностям, необходимым в новых условиях рынка.

Таким образом, в качестве психологических условий формирования мотивации педагогической деятельности студентов в процессе обучения в вузе мы предлагаем:

- ◆ профессиональное самоопределение личности;
- ◆ психологическую готовность к деятельности;
- ◆ применение системы интерактивных методов;
- ◆ реализацию совместной диалогово-познавательной деятельности.

Выбор **профессионального самоопределения личности как условия** мотивации педагогической деятельности, обусловлено самодетерминацией личности, ее направленностью на будущие жизненные перспективы, где ядром выступают ценностные ориентации, профессиональные планы и цели. Цель здесь достигается путем нахождения личностного смысла в выбираемой, осваиваемой и уже выполняемой трудовой деятельности, а также в нахождении смысла в самом процессе самоопределения.

Проблема профессионального самоопределения изучалась учеными с различных аспектов: психолого-педагогической (Б.Ф. Ломов, К.А. Абульханова-Славская, В.Т. Кудрявцев, Л.И. Божович, Л.С. Выготский, Т. Харрис, А. Маслоу, Н.С. Пряжников и др); психологической (Е.А. Климов, П.Г. Щедровицкий С.Л. Рубинштейн, Б.А. Федоришин, К.К. Платонов, С.Н. Чистякова), генетической (Э. Берн, Э. Фромм, И.С. Кон, С. Роджерс, Д.И. Фельдштейн, З. Фрейд и др).

Б.А. Федоришин рассматривал самоопределение в качестве собственной активности личности по ознакомлению и овладению окружающей действительностью; С.Л. Рубинштейн представлял самоопределение как событие; К. Обуховский, П.Г. Щедровицкий самоопределение видел как принятие какого-либо мировоззрения в ходе социализации.

По данным С.Н. Чистяковой, «самоопределение — сложный динамический процесс формирования лич-

ностью системы своих базовых отношений, ключевых компетентностей (профессионально-трудовых, нравственных, личностных), позволяющих действовать в меняющихся социальных, экономических и культурных условиях, принимать решения, адекватные своим ценностным смыслам» [3].

И.С. Кон отмечает, что любое описание человеческой жизни предполагает два главных вопроса: 1) «что человек делает, какова его предметная деятельность и как он сам к ней относится» (труд в широком смысле слова); 2) «каковы его взаимоотношения с окружающими людьми» (общение). Он определил профессиональное самоопределение как многомерный и многоступенчатый процесс, который можно рассмотреть с трех сторон: «как серию задач», «как процесс принятия решений», «как процесс формирования индивидуального стиля жизни» [4].

П.Г. Щедровицкий видит смысл самоопределения, в способности человека строить самого себя, свою индивидуальную историю, в умении переосмысливать собственную сущность [5].

По наблюдениям Е.Ю. Пряжниковой, студенты и молодые специалисты больше внимания уделяют расширению своих возможностей, иногда полагая, что реализация этих возможностей — дело ближайшего будущего. Поскольку самоопределяющийся студент или уже работающий специалист не всегда знает, как реализовать свои возможности, то «возникает новая творческая задача — одновременное расширение своих профессиональных возможностей и повышение в себе готовности (уровня) к полноценной реализации имеющихся возможностей» [6].

Жизненный план в точном смысле этого слова возникает только тогда, когда предметом размышлений становится не только конечный результат, но и способы его достижения, путь, по которому намерен следовать человек, и те объективные и субъективные ресурсы, которые ему для этого понадобятся. По словам И.С. Кона: «В отличие от мечты, которая может быть как активной, так и созерцательной, жизненный план — это план деятельности, поэтому он заземляется в первую очередь на выбор профессии» [4].

И.В. Дубровина главным условием успешного профессионального самоопределения считает полноценное психическое и личностное развитие ребенка, сформированность его мотивационно-потребностной сферы, наличие развитых интересов, склонностей и способностей, достаточный уровень самосознания» [7]. Она отмечает два этапа формирования профессиональных намерений: первый этап — ситуативное представление о собственном ресурсе и возможностях развития, неу-

мение сопоставить с требованиями профессиональной деятельности; второй, готовность субъекта сформулировать для себя задачу выбора будущей сферы деятельности с учетом психологического и психофизиологического ресурсов [7].

Рассмотрим основные детерминанты, влияющие на профессиональное самоопределение. Психологи обычно объединяют их в две группы: субъективные и объективные. К субъективным относят интересы, способности, особенности темперамента и характера. К объективным — уровень подготовки (успеваемости), состояние здоровья и информированность о мире профессий. К объективным детерминантам тесно примыкают социальные характеристики, например, такие, как образовательный уровень родителей, социальное окружение и др. Кроме индивидуально-личностных особенностей, влияющих на сроки профессионального самоопределения, к такого рода детерминантам относят принадлежность к той или иной социальной группе (например, установлено, что представители малоимущих социальных групп, национальных меньшинств менее свободны в выборе профессии и делают такой выбор раньше), а также гендерные отличия в профессиональном самоопределении (например, карьерные планы девушек отличаются большим разнообразием и гибкостью).

Кроме специальных способностей (уровень интеллекта человека, его способности и направленность интересов), для эффективного профессионального самоопределения, по мнению Л.Д. Столяренко, необходимы такие общие для любой профессии способности, как:

способность адекватно оценивать свои качества при выборе профессии; способность изучать мир профессий, опираясь на неслучайные факторы, формировать адекватное представление о нем; способность выделять главное для себя при выборе профессии, т.е. формировать индивидуальную иерархию факторов, максимально адекватно оценивать ситуацию выбора профессии [138, С. 400].

Часто основной доминантой правильного выбора называют профессиональный интерес, или профессиональную направленность. Исследования показывают, что чем больше человек заинтересован в выполняемой им работе, тем лучше ее результаты.

Еще одним детерминантом выбора профессии является соотношение таких социальных признаков, как престижность и востребованность профессии. Уровень материальных благ и внутреннего признака — притязания на общественное признание. Люди, ориентированные на общественное признание, выбирают профессии с более высоким социально-экономическим статусом [8].

Е. А. Климов считает, что профессиональное самоопределение должно рассматриваться не «в эгоистическом смысле, а в приобщении к обществу, к цивилизации, к культуре» [9].

Таким образом, часто человек выбирает не только данную профессию, но и нечто более важное — то, что данная профессия дает ему для более полного ощущения своей жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борытко Н. М. Пространство воспитания: образ бытия. — Волгоград: Перемена, 2000. — 225 с.
2. Словарь практического психолога / сост. С. Ю. Головин. — Минск: Харвест, 1998. — 800 с.
3. Чистякова С. Н. Педагогические основы управления профессиональной ориентацией школьников: Автореф. дисс. ... докт. пед. наук. -М., 1987. — 37 с.
4. Кон И. С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. — М.: Политиздат, 1984. — 335 с.
5. Щедровицкий П. Г. Очерки по философии образования. — М., 1993. — 180 с.
6. Пряжникова Е. Ю., Пряжников Н. С. Профорориентационные игры: проблемы, ситуации, задачи, карточные методики. — М.: Изд-во Моск. Гос. ун-та, 1991. — 87 с.
7. Дубровина И. В. Рабочая книга школьного психолога. — М.: Просвещение, 1991. — 303 с.
8. Столяренко Л. Д. Психология и педагогика в вопросах и ответах. — Ростов на-Дону, 1999. — 357 с.
9. Климов Е. А. Пути в профессионализм (Психологический анализ): Учебное пособие. — М.: Московский психолого-социальный институт, 2003. — 320 с.

© Тлемисова Алия Данибековна (aliya_tlemisova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ, ТЕХНОЛОГИИ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ В МИРЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ИНФОРМАТИЗАЦИИ

MAIN TYPES, TECHNOLOGIES OF IMPACT ON MASS CONSCIOUSNESS IN THE WORLD OF GLOBAL INFORMATIZATION

L. Burkova

Summary. The article analyzes the main types, as well as some technologies of influence on the mass consciousness in the world of global information. In this regard, the concept of «mass consciousness» is clarified. In the context of global information, mass consciousness can be interpreted as a phenomenon of global mass consciousness and as a phenomenon of mass consciousness of a particular society, which is influenced by the factors of global information. Key conclusion of article is that in era of global informatization types of impact on mass consciousness can be differentiated into: 1) traditional impact on mass consciousness with using of technologies, typical for pre-information society (agitation, propaganda, etc.), supplemented by some technologies, approbated mainly by mass-media of information society (setting agenda, priming, framing); 2) modern impact, typical for post-industrial society, implemented through technologies, improved and developed within framework of computerization, virtualization, intellectualization (infotainment, astroterfing, trolling, phishing and etc.).

Keywords: mass consciousness; mass media; network journalism; artificial intelligence; agitation; trolling; propaganda; astroterfing; infotainment; cyber-baiting; priming; trendsetters; setting agenda; phishing; framing; heppisleeping, spam.

Буркова Людмила Владимировна

Соискатель, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, соискатель
lvburk@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются основные виды, а также некоторые технологии воздействия на массовое сознание в мире глобальной информатизации. В связи с этим уточнено понятие «массовое сознание». В условиях глобальной информатизации массовое сознание может трактоваться как феномен глобального массового сознания и как феномен массового сознания конкретного общества, на которое воздействуют факторы глобальной информатизации. Ключевой вывод статьи состоит в том, что в эпоху глобальной информатизации виды воздействия на массовое сознание можно дифференцировать на: 1) традиционное воздействие на массовое сознание с использованием характерных для доинформационного общества технологий (агитация, пропаганда и пр.), дополненных некоторыми технологиями информационного общества (установление повестки дня, прайминг, фрейминг и пр.); 2) современное воздействие, характерное для постиндустриального общества, реализуемое посредством технологий, совершенствуемых и разрабатываемых в рамках компьютеризации, виртуализации, интеллектуализации (инфотейнмент, астротерфинг, троллинг, фишинг и др.).

Ключевые слова: массовое сознание, средства массовой информации, сетевая журналистика, искусственный интеллект, агитация, пропаганда, астротерфинг, инфотейнмент, кибертравля, прайминг, трендсеттеры, троллинг, установление повестки дня, фишинг, фрейминг, хеппислепинг, спам.

Общепризнано, что на статику и динамику бытия субъектов общественных отношений глубокий отпечаток накладывает информационно-коммуникационная среда, где, собственно, и происходит воздействие на массовое сознание, понимаемое нами как одна из форм сознания (наряду с индивидуально-личностным и общественным), со своими специфическими чертами и отличиями. В строго категориальном значении феномен массового сознания соотносим с индустриальным обществом, но он не исчезает и в информационном обществе, приобретая новые признаки и сохраняя прежние, порожденные массовой культурой и трендом на приоритетность потребления.

В условиях глобальной информатизации феномен массового сознания может пониматься двояко: как феномен глобального массового сознания (что выражается, например, в формировании глобального сетевого общества

с присущим ему массовым сознанием на основе «брендированного консюмеризма» [14, с. 174], космополитизма и пр.) и как феномен массового сознания конкретного общества, на которое воздействуют факторы глобальной информатизации. При этом следует понимать, что и в том, и в другом случаях массовое сознание предстает как некий идеальный конструкт, который на феноменологическом уровне не представляет собой гомогенного образования, и сводится к проявлениям сознания больших социальных групп (как правило, неструктурированных, и, возможно, весьма нестабильных в своей конфигурации).

Массовое сознание всегда привлекало тем, что могло относительно легко становиться объектом целенаправленного воздействия со стороны различных субъектов (государства, крупного бизнеса, гражданского общества, отдельных личностей и пр.). С эпохой информационного общества ситуация не изменилась.

В эпоху глобальной информатизации различимы, по меньшей мере, два типичных вида воздействия на массовое сознание.

Первый из них можно условно назвать традиционным постольку, поскольку он включает в себя технологии, которые осмыслены и апробированы до возникновения постиндустриального (информационного) общества и продолжают результативно действовать и в настоящее время (манипулирование, агитация, пропаганда и пр.) [1; 2; 3; 6; 8; 9; 11; 13; 15; 26]. Инструментарий указанных технологий (типажирование; имиджевая легенда; формирование мифов и стереотипов; раздувание ажиотажа; распространение слухов; избирательное цитирование; кричаще-экспрессивная лексика; изъятие из контекста; упрощение проблемы; стигматизация /наклеивание ярлыков/ и т.п.), претерпевает качественное изменение. Традиционный вид воздействия на массовое сознание в настоящее время обеспечен финансовыми, другими материальными ресурсами, наличием лидеров мнений — профессиональных сотрудников масс-медиа-организаций, представителей сетевой журналистики, PR-агентств, сообщества политтехнологов и пр. Его ключевой и обычно не афишируемой функцией является манипулирование массовым сознанием (показательным примером служит Проект МК-ультра /Project MC-ULTRA/ [27]).

Анализ информационно-коммуникационных явлений и процессов, наблюдаемых в мире глобальной информатизации, позволяет говорить о дополненности традиционного вида воздействия на массовое сознание технологиями информационного общества. Например, в деятельности масс-медиа постиндустриального общества появились новые технологии, например, установление повестки дня, прайминга, фрейминга и др.

Установление повестки дня означает придание сообщению и (или) набору сообщений актуальности в расчете на то, что новостная аудитория с особым вниманием отнесется к их содержанию и формату. Прайминг предполагает постоянное внедрение в массовое сознание установки на «потребление» сообщений, когда чем чаще те или иные сообщения транслируются, тем с большей долей вероятности они фиксируется массовым сознанием. Фрейминг означает отбор (селекцию) связей между фактом материальной реальности, сообщением о нем и его (сообщения) интерпретацией экспертами таким образом, чтобы в сознании новостной аудитории возобладали определенная оценка данного факта [14, с. 212–216]. Эффективность воздействия указанных технологий на массовое сознание может быть понижена в условиях информационного шума, наличия альтернативных источников (каналов) массовой информации и коммуникаций.

Развитие печатных и электронных СМИ, появление их Internet-версий, формирование сетевой журналистики приводят к тому, что традиционные технологии воздействия на массовое сознание модернизируются, становятся гибридными, дополненными интерактивным, мультимедийным элементом, где вербальная составляющая тиражируемой информации усиливается видеорядом и т.п. Все это радикально отражается на статусе того же телевидения, которое «зондирует и опрашивает», «нащупывает и проникает», «управляет вашей комбинацией генов», когда уже не люди смотрят телепрограммы (смотрят почти все и смотрят, как правило, много), а телевидение пристально наблюдает за людьми [4, с. 47]. И затем внушает им определенные ценностные ориентации, установки, стереотипы [17; 21].

Повышенным уровнем суггестивного влияния на аудиторию обладает, например, технология инфотейнмента (информируя, развлекай), когда новости подаются одновременно в ракурсах информирования и развлечения, что, как правило, требует особого информационного материала для привлечения внимания масс, «с неизменными «главными новостями» для утоления постоянной тяги публики к сенсационности и новизне» [14, с. 306].

Востребованность телевизионными профессионалами инфотейнмента обусловлена тем, что здесь, по их мнению, имеет место креативное смешение, как классических, так и сравнительно новых жанров, приемов журналистики, СМИ и видов искусства, таких как кино или театр [16; 23]. Поэтому для информации, транслируемой в формате инфотейнмента, характерно оригинальное сочетание стилистики «желтой» прессы, репортажа, драмы, «фейковых» новостей, хоррора и трэша. Последний непосредственно заимствован из киноиндустрии, где с его помощью обозначают киноленты с участием непрофессиональных режиссеров, актеров, операторов и сюжетами, основанными на садизме, сексе и страхе, вызывающими у аудитории соответствующие эмоции, переживания [12].

Второй вид воздействия на массовое сознание в мире глобальной информатизации связан с технологиями компьютеризации, виртуализации и интеллектуализации. Здесь ведущая роль отведена трендсеттерам (от англ. «trend» и «set»; в переводе на русский: зачинатель тенденции) — актерам, которые, восприняв инновации раньше других, в силу профессиональных знаний, навыков или по каким-то личным соображениям и мотивам стали «передаточными каналами» между юзерами, ламерами, иными пользователями Internet-ресурсами. Именно им принадлежит первенство в разработке и использовании, например, технологии виртуальной рекламы с тем, чтобы с сохранением у пользователей

Интернет-ресурсами иллюзии свободного выбора, добиться такого уровня их сознания и потребительского поведения, который выгоден рекламодателям [20].

Реализация указанной функции в немалой степени достигается посредством применения технологий астротерфинга и троллинга.

Смысл астротерфинга в следующем: трендсеттер «регистрирует на себя сразу множество псевдонимов на каждом значимом форуме, на новостных сайтах, в социальных сетях. Получив заказ на продвижение определенных идей, продуктов, он начинает добавлять соответствующие комментарии, вступать в дискуссии, отстаивая определенное мнение от имени множества людей сразу» [10, с. 148–149]. По сути, речь идет об искусственно созданном и активно навязываемом Интернет-пользователям псевдо-общественном мнении.

В свою очередь, троллинг (от англ. «trolling»; в переводе на русский: ловля рыбы на блесну) — это качественно модернизированный вариант астротерфинга. Троллями принято именовать Internet-провокаторов, размещающих оперативно привлекающие внимание аудитории, но нелюбимые для отдельных лиц комментарии, «фейковые» сообщения на соответствующих web-сайтах, web-форумах в социальных сетях. По сути, троллинг — это психологическая, социально-психологическая технология, краеугольным камнем которой являются публичное высмеивание и (или) унижение оппонентов, приводящие их психику в состояние когнитивно-эмоционального диссонанса, «т.е. «заглатыванию блесны», что и является конечной целью троллей» [10, с. 150].

Троллинг — это альфа и омега кибертравли (кибермоббинга, кибербуллинга [5]), которая может вестись через электронную почту, популярные блоги, видеопорталы посредством, например, хеппислепинга (обнародования в Internet цифровой записи события правонарушения, а равно улик, материалов, компрометирующих кого-либо), соответствующих мобильных SMS- и MMS-сообщений и др.

Особо стоит отметить, что, по мнению специалистов, в качестве организаторов, исполнителей, иных участников кибертравли (мобберов, буллей, пранкеров) нередко выступают лица, которые используют чужие персональные данные, хотя ряд социальных сетей обязывает их пользователей создавать личный аккаунт. Среди них немало Internet — аддиктивных (зависимых) индивидов с явно завышенной самооценкой, но с низким уровнем социальной ответственности, подтверждающих тезис концепции многоступенчатой коммуникации о том, что люди, «находящиеся на границах социальных

групп и мало взаимодействующие со своими группами..., как правило, распространяют сплетни. Точность и доверие невелики, но скорость распространения передаваемых маргиналами слухов — высокая» [7, с. 68]¹.

Следует обратить внимание на то, что пользователи сервисами, разработанными для своих клиентов ведущими мировыми онлайн-корпорациями Google, Facebook и Twitter, добровольно предоставляют в распоряжение этих бизнес-субъектов немало конфиденциальной личной информации. Мало того, что указанная информация нередко становится добычей хакеров, так еще и техническим средствам и технологиям, создаваемым в рамках исследований проблематики искусственного интеллекта и широко применяемым данными корпорациями, достаточно стремительных просмотров в браузерах потребительских пристрастий вместе с персональными данными пользователей Интернет-ресурсами, чтобы с высокой степенью вероятности точно установить, на что те способны потратить свой заработок, и молниеносно активировать спам, т.е. массовую автоматическую рассылку незапрашиваемых юзерами сообщений с целью виртуальной рекламы идей, коммерческих продуктов и услуг.

На использовании персональной информации с учетом личных пристрастий пользователя выстроен так называемый сетевой индивидуализм, который активно используется для установления влияния на массовое сознание через влияние на сознание конкретных индивидов.

В связи с этим нельзя не упомянуть фишинг. Это технология, созданная на базе формируемого сегодня искусственного интеллекта, и используемая различными субъектами соответствующих отношений, которая позволяет преодолевать официальные запреты получения персональных (идентификационных) данных посредством отправки через электронную почту ложных сообщений, создания в сети Интернет поддельных web-сайтов публично-правовых образований, физических и юридических лиц. Кроме того, даже случайно открыв фальшивые электронные письма и web-сайты, пользователи Internet-ресурсами рискуют мгновенно загрузить на свои персональные компьютеры, различные гаджеты вредоносные компьютерные программы, позволяющие получить заинтересованным лицам устойчивый несанкционированный доступ к их личной финансовой и прочей информации.

¹ В дополнение к отмеченному: ученые из технологического института в штате Массачусетс (США), изучив сообщения 3000 пользователей Twitter, установили, что «фейковые» новости в 6 раз быстрее набирали просмотры в социальной сети, нежели новости правдивые. Чтобы привлечь внимание к своим новостям, создатели «фейковых» заметок специально применяли «кричащие» заголовки [22].

Проблема в немалой степени актуализируется тем, что постоянно совершенствуемая архитектура информационно-коммуникационных технологий позволяет на базе Internet формировать виртуальные вселенные, в пределах которых возможно существование принципиально неуловимых анонимных субъектов — Интернет-роботов [18, с. 131].

В связи с этим весьма своевременно предостережение, сделанное С. Хокингом о том, что искусственный интеллект — вероятно, наихудшее изобретение в истории нашей цивилизации постольку, поскольку он может полностью заменить людей. Хокинг предупреждал, что дальнейшее развитие технологий ИИ может стать фатальной ошибкой, если Человечество забудет о рисках, которые с ними связаны [24].

Один из таких рисков обусловлен тем, что «люди сами по себе опасные существа, природа которых создавалась в безжалостном и конкурентном горниле естественного отбора. Но люди социальные существа и обладают многими компенсирующими чертами, такими как эмпатия и сочувствие, которые формировались в противовес давлению эволюции, принуждающей к конкуренции. И они — сущие дети по сравнению с... машинным суперинтеллектом» [25, с. 198].

С этим трудно не согласиться. Как трудно не согласиться и с тем, что современные информационно-коммуникативные технологии оказывают влияние на массовое сознание через само же массовое сознание. Например, через поисковую систему пользователи запрашивают ту или иную информацию, которая затем ранжируется по степени популярности ресурса на основе частоты обращения к нему, и в дальнейшем при обращении к системе выдается такая ранжированность ресурсов. В семантических сетях (технологии Web.3) «информация все время индексируется по смыслу, предоставляя человеку (и соответственно, массовому сознанию — прим. авт.) «уже осмысленный» сервис» [19, с. 19].

Итак, применительно к глобальной информатизации виды воздействия на массовое сознание можно дифференцировать на: во-первых, традиционное воздействие на массовое сознание с использованием характерных для доинформационного общества технологий, дополненных некоторыми технологиями, апробируемыми преимущественно СМИ информационного общества; во-вторых, современное воздействие, характерное для постиндустриального общества, реализуемое посредством технологий, совершенствуемых и разрабатываемых в рамках компьютеризации, виртуализации, интеллектуализации (инфотейнмент, астротерфинг, троллинг, фишинг и др.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова В. А. Виртуальная реальность как пространство симулякров // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2017. — Том 9. — № 1 (1). — С. 99–103.
2. Аронсон Э., Пратканис Э. Эпоха пропаганды. Механизмы убеждения. Повседневное использование и злоупотребление. — СПб.: Издательство «Прайм-Евразон», 2003. — 384 с.
3. Баришполец В. А. Информационно-психологическая безопасность: основные положения // Радиоэлектроника. Наносистемы. Информационные технологии. — 2013. — Том 5. — № 2. — С. 62–104.
4. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Пер. с франц. А. Качалова. — М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2017. — 240 с.
5. Бочавер А. А., Хломов К. Д. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. — 2014. — Том 11. — № 3. — С. 177–191.
6. Гердык А. И. Проблемы глобальной информатизации современного общества // Международный научно-практический и методический журнал «Смальта». — 2014. — № 3. — С. 25–28.
7. Гнидко К. О. Метод управления топологией социальной сети с целью предотвращения неконтролируемого эпидемиологического распространения информации между узлами // Наукоемкие технологии в космических исследованиях Земли. — 2016. — Том 8. — № 4. — С. 64–69.
8. Грачев Г. В., Мельник И. К. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. — М.: Издательство «Алгоритм», 2002. — 112 с.
9. Дашкова А. Ю. Манипулятивные методы воздействия на массовое сознание // Вестник Поволжской академии государственной службы имени П. А. Столыпина. — 2010. — № 1. — С. 74–77.
10. Кадырова Ш. Н. К вопросу об особенностях формирования политического имиджа в Интернете // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. — 2015. — № 4. — С. 145–153.
11. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием — М.: Издательство «Эксмо», 2005. — 832 с.
12. Кармалова Е. Ю. Жанровые модели современного инфотейнмента: типология контента Интернет-издания и телеканала LifeNews // Наука о человеке: гуманитарные исследования. — 2016. — № 2 (24). — С. 77–80.
13. Карпова Е. Н. Манипулятивное воздействие на массовое сознание и сознание индивида в обществе информации // Научные идеи, прикладные исследования и проекты стратегий эффективного развития Российской Федерации. — М.: Издательство «Аудитор», 2016. — С. 80–84.
14. Кастельс М. Власть коммуникации / Пер. с англ. Н. М. Тылевич. — М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. — 591 с.

15. Линдстром М. *Buyology: увлекательное путешествие в мозг современного потребителя* /Пер. с англ. Е. Фалюк. — М.: Издательство «Эксмо», 2010. — 240 с.
16. Матвеева Л. В., Аникеева Т. Я. *Психология телевизионной коммуникации*. — М.: Издательство «РИП-холдинг», 2004. — 316 с.
17. Полуэктова И. А. «Умный телевизор» в контексте повседневности //Знание. Понимание. Умение. — 2013. — № 3. — С. 169–174.
18. Пучков Д. В. К вопросу взаимосвязи кибернетических технологий и уголовного права //Социально-политические науки. — 2017. — № 6. — С. 130–135.
19. Рождение коллективного разума: О новых законах сетевого социума и сетевой экономики и об их влиянии на поведение человека. Великая трансформация третьего тысячелетия /Под ред. Б. Б. Славина. — М.: ЛЕНАНД, 2018. — 288 с.
20. Саяпин В. О. Смысловые реалии виртуальной пропаганды в сети Интернет //European Social Science Journal. — 2014. — № 1 (2). — С. 23–29.
21. Телевидение для жителей России: «зомбоящик» или «окно в мир»? — опрос //Информационное агентство «REGNUM» — 30.01.2015 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://regnum.ru/news/1890141.html>. — (Дата обращения 01.04.2018).
22. «Фейковые» новости распространяются в шесть раз быстрее правдивых — ученые //NewsFrolНовости. — 11.03.2018 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://newsfrol.ru/25/4275/>. — (Дата обращения 01.04.2018).
23. Хлызова А. А. Обновление системы телевизионных жанров в современных медиаусловиях //Журналистский ежегодник. — 2015. — № 4. — С. 73–76.
24. Хокинг назвал искусственный интеллект величайшей ошибкой Человечества [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://geektimes.ru/post/221933/>. — (Дата обращения 01.04.2018).
25. Шанахан М. *Технологическая сингулярность* /перевод с английского. — М.: Издательская группа «Точка», 2017. — 256 с.
26. Шилова В. А. *Коммуникативное поле управления: теория, методология, практика*. Монография. — М.: Издательство «Логос», 2015. — 204 с.
27. «Project MKUltra, the Central Intelligence Agency's Program of Research into Behavioral Modification. Joint Hearing before the Select Committee on Intelligence and Subcommittee on Health and Scientific Research of the Committee on Human Resources, United State Senate, Ninety-Fifth Congress, First Session». U. S. Government Printing Office (copy hosted at the New York Times website). August 8, 1977. Retrieved 2010–04–18 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.nytimes.com/packages/pdf/national/13inmate_ProjectMKULTRA.pdf. — (Дата обращения 01.04.2018).

© Буркова Людмила Владимировна (lvburk@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ИНКЛЮЗИЯ В ПОЛЕ ЗРЕНИЯ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ: НА ПУТИ К ПРИЯТИЮ ДРУГОГО/СЕБЯ КАК ДРУГОГО

INCLUSION IN THE FIELD OF VIEW OF PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY: ON THE WAY TO RECEIVING OTHER / HIMSELF AS THE OTHER

N. Sudakova

Summary. The article reveals various aspects of comprehension by the modern man of his true self by identifying himself with the Other. The article analyzes the actual understanding of the phenomenon of inclusion as a culture of acceptance of the Other in the situation of a large-scale anthropological crisis. The article reveals various aspects of the diversity of the Other in modern culture. In this article, the significance of the social embodiment of personality for the further development of human civilization is understood.

Keywords: inclusion, the Other, identity crisis, social isolation, virtualization, social incarnation.

Судакова Наталья Евгеньевна

*К.п.н., Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ (Москва)
sovetnik.imtp@mail.ru*

Аннотация. В работе раскрываются различные аспекты осмысления современным человеком своего истинного Я посредством отождествления себя с Другим. Анализируется актуальное понимание феномена инклюзии как культуры принятия Другого в ситуации масштабного антропологического кризиса. Вскрываются различные аспекты многоликости Другого в современной культуре. Осмысливается значимость социального воплощения личности для дальнейшего развития человеческой цивилизации.

Ключевые слова: инклюзия, Другой, кризис идентичности, социальная изоляция, виртуализация, социальное воплощение.

Современный мир устремлён на встречу глобальным трансформациям, что наиболее заметно в социокультурной жизни общества. Очевидно, что «феномен глобализации обнажил фундаментальные противоречия современности между традиционными ценностями цивилизаций и нетрадиционными ценностями постцивилизационного глобального мира» [7, с. 65], поскольку потребность человека к осознанию себя как части «более широкого множества» [1, с. 7] значительно возрастает, а её удовлетворение приобретает всё более сложный характер.

Обращаясь к исследованиям последних лет, связанным с принадлежностью человека к какой-либо части социума, обратим внимание на то, что большинство из них прямо или косвенно затрагивают проблематику идентичности себя с Другим, где кризис идентичности активно проявляет себя противостоянием как различных путей цивилизационного развития, так и индивидуальных смысложизненных ориентиров, отводя особое место проблематике осознания Другого/себя как Другого. «Философская идентификация определяется как процесс сопоставления сличения одного объекта с другим на основании какого-либо одного или нескольких свойств, в результате чего происходит установление их сходства или различия. Одним из самых простых способов понимания другого человека является уподобление (идентификация) себя ему» [2, с. 9]. Соизмеряя себя с Другим, выстраивая собственную индивидуальную траекто-

рию развития, настраиваясь на постоянное осмысление своего предназначения, рефлексии поставленных и уже реализованных целей, человек обретает своё уникальное Я, что и способствует становлению принципиально нового концепта гуманистической парадигмы — культуры принятия Другого — инклюзии.

Инклюзия как термин на протяжении долгого времени однозначно отождествлявшийся с включением в единое образовательное пространство людей с ограниченными возможностями здоровья, ассоциировался общемировым сообществом с идеями социального равенства, исповедуемыми ЮНЕСКО и направленными на борьбу со всеми формами социальной дискриминации. Благодаря идеям инклюзии жизнь людей с ограниченными возможностями здоровья во многих регионах нашей планеты существенно изменилась в лучшую сторону за последние четверть века, что нашло своё отражение и в России.

Данный факт являет собой несомненное торжество истинного гуманизма, разделившего мир на «до» и «после». На протяжении тысячелетий жизнь людей с ограниченными возможностями здоровья оставалась неизменной. Лучшие умы человечества становились адептами свободы, справедливости, социального равенства множество раз, но лишь сегодня, в начале третьего тысячелетия от Рождества Христова, общество наконец-то поворачивается лицом к людям с нарушениями

в области здоровья. Впервые в истории человеческой цивилизации можно констатировать, что политики и государственные деятели, учёные, писатели, представители родительской и педагогической общественности ведут открытый диалог о проблемах инвалидов, о нуждах людей с ОВЗ, о том, что каждый человек это «врата» к пониманию себя и Вселенной. Мы видим как решение проблем людей с ограниченными возможностями здоровья выходит за границы преодоления физических или психических недугов, устремляясь к поискам личностных смыслов бытия и к удовлетворению индивидуальных, в том числе духовных потребностей.

Стоит отметить, что сегодня весьма активизируется осмысление феномена Другого, позволяя говорить о расширении данной категории в современных исследованиях, где инаковость проявляет себя в разных ипостасях: как с позиции отсутствия или наличия каких-либо ограничений в области здоровья, так и в других контекстах: этнически, гендерно, в культуре, вероисповедании и т.п. Другой сегодня настолько многолик, что верно и то, что «Другой — это не обязательно чужой, пришедший издалека. Другим оказывается и сам человек — для — себя, надевающий маску для достижения определённых целей и нередко являя кажимость личного бытия» [10, с. 7], что, конечно, отдельная, но весьма серьёзная проблема.

Таким образом, понимание инклюзии как феномена сегодня существенно трансформируется и усложняется, прирастая новыми смыслами, связанными с повышением ценностной значимости самой потребности человека в социальной реализации: «Все, кому нужен социум, кто по своим исходным характеристикам может быть обозначен как «Другой, отличный от меня», имеют право на включение, принятие, полноценную социализацию,— все, в независимости от состояния здоровья, пола, национальной или расовой принадлежности, способностей, образования, культурной идентичности, возраста, психологической зрелости и других отличительных черт» [8, с. 153].

Современные социокультурные трансформации существенно стимулируют внутренние личностные конфликты, поскольку социум выдвигает сегодня требования к изменению личностной сущности индивида, связанной с созданием социального успеха, где размываются границы истинных потребностей человека. Бесконечная перестройка представлений о себе самом, включающая как разного рода телесные трансформации, так и личностную медийность, весьма отдалённую от реального Я, selfie-манию, массовизацию сознания и другие её формы способствует серьёзной личностной деструкции.

Человечество буквально вовлечено в игры с перевоплощением: «Современное киберпространство позволяет каждому вести две жизни: реальную и виртуаль-

ную. Так, в виртуальных играх человек не просто играет за персонажа, он ощущает себя им. Здесь его реальные интересы, смыслы и ценности подменяются виртуальными, свое «Я» он подменяет дериватами реальных действий «Другого Я» в игре» [4, с. 71]. Но очевидно, что серьёзных исследований данных тенденций сегодня практически не ведётся. Что ждёт человеческую цивилизацию в будущем? Чем грозит нам стремительная виртуализация бытия? Все эти вопросы с каждым днём всё более актуализируются.

Мы свидетели феномена, когда виртуальное и реальное бытие не только отождествляются, но и часто взаимозаменяют друг друга, что приводит человека к разного рода личностным фальсификациям: «Нищета и эмоциональная скудность нашей повседневной жизни замечаются приобщением к виртуальному миру зрелища — самому крутому наркотику нашего времени. Возникает полная иллюзия сопричастности с происходящими, пусть и не реальными событиями» [6, с. 34]. Появление новой Другой реальности — мира инакового — виртуального лишь обостряет проблематику Другости, но никак не способствует поиску ответов на актуальные вопросы.

Создание nano-, био-, разного рода информационных технологий, несомненно, способствует утверждению идеи толерантности к Другому, предоставляя всё новые и новые возможности для удовлетворения уникальных потребностей каждого из нас, но, вместе с тем, и весьма обостряет данную проблематику. Ещё полвека назад отсутствие ребёнка в семье решалось только с помощью усыновления, сегодня же общество переживает социокультурный взрыв, обусловленный появлением технологий экстракорпорального оплодотворения и суррогатного материнства. И, именно сегодня, общество активно разделяется на тех кто за, и тех, кто однозначно против.

И, конечно, уже не в отдалённой перспективе актуализируются проблемы селекции человека, поскольку технологии экстракорпорального оплодотворения позволяют избежать передачи из поколения в поколение различных генетических заболеваний. Здесь стоит сказать о том, что с одной стороны, данные технологии позволяют решать достаточно широкий круг проблем, а с другой, ещё больше разделяют тех, кто может ими воспользоваться с теми, кто никогда не сможет. А потому, проблемы приятия друг друга в будущем мире однозначно обостряются. Данные тенденции настойчиво требуют от человечества особого отношения к осознанию важности поиска инструментов формирования в обществе культуры инклюзии.

Современная гуманитаристика акцентирует внимание на том, что антропологический кризис достиг сегодня глобального масштаба: «Никогда за всю историю

развития человека не было столь всеобъемлющего заката духовности. Поскольку духовность есть синоним человечности, говоря о закате духовности, мы неотвратимо приходим к выводу о закате человека... сегодня с горечью приходится признать, что эволюция человека повернулась вспять, то, что происходит сегодня, можно назвать антропологической контрреволюцией» [3, с. 24]; «Природа, отражая катастрофичность человеческого бытия, сама пребывает на грани, переходности-к — в состоянии пограничности между жизнью и вымиранием, буйным цветением и иссыханием. Все это усиливает неустойчивость и кризисность человеческого существования, рождая проблемы, связанные с социализацией, адаптацией, идентификацией личности, отчуждением от общества и даже самого себя» [10, с. 13], что предопределяет как характер социализации личности, так и её влияние на цивилизацию в целом.

Наличие возможности проявить себя в социальном аспекте выступает сегодня критерием ценности человеческой жизни, где отсутствие возможности для полноценного воплощения собственной личностной сущно-

сти, порождая психическую деструктивность, запускает механизм самоуничтожения. Социальная изоляция, очевидно, серьёзно видоизменяет личность. В. Франкл и Б. Беттельхейм рассматривая данный феномен в процессе исследования разных фаз отбывания заключёнными срока свидетельствуют, что происходящие личностные трансформации столь сильны, что «это может привести к саморазрушающему поведению и стать психотравмирующим для личности» [5, с. 97]. Разработка механизмов преодоления вынужденной социальной изоляции, а также социальной эксклюзии обретает сегодня новые актуальные смыслы.

Значимым ответом на данные вызовы становится сегодня формирование в обществе культуры инклюзии, способствующей утверждению ценностей, связанных, по утверждению А. Ю. Шеманова с «постоянным антропогенезом — становлением людей в качестве людей» [9, с. 455]. В данном контексте, механизмы признания Другого, требуют серьёзного осмысления, так как именно они формируют неограниченные возможности для самопознания мира и себя самого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астафьева О. Н. Многомерные конфигурации коллективных идентичностей: теоретические основания исследования [Текст] / О. Н. Астафьева // Национальная идентичность в северокавказском обществе: поиски путей укрепления: Коллективная монография / Под общ. ред. А. Ю. Шадже и Е. С. Куквы. — М.: Российское философское общество. — Майкоп: Изд-во АГУ, 2015. — С. 4–26.
2. Белинская А. Б. Идентификация конфликтов в современной России как философская проблема: Монография [Текст] / А. Б. Белинская. — М.: Изд-во МосГУ, 2007. — 196 с.
3. Вальцев С. В. Отчуждение и закат человечности [Текст] / С. В. Вальцев // Проблемы современной науки и образования. 2012. № 6 (6). — С. 20–24.
4. Дягтерёва О. В. О соотношении понятий «Не-я», «Другое Я» и «Другой» [Текст] / О. В. Дягтерёва // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2012. № 2. — С. 67–71.
5. Ермасов Е. Типология переживания стресса в условиях изоляции [Текст] / Е. Ермасов // Развитие личности. 2011. № 1. — С. 92–118.
6. Крайнов А. Л. Феномен отчуждения как атрибут глобализации: социокультурный аспект [Текст] / А. Л. Крайнов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2008. т. 8. № 2. — С. 31–36.
7. Мишучков А. А. Традиционные ценности в глобализирующемся мире [Текст] // А. А. Мишучков / Вестник Оренбургского государственного университета. № 3 (178), 2015. — С. 65–71.
8. Судакова Н. Е. Философская рефлексия инклюзии как феномена современной культуры: навстречу Другому [Текст] / Н. Е. Судакова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики (входит в перечень ВАК). № 11. Ч. 1. — Тамбов: Грамота, 2016. — С. 152–154.
9. Шеманов А. Ю. Самоидентификация человека и культура: Монография [Текст] / А. Ю. Шеманов. — М.: Академический проект, 2007. — 479 с.
10. Яковлева Е. Л. Проникая в миры инклюзии [Текст] / Е. Л. Яковлева. — Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2015. — 224 с.

© Судакова Наталия Евгеньевна (sovetnik.imtp@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАТУРАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И НАТУРАЛЬНАЯ ТЕОЛОГИЯ «КЛАССИЧЕСКИХ СХОЛИЙ» ИСААКА НЬЮТОНА

NATURAL PHILOSOPHY AND NATURAL THEOLOGY OF SIR ISAAC NEWTON'S «CLASSICAL SCHOLIA»

K. Sharov

Summary. In this paper, the Classical Scholia of Sir Isaac Newton are studied, that are the additions designed to substantiate the proposals IV–IX of Book III of «Mathematical Principles of Natural Philosophy». It is shown that Newton defended the idea of double reformation (in philosophy and theology), and the Classical Scholia give us a perfect example of this idea. The thoughts about the connection of Newtonianism with the forgotten wisdom of the ancients, are important both within the Classical Scholia themselves and in the context of General Scholium finally added by Newton to the second edition of Principia.

Keywords: Newton, natural philosophy, *prisca sapientia*, theology, natural theology, the ancient world, the wisdom of the ancients, the Classical Scholia, General Scholium, the Mathematical Principles of Natural Philosophy, Principia.

*До Платона и Аристотеля
истинное знание передавалось
не открыто, а будучи всегда за-
маскированным.*

Исаак Ньютон

После консультаций со своим учеником шотландским математиком Дэвидом Грегори Ньютон добавил ко второму изданию «Математических начал натуральной философии» написанные на латинском и греческом языках, со многочисленными ссылками на древние источники, дополнения, которые были предназначены для подтверждения предложений IV–IX книги III «Математических начал», а теперь известны как «Классические схолии» (*the Classical Scholia*).

В шести схолиях Ньютон излагает несколько естественно-философских истин, которые, по его мнению, были известны древним египтянам, греческим досократам и эпикурейцам. Об этих схолиях и их роли в натурфилософии и натуральном богословии Ньютона мы поговорим в данной статье.

Что же такое Классические схолии?

Шаров Константин Сергеевич

*К.ф.н., старший преподаватель, Московский
Государственный Университет имени М. В. Ломоносова
const.sharov@mail.ru*

Аннотация. В данной работе изучены Классические схолии сэра Исаака Ньютона — дополнения, предназначенные для обоснования предложений IV–IX книги III «Математических начал натуральной философии». Показано, что Ньютон отстаивал идею двойной реформации (в философии и богословии), и Классические схолии дают нам прекрасный пример воплощения в жизнь его идеи. Идеи о связи ньютонианства с забытой мудростью древних важны как в рамках самих Классических схолий, так и для Общей схолии (General Scholium), добавленной Ньютоном ко второму изданию «Математических начал».

Ключевые слова: Ньютон, натурфилософия, *prisca sapientia*, богословие, натуральная теология, натуральное богословие, древний мир, мудрость древних, Классические схолии, Общая схолия, Математические начала натуральной философии, Principia.

Классические схолии — это приложения к центральному труду Ньютона «Математические начала натуральной философии» (*Principia*), запланированные Ньютоном для второго издания книги [7]. Эти схолии имели парадоксальную «карьеру». В окончательном своем виде они так и остались неопубликованными, однако многие идеи, содержащиеся в них, были обобщены Ньютоном еще перед написанием «Математических начал натуральной философии» в книге «О системе мира» (*De mundi systemate*) и ряде рукописей, относящихся к этой книге. Ньютон много раз переписывал схолии и вносил в них дополнения и правки [1]. В конце концов, Ньютон поступил хитроумно: он сам не опубликовал Классические схолии (возможно, он считал, что его основные читатели не заслуживают такого подарка), однако позволил интересующейся аудитории хорошо ознакомиться с их содержанием. Эту запланированную «утечку» информации Ньютон осуществил через своего ученика, шотландского математика Дэвида Грегори, племянника Джеймса Грегори, тоже математика, друга и наставника Ньютона [9].

Классические схолии были в значительной степени обобщены Дэвидом Грегори в его неопубликованном «Предисловии» (1702) к *Principia* — «Математическим

началом». Другой шотландский математик Колин Маклорен проанализировал Классические схолии в «Отчете о философских открытиях сэра Исаака Ньютона» (Лондон, 1748), сделав содержание схолий еще более доступным интересующимся ученым. В Европе за пределами Британии схолии получили известность благодаря французскому переводу этой работы: Луи Дютен в своей работе о выдающихся философах почти дословно воспроизвел Классические схолии на французском языке (Париж, 1766) [1, с. 19].

Итак, Ньютон совершил хитроумный ход, ознакомив публику со своими схолиями через Грегори, поскольку не сомневался, что Грегори сделает все досконально и пунктуально. Грегори родился в 1661 году и всего лишь 22 лет от роду был назначен профессором математики в Эдинбурге (1683). Ньютону Грегори представил астроном Королевского общества Джон Флемстид и сделал это в таких словах: «Вы найдете его очень изобретательным человеком и хорошим математиком, достойным Вашего знакомства» [2, с. 116]. Знакомство продолжалось на протяжении многих лет: в 1692 году благодаря влиянию Ньютона Грегори был назначен савильским профессором астрономии в Оксфорде и членом Королевского общества [10, т. 3, с. 164].

4–7 мая 1694 года Грегори приглашению Ньютона Грегори провел в Кембридже, где получил от того подробную информацию относительно Классических схолий.

Грегори был изумлен рядом гипотез Ньютона, настолько необычными они были в контексте философии и богословия XVII века. Грегори пишет, в том числе, о точке зрения Ньютона, согласно которой имена олимпийских божеств были в свое время именами мудрецов, предшественников Тота, который сам был египетским мудрецом и присвоил названия планетам в честь своих учителей, которых, как, впрочем, и себя посмертно, хотел изобразить богами в глазах широких масс [10, т. 3, с. 215]. Причем, по Ньютону, сам Тот отстаивал идею о гелиоцентрической системе [10, т. 3, с. 216].

Здесь, помимо непосредственной референции Ньютона на древнее коперниканство, крайне интересна точка зрения английского ученого на происхождение олимпийской религии. Действительно, хорошо известно, что названия планет в латинскую культуру пришли из греческой культуры, где божества-планеты назывались греческими эквивалентами, а в греческую — из египетской [4; 5]. Здесь с Ньютоном поспорить нельзя. Более спорной является его гипотеза о Тоте и древних мудрецах, которые впоследствии были обожествлены языческими жрецами в рамках египетского, а затем и эллинистического культа. Традиционно считается, что ситуация была пря-

мо противоположной той, которую описал Ньютон, т.е. в основном, в истории и философии религии полагают, что планетам присвоены имена олимпийских божеств, поскольку древние якобы считали планеты символами божеств. Ньютон же, как видим, полагал, что, по сути, само изобретение божеств возникло, исходя из астрономических данных древних о Солнечной системе, и даже свои имена эти боги получили по названиям планет. Их, в свою очередь, в Древнем Египте некая школа мудрецов (по Ньютону — некий Тот, которого впоследствии египетские жрецы представляли как бога, и его последователи) присвоила планетам в честь основных представителей этой школы!

Тем не менее, Ньютон подчеркивает, что в такой точке зрения нет никакой парадоксальности, поскольку мы хорошо знаем, что во времена Римской империи императоры сами себя обожествляли, кто посмертно, а кто — и при жизни. Поэтому для английского ученого нет решительно ничего удивительного в том, что в далеком прошлом мудрецы, жрецы и богословы, которые, к тому же, могли быть правителями или царями, возвели сами себя в культ либо хотели, чтобы их последователи и потомки их обожествили [8, с. 7]. Далее, средиземноморские и эллинистические язычники, утерев традицию истинной веры в Бога, наблюдали планеты на небе и, будучи снабжены не истинным божественным знанием, а искаженными знаниями последователей египетских жрецов (тех самых, которые некогда обожествили реального человека Тота), сочли, что это и есть настоящие боги, и так из этого и родилась вся олимпийская мифология [8, с. 7–9].

В схолии, предназначенной для дополнения предложения IV, Ньютон пишет: «То, что спутник Земли, Луна — твердое тело, обладающее весом, и что оно упадет на нашу землю из-за силы тяжести, если бы это не предотвращалось силой кругового движения из-за вращения Луны вокруг Земли, является старым взглядом, поскольку одна из философских школ древности учит, что земная Луна — это, в действительности, плавающая наверху Земля... Это мнение взято из ионической философии. Это как раз то знание, которое было передано от Фалеса через Анаксимандра и Анаксимена Анаксагору» [9, с. 219].

Позже в этой схолии Ньютон не только утверждает, что Анаксагор считал, что луна обладает массой, как земля, но что «с помощью фикции обо льве, падающего с Луны на Землю, и камня, падающего с Солнца, он учил гравитации Солнца и Луны; с помощью вымысла о поднимающихся камнях он учил силам, противоположным гравитации, в данном случае, центробежной силе вращения» [9, с. 220]. К этому Ньютон добавляет: «Это не означает, что все слова Анаксагора надо воспринимать

буквально. Мистические философы, такие как Орфей, Гермес Трисмегист, Фалес, Пифагор, Анаксагор и многие другие, обычно скрывали от широкой беспринципной публики свои идеи, которые они восприняли от своих учителей, за подобными выдумками и мистическим языком» [9, с. 221].

В начале схолии к предложению VI Ньютон утверждает: «Все тела и вещества, расположенные вокруг земли, включая газы и горящее состояние, а также вообще все другие, притягиваются к земле, и их гравитация пропорциональна количеству материи, из которой они состоят. Этот факт был известен древним» [9, с. 225], а затем продолжает приводить цитаты из аргументов Лукреция о существовании пустоты. В первых двух фразах схолии к предложению VIII Ньютон пишет: «Соотношение, по которому сила гравитации уменьшается по мере увеличения расстояния от планеты, недостаточно хорошо объяснялось древними. Они, похоже, скрыли это соотношение, используя теорию гармонии небесных сфер, посредством которой они изображали Солнце и шесть планет Меркурий, Венеру, Землю, Марс, Юпитер, Сатурн, как Аполлона с семиструнной лирой, и соотносили расстояния между планетами с музыкальными тонами лиры» [9, с. 235]. И опять Ньютон, проведя исследование настройки струн пифагорейской и орфической лиры и соотнеся эту настройку с астрономическими данными конца XVII века, вычислил, что суммарная погрешность древних по пониманию закона обратного квадрата расстояния была не более 30% [8, ч. 3, л. 3r].

Сославшись на свидетельства Плиния, пифагорейцев, Макробиуса, Прокла, Эсхила и Евсевия, Ньютон заключает, что «через этот символ Аполлона с лирой древние указывали, что солнце действует на планеты с определенной силой притяжения в том же гармоническом отношении на разных расстояниях, как сила натяжения на струны разной длины, т.е. в квадратном обратном отношении к расстояниям» [8, ч. 3, л. 3r; 9, с. 225, 235]. Другими словами, древние поняли закон всемирного тяготения с обратным квадратом расстояния, но, как и в случае с тяжестью Луны, скрыли его от публики в образной мифологической фигуре.

В варианте проекта схолии к предложению IX Ньютон предлагает намек на причину всемирного тяготения, где излагает аргументы, которые позже лучше работает в Общей схолии к «Математическим началам» 1713 года. В первых строках этого варианта говорится: «До этого момента я лишь описал свойства гравитации. Я не обращал ни малейшего внимания на его причину. Тем не менее, я хотел бы рассказать о том, что древние думали об этом... Совершенно очевидно, что древние понимали: небеса почти свободны от материи, учитывая распределение материи во Вселенной, но, тем не менее,

как считали древние, наполнены повсюду определенным бесконечным духом, который они называли Богом» [9, с. 241].

Идеи о связи ньютоновства с забытой мудростью древних важны как в рамках самих Классических схолий, так и для Общей схолии (*General Scholium*), добавленной Ньютоном ко второму изданию «Математических начал». Почти наверняка Грегори во время пребывания в Кембридже бросил также взгляд на черновики Общей схолии.

Поездка Грегори к Ньютону хорошо известна и задокументирована обоими участниками, равно как и другими сторонами, но точное время, когда Ньютон доверил своему ученику Грегори саму рукопись Классических схолий «в качестве подарка или кредита» (по словам самого Грегори), неизвестно. Вряд ли он сделал это сразу же в мае 1694 года в Кембридже, поскольку тогда Грегори обязательно отразил бы это в дневнике. Ясно, что это произошло между 1694 и 1704 годами, когда проводилась основная работа по подготовке переиздания *Principia* («Математических начал»).

Ньютон не рассматривал Грегори в качестве редактора *Principia*, возможно, считая его недостаточно ознакомленным со всей системой своей философии. Грегори был важен как специальный агент, который бы распространил идеи Ньютона, но не явно, а как бы тайком, чтобы никто не подозревал, что инициатором такого мероприятия является сам Ньютон. Это становится тем более очевидным, если вспомнить, что около 1702 года Ньютон вообще отказался от идеи вставить Классические схолии во второе издание *Principia*. Трудно сказать, прав ли был Ньютон в своей стратегии двойного подхода к своей потенциальной аудитории, однако, скорее всего, Грегори принес бы намного больше пользы, если бы Ньютон доверил ему быть ответственным редактором *Principia*, поскольку и Николас Фатио де Дюйе, и д-р Ричард Бентли, два перспективных редактора, которых выбрал сам Ньютон, оба потерпели неудачу, и никакого толку от них в подготовке второй публикации *Principia* не было [7, с. 8].

Рукопись Классических схолий, написанную самим Ньютоном, можно найти в работах Грегори, которые после его ранней смерти в 1708 г. попали в архивы Королевского общества (сейчас эта рукопись обозначена как MS. 247, листы 6–14). Помимо этого, Грегори сделал точную копию данной рукописи своей собственной рукой, которая была найдена в конце его *Notae Principiorum*, его комментария к *Principia*, который остался неопубликованным.

В Классических схолиях Ньютон аргументирует, что но не только древняя натурфилософия была во многом

утеряна или искажена на протяжении столетий, и поэтому во времена самого Ньютона кто-то смелый должен был заняться ее восстановлением. Моральная философия также нуждалась в обновлении. И это обновление было, естественно, связано с реформацией в естественной философии. Ньютон пишет по этому поводу строки, которые потом почти дословно воспроизведет в «Оптике», что «если естественная философия во всех ее частях, в конечном счете, будет усовершенствована, границы моральной философии также раздвинутся, поскольку из естественной философии мы можем узнать, что является Первопричиной, какая Власть у Нее есть над нами, и какие выгоды мы получаем от Нее. Если мы восстановим знание обо всем этом, то наш долг перед Богом, а также по отношению друг к другу, нам покажется интуитивно понятным» [11, с. 284].

Также в «Оптике» Ньютон повторит идею Классических схолий, где вновь поднимет вопрос о том, что язычество — это искажение истинной религии, поскольку язычники не интересовались Писаниями либо извратили их и тем самым отошли от первоначальной религии потомков Ноя: «И, несомненно, если бы поклонение ложным богам не ослепило ум у язычников, их моральная философия пошла бы дальше, чем четыре кардинальных добродетели; и вместо того, чтобы учить переселению душ, а также поклоняться Солнцу и Луне и мертвым Героям, они научили бы нас поклоняться нашему истинному Автору и Благодетелю, как их предки действовали при правлении Ноя и его сыновьях, прежде чем они отпали от Бога» [6, с. 405–406].

Да, в своих схолиях Ньютон не скрывает, что «поклонение нашему истинному Автору и Благодетелю» — это предельная цель настоящей моральной и естественной философии.

Для интеллектуального проекта Ньютона, развиваемого в Классических схолиях, важность древних источников несомненна. Для британского богослова и ученого включение древней мудрости в свое видение природы — это намного больше, чем ритуальный пиетет перед традицией; оно представляет собой активное приобщение древней традиции *prisca sapientia* к структуре его собственного понимания природы. Как доказывает Ньютон, понимание традиции древней мудрости включает в себя намного больше, чем просто перечисление сово-

купности предложений, связанных друг с другом в цепи аргументации, или понимание содержания максим древних и их психологии [3, с. 34]. Для него осмысление *prisca sapientia* динамически сбалансировано в когнитивном интерфейсе между различными историческими эпохами. Действительно, для Ньютона традиция — это культурное наследие, которое одновременно и дает возможность, и ограничивает инновационную научную, философскую и богословскую мысль. Она не существует пассивно в прошлом, но активно влияет на интеллектуальную жизнь современной ему эпохи. Таким образом, ньютоновское преобразование реновации мудрости древних в ее инновацию включает в себя активное исследование достижений прошлого умом гения, который не останавливается на достигнутом, но творчески интегрирует древнее знание в контекст современных ему научных данных.

Поэтому можно постулировать, что не просто Ньютон считал, что мысль древних мудрецов до определенной степени дает общее представление о его собственном видении природы, но что существует реальная интеллектуальная связь между ньютоновским прочтением древней натурфилософии и когнитивным содержанием его собственной философии. Таким образом, можно выдвинуть предположение о существовании как слабой связи между древней мудростью и естественной философией Ньютона (то, что традиция *prisca* была частью контекста математики, физики и философии Ньютона), так и сильной связи между ними (то, что содержание математики, физики и философии Ньютона было частично сформировано его прочтением древних авторов). Классические схолии дают нам ключ к пониманию такой связи.

На протяжении большей части своей жизни Ньютон проводил две реформации: одну в естественной философии и другую в религии, что отражено в Классических схолиях. Результаты натурфилософской реформации давно известны миру благодаря их открытой публикации в основных текстах «Математических начал натуральной философии» и «Оптики». Результаты другой не столь очевидны, будучи скрыты в огромном количестве неопубликованных работ Ньютона по теологии. Однако Классические схолии проливают свет на то, каким образом и до какой степени эти две реформации связаны между собой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Cassini P. Newton: The Classical Scholia // *History of Science*. — 1984. — V. 22. — P. 1–58.
2. McGuire J. E. Newton on Place, Time, and God: An Unpublished Source // *British Journal for the History of Science*. — 1978. — № 11/38. — P. 114–129.
3. Newton I. *De Mundi systemate*. — London, 1728. — 120 p.
4. Newton I. Fragments on the kingdoms of the European tribes, the Temple and the history of Jewish and Christian Churches. — *Yahuda Ms.* 28. — 1677.

5. Newton I. Notes on ancient history and mythology. — MSS.Temp3.Miss, Library of the American Philosophical Society, Philadelphia, Pennsylvania, USA. — 1684.
6. Newton I. Opticks. — New York, 1952. — 412 p.
7. Newton I. Sir Isaac Newton's Mathematical Principles of Natural Philosophy and His System of the World. — Los Angeles, 1962. — 680 p.
8. Newton I. Three bundles of notes for a work on the ancients' physico-theology, related to 'Theologiae Gentilis Origines Philosophicae'. — Yahuda Ms. 17. — 1690.
9. Schuller V. Newton's Scholia from David Gregory's Estate on the Propositions IV through IX Book III of his «Principia» // Between Leibniz, Newton, and Kant: Philosophy and Science in the Eighteenth Century, ed. by W. Lefevre. — Dordrecht, 2001. — P. 213–65.
10. The Correspondence of Isaac Newton, ed. by H. W. Turnbull, J. F. Scott, A. R. Hall and L. Tilling. Published for the Royal Society. — Cambridge, 1959–1977. — 1120 p.
11. Westfall R. Never at Rest: A Biography of Isaac Newton. — Cambridge, 2015. — 345 p.

© Шаров Константин Сергеевич (const.sharov@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В РАКУРСЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

MODERN DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF INTERCULTURAL DIALOGUE IN THE PERSPECTIVE OF GLOBALIZATION PROCESSES

V. Yashonkov

Summary. in this article the author presents and compares opinions and statements of various scientists and practitioners of the world community on the topic of «intercultural dialogue», and considers it in the context of modern trends and processes of globalization, and, in the direction of creating a single world space. The Asian region of the post-Soviet space was the basis for the field application of the «intercultural dialogue» method.

Keywords: globalization, dialogue, culture, intercultural dialogue, direction, process, post-Soviet space, development, foreshortening, region, modernity.

Яшонков Виктор Викторович

*Аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХ и ГС при Президенте РФ)
vvy1970@bk.ru*

Аннотация. в данной статье представляются и сравниваются мнения и высказывания различных ученых и практических специалистов соответствующих областей деятельности в рамках всего мирового сообщества по поводу «межкультурного диалога», причём он рассматривается в контексте современных тенденций и процессов глобализации, а также в направлении создания единого мирового пространства. В основу применения метода «межкультурного диалога» лег азиатский регион постсоветского пространства.

Ключевые слова: глобализация, диалог, культура, межкультурный диалог, направление, процесс, постсоветского пространство, развитие, ракурс, регион, современность.

Для выявления, определения и рассмотрения основных векторов развития «межкультурного диалога» на современном этапе развития мирового сообщества этот процесс представляется целесообразным изучать с точки зрения глобализационных процессов. Причина этого проста и понятна: процессы глобализации на сегодняшний день во многом определяют жизнедеятельность всего мирового сообщества, поэтому особенно важно то, что и позитивные, и негативные аспекты состояния этого пространства на сегодняшний день напрямую связаны именно с глобальными аспектами как социальных, так и иных трансформаций нашего мира. Эти трансформации, которые констатируются в реалиях настоящего времени, дают основания для организации и осуществления диалоговых процессов между сообществами различных культур, т.е., фактически сам «межкультурный диалог» и представляет собой сущность межкоммуникационных взаимодействий в контексте развития мирового сообщества. Естественно, что мировое научное сообщество деятельно исследует эти процессы и на основе их результатов создает как краткосрочные, так и долгосрочные прогнозы его дальнейшего развития [1, С. 122–136].

Еще *В. И. Вернадский* в своем научном труде под названием «Философские мысли натуралиста», изданном в Москве в издательстве «Наука», высказал мысль о том, что: «Впервые в истории человечества мы находимся в условиях единого исторического процесса, ох-

ватившего всю биосферу планеты. (...)...закончились сложные (...) ... исторические процессы, которые (...)... создали единое (...)... целое» в мировом сообществе[6].

С. Л. Франк в своей статье «Духовные основы общества», опубликованной лишь в 1992 г., высказал мнение о том, что: «Человечество (...)...живет некоей общей жизнью (...)... а Запад и Восток, мир христианский, магометанский (...)...находится в непрерывном и тесном общении» [5];[9, С. 312].

Вслед за этими высказываниями известных философов, разделяемых автором данной статьи, следует особо отметить тот факт, что на современном этапе развития мирового сообщества ведущим вектором процессов его единения, т.е.— глобализации стал именно «межкультурный диалог», несмотря на все трудности и неоднозначный характер его осуществления. Именно он, как «диалог культур», *являет собой в целом процессы осуществления* взаимного действия, происходящие на уровне взаимодействий представителей совершенно различных человеческих сообществ, причём основанных на столь же различающихся аксиологических основах. Итогом такого диалога чаще всего и становится взаимопроникновение культур на всех уровнях и в том числе — на ценностном. Также при этом необходимо отметить, что такое взаимодействие при «межкультурном диалоге» этим уровнем не ограничивается, осуществляется ещё и на других, а именно:

- ◆ *Уровень 1 — «Этнический».* Межкультурный диалог в контексте этого уровня осуществляется с позиций различных этносов (наций народов, народностей).
- ◆ *Уровень 2 — «Национально-государственный».* На этом уровне межкультурный диалог происходит при взаимодействии представителей не только различных национальных сообществ, но и разных государств.
- ◆ *Уровень 3 — «Цивилизационный».* В этом случае межкультурный диалог идёт в пространстве различных локализованных цивилизаций.

Следует заметить, что это ещё не есть полное представление межкультурного диалога, который также может реализовываться в таких формах, как:

- ◆ *«Смешение (ассимиляция) культур» (Форма № 1).* Это происходит при условии протекания такого процесса, при котором в итоге какой-либо народ (этнос) теряет некоторые свои специфические черты, замещая их характерными и распространёнными в рамках другого народа (этноса) особенностями.
- ◆ *«Объединение (интеграция) культур» (Форма № 2).* Характеристической особенностью этой формы является то, что происходит не просто смешение, а интеграция, т.е. осуществляется процесс, при котором аксеологическая система какого-либо общества «принимается» в систему другой культуры, иных ценностей — на равных с прочими категориями. Происходит широко известное ныне и приветствуемое во всём мире «взаимопроникновение» различных культур.
- ◆ *«Расхождение (дивергенция) культур».* (Форма № 3). Данное явление жизнедеятельности обществ и их культур происходит тогда, когда осуществляется не только проникновение и интеграция различных культурных основ, но и идёт обратный процесс, фактически исключающий восприятие и привнесение каких-либо культурных явлений из одного общества в другое, что, следует заметить, тоже иногда встречается в современном мире.

Итак, рассмотрев различные уровни и формы взаимодействия разных культур, сделаем вывод о том, что с точки зрения диалогового общения между диаметрально-противоположными культурами и, особенно, конфессиями, а также — в итоге — и между цивилизациями, диалог представляет собой единственное позитивное направление по созданию действительно глобального и единого человеческого сообщества на нашей планете в его темпоральном измерении.

Также необходимо отметить, что осуществление «межкультурного диалога» в поле современности

по самым различным вопросам в рамках совершенно разных сфер деятельности (политики, культуры, социального развития, религиозного понимания, сохранения экологии и т.д.) даёт нам возможность преодолеть вековые предубеждения и «отторжения» (невосприимчивости и непонимания) многих современных сообществ. Современных не с точки зрения уровня их развития, что крайне важно, а с точки зрения их наличествования в данный момент времени на планете. Такой диалог, в свою очередь, в силу объективных причин «стирает» сложившееся непонимание и даёт основания для пусть и начального, но развивающегося в направлении ближайшего будущего объединения народов, наций и отдельных личностей. И самое главное — «межкультурный диалог», в первую очередь, ставит своей целью выработку общемирового аксиологического множества, в котором все его компоненты смогли бы стать общепризнанными, то есть — «общечеловеческими» как в жизнедеятельности любого современного общества, в его культуре, в экономике, политике и, что особенно важно, даже в религии. На этой последней компоненте следует остановиться подробнее.

Отметим следующее, а именно то, что даже при наиболее близкой нам «так называемой» общеевропейской ментальности, основанной на христианских верованиях и соответствующих им ценностях, «межкультурный диалог» между европейскими и иными странами и их представителями в системе современного взаимодействия несёт в себе черты неполного восприятия и понимания участников диалога, т.е., по сути дела — он затруднен и осложнён, и иногда весьма значительно. Но если его рассматривать по отношению к азиатским социальным сообществам Центральной Азии, Ближнего и Дальнего Востока, Китая, Японии, Северной и Южной Кореи, Гонконга и т.д.— он, подчас, просто невозможен из-за расхождений в конфессиональных основаниях между Западом и Востоком. Но нам представляется, что такой ситуации не должно быть в принципе, так как она приводит как к локальным, так и широкомасштабным и не только «холодным», но порой и достаточно «горячим» столкновениям.

Необходимо также отметить, что бывшие советские азиатские республики, национальные среднеазиатские округа и т.д., на данный момент времени вызывают огромный интерес со стороны самых разных стран в мире в контексте возможного сотрудничества и создания так называемых «специальных зон», наделенных огромными социальными, торговыми и иными привилегиями, которые, конечно же, невозможны без полноценных межкультурных диалогов с вытекающими отсюда при правильном подходе и соответствующей организации взаимодействия позитивными результатами для всех сторон межкультурного диалога.

Исследуя исторический этап развития нашей страны в ретроспективе, а точнее с конца 70-х до середины 80-х гг. XX века, следует отметить, что именно он явился основанием для систематического проведения «Исфаринских Фестивалей Молодежи» в контексте Программы «Молодежь современной Азии», проводимых руководством союза советской молодёжи — Центрального Комитета ВЛКСМ. На этих мероприятиях, как правило, осуществлялось как культурное и профессиональное, так и экономико-политическое взаимодействие представителей многих азиатских стран и различных регионов мира, и конечно же, посредством осуществления разнопрофильного и многоуровневого «межкультурного диалога», в том числе, и в предельно широкой, расширительно понимаемой и обобщенной форме. Начались эти диалоги, в первую очередь, только между представителями советских азиатских республик, а, во вторую, с 1985 г., к ним присоединился Афганистан и представители других стран центральной Азии. Разумеется, все указанные мероприятия, осуществляемые при непосредственной заинтересованности в общении всех их участников, положили начало процессам их объединения и увеличения уровня взаимопонимания.

Если рассматривать процессы «выживания» азиатских республик в контексте исторического процесса, то возможно сделать вывод о том, что этот регион нашей в прошлом единой страны, ставший в настоящее время Ближнем Зарубежье, смог сохранить свои культурные особенности и региональную специфику только благодаря таким процессам интеграции аспектов многих культур, как:

- ◆ различных социумов;
- ◆ определенного уровня приемлемости друг друга;
- ◆ широкому многообразию наций, этносов;
- ◆ слиянию различных традиций, обычаев и т.д.;
- ◆ мирному «сосуществованию» конфессиональных основ различных культур и т.д.

Все эти аспекты представляют собой то основание, вокруг которого и происходят процессы общественного объединения по самым разным основаниям. Посмотрим на этот процесс глазами учёных.

Так, К. Хафизова в своём исследовании, посвященном Восточной и Центральной Азии в контексте цивилизационного межкультурного диалога, опубликовавшая результаты своей работы в журнале «Экономические стратегии в Центральной Азии» ещё в 2007 г., обратила внимание на то, что только жизненный опыт населения разных стран в течение многих веков существования и трансформации социума и культуры Азии дал основу для определения данного региона

как возможной общемировой площадки для осуществления межкультурных диалогов. По мнению данного исследователя, именно сегодня «...созданы новые условия для гуманитарно-культурного сотрудничества, которое является частью цивилизационного диалога»... И поэтому возможно констатировать, что на данном этапе развития и нашей страны, и постсоветских азиатских государств, происходят процессы формирования так называемых систем «Новых коммуникаций нового тысячелетия», а также осуществляется практически само расширение нового «экономического сотрудничества», усиливаются многосторонние культурно-политические взаимодействия в системе как региональных, так и всемирных организаций, например, «Комиссии по культуре и образованию» ООН («The Commission on Culture and Education» of the United Nations). Тем самым межнациональные и межкультурные диалоги самых разных наций и народов не только не прерываются, но и приобретают черты новых векторных направлений в условиях глобалистических процессов современности[10, С. 16–23].

Такой вывод вполне обосновывается тем, что существуют и продолжают развиваться такие компоненты межкультурного диалога, как:

- ◆ продолжает действовать классически-традиционная полиэтничность и поликультурность среднеазиатского региона евразийской ойкумены;
- ◆ сохраняются обычаи и национальные традиции мирного сосуществования;
- ◆ достигается равновесие экономико-политической и культурной организации и пр.

Самым главным условием соблюдения этих условий предстает система общих глобальных систем научного и обыденного знаний, реализующей не только свое прямое предназначение, но и черты межкультурной коммуникативной диалогичности. При этом в предотвращении проявлений нетерпимости, дискриминации, некоммуникабельности в сфере своего социального сообщества знания и представляют собой то основание, на котором и строится мирное благополучное сосуществование различных этносов.

Если же рассматривать межкультурный диалог нашей страны с азиатским и другим миром в контексте глобализации, то необходимо отметить появление на данном этапе развития мирового сообщества и новых тенденций, среди которых:

- ◆ Организация и проведение «Фестивалей», «Форумов», «Встреч» и т.д. в мировом пространстве.
- ◆ Руководство данными процессами осуществляется «Комитетом по культурному разнообразию и диалогу со странами Азии», базирующемся в штаб-квартире ЮНЕСКО.

- ♦ Введение в мировой событийный календарь такого дня, как «Всемирный день культурного разнообразия «Во имя диалога и развития»» и т.д.

В выступлении генерального директора ЮНЕСКОК. Матсура, который выступил на одном из таких мероприятий, прозвучали следующие слова, характеризующие и фиксирующие факт наличия межкультурного диалога в мире: «Россия, Азия, Африка, Америка, Австралия представляют собой наш мир и являются уникальными пространствами, где веками пересекались разные цивилизации, уживались различные религии, верования... Установление диалога между этими культурами, между наследниками различных традиций суть важная задача современности» [2].

Таким образом, организация и проведения самых разных и по уровню, и по значению, и по численности участников мероприятий такого рода, способствуют развитию межкультурного диалога в контексте налаживания взаимоотношений между разными народами, странами и этносами[11].

Особенно важно отметить такой факт, который свидетельствует о том, что сейчас в нашем мире ценности социально-культурного наследия имеют большое значение как с научной, так и с общечеловеческой точки зрения. Например, проявляется насущная необходимость подвергнуть исследованию самые разные области и сферы общественной жизни для того, чтобы понять и использовать в наше время опыт создания, например, народами Азии их многогранной самобытности.

Известно, что весь процесс эволюции человеческого общества представляет собой диалог как между различными культурами, так и между членами соответствующих социальных сообществ. Поэтому сегодня межкультурный диалог «вплетён» во всю нашу жизнь и представляет собой насущнейшую потребность социумов во взаимодействии, взаимопомощи и взаимообогащении. Сам «межкультурный диалог» — это объективная реальность и фактор общемирового процесса глобализации на основе объединения всех народов и культур. Так как в диалоге культур подразумевается взаимное понимание, а в нём — поиск общности, схожести и равенства, то только по ходу формирования и развития «межкультурного диалога» возможно достижение всех этих целей.

М.М. Бахтин в своём труде «Эстетика словесного творчества», опубликованного — в переиздании — в 1986 г. отметил, что: «...взаимопонимание столетий и тысячелетий, народов, наций и культур обеспечивает сложное единство всего человечества...» [3].

Поэтому не существует «единой мировой культуры, но имеется единство всех человеческих культур», кото-

рое и способствует формированию «единого человечества», как бы парадоксально это не выглядело сейчас, в наши дни в конце второго десятилетия второго тысячелетия[7].

Существующая с 7 мая 2008 г. так называемая «Белая книга по межкультурному диалогу» даёт такое объяснение международному аспекту «межкультурного диалога»: «Современная геополитическая ситуация иногда описывается как существование взаимоисключающих цивилизаций, борющихся за относительные экономические и политические преимущества в ущерб друг другу. Концепция межкультурного диалога может помочь преодолеть стереотипы, вытекающие из такого взгляда на мир, потому что она подчеркивает, что в условиях глобализации, отличительными чертами которой являются миграция, растущая взаимозависимость и легкий доступ к международным СМИ и новым информационным сервисам (Интернет), культурные самоидентификации становятся все более сложными. Они накладываются одна на другую и содержат элементы из множества разных источников. Наполнение международных отношений духом межкультурного диалога является продуктивным в этих новых условиях.

Таким образом, межкультурный диалог может способствовать предотвращению и урегулированию конфликтов и оказывать поддержку примирению и восстановлению общественного доверия» [4].

Обращаясь к Предисловию к «Белой книге» Совета Европы по межкультурному диалогу, следует отметить, что сам этот документ представляет собой результат многолетней исследовательской деятельности в контексте «межкультурного диалога». В этой деятельности проявились исследования на уровне:

- ♦ продолжительных советов разных государств, являющихся членами «Совета Европы»;
- ♦ различных организаций гражданских сообществ;
- ♦ религиозных объединений;
- ♦ объединений и сообществ мигрантов;
- ♦ муниципальных и региональных ветвей властных структур;
- ♦ индивидуально-личностными представителями разных культур и т.д.

Исходя из вышеизложенного, возможно сделать вывод, что «межкультурный диалог» представляет собой насущную необходимость для современного этапа развития мирового сообщества, ибо в многообразном и незащищенном мировом сообществе необходимо вести диалог «над» поверхностью этнических, религиозных, языковых и национальных разделительных линий, чтобы обеспечить социальную сплоченность и предотвратить конфликты мирового сообщества.

Сквозным лейтмотивом всей рассматриваемой «Белой книги» является идея «межкультурного диалога», который не даст большого и значимого результата, если смотреть на него вне совокупности таких аспектов жизнедеятельности современного мирового сообщества, как: «демократия», гражданское общество и исполнения Законов. Но то, что декларирует сама «Белая книга», все ее основные положения — это пока ещё предстоит реализовывать в практике общественно-социального пространства, проводя мониторинги и поднимая «межкультурный диалог» на уровень повседневной жизни каждого локального социума.

Учитывая это, заметим и согласимся, что «межкультурный диалог», представляя собой бесконечный процесс, является определенным этапом на пути формирования совершенно новой и социальной, и культурной модели деятельности различных сообществ, которые должны быстро реагировать на весь комплекс изменений в трансформирующемся мире.

Учёные сегодня так представляют идею межкультурного диалога: «Диалог — это общение с культурой, реализация и воспроизводство ее достижений, это обнаружение и понимание ценностей других культур, способ присвоения последних, возможность снятия политической напряженности между государствами и этническими группами. Он — необходимое условие научного поиска истины и процесса творчества в искусстве. Диалог — это понимание своего «Я» и общение с другими. Он всеобщ и всеобщность диалога общепризнанна во всем мировом сообществе» [8, С. 9–23].

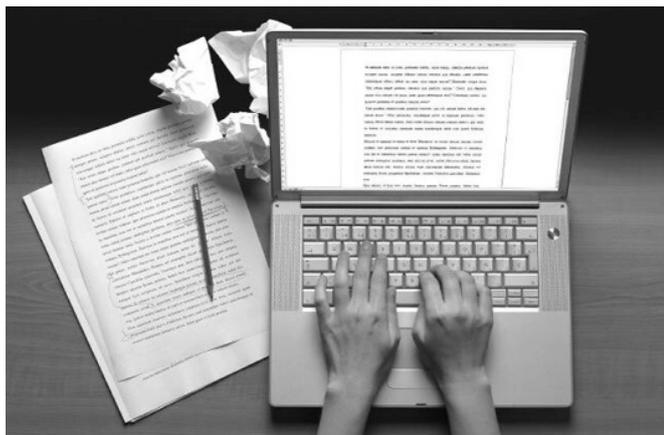
Итак, рассмотрев современные направления развития «межкультурного диалога» в контексте глобализационных процессов в мировом сообществе, отметим, что сегодня, в наше более чем напряжённое и беспокойное время, очень важен сам факт наличия и реализации «межкультурных диалогов», поскольку именно они позволяют видоизменять вклад в мировую общность каждого народа и каждой культуры — как в настоящем, так и в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астафьева О. Н., Козловцева Н. А. Государственная политика в сфере русского языка в контексте Русского мира // Знание. Понимание. Умение. 2017. — № 3. — С. 122–136.
2. Бабаджанова М. М. Межкультурный диалог в современном мире. — Душанбе: «Ирфон», 2015. — 170 с.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров; Текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; Примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. — 2-е изд. — М.: «Искусство», 1986. — 445 с.
4. «Белая книга» по межкультурному диалогу «Жить вместе в равном достоинстве». Утв. министрами иностр. дел стран-членов Совета Европы на 118-й сессии Комитета министров. Страсбург, 7 мая 2008 г. — М., 2009.
5. Буббайер Ф. С. Л. Франк: Жизнь и творчество русского философа. 1877–1950. Перевод с английского языка Л. Ю. Пантинной М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. — 328 с. (Серия «Люди России»).
6. Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. — 520 с.
7. Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып. 1. Составитель и ответственный редактор С. М. Прозоров; Указатели А. А. Хисматулин; Научные консультанты: О. Ф. Акимущин, А. Б. Халидов. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. — 159 с.
8. Сайко Э. В. О природе и пространстве «действия» диалога // Социокультурное пространство диалога. — М., 1999. — С. 9–32.
9. Франк С. Л. Духовные основы общества. М.: «Республика», 1992. — 312 с.
10. Хафизова К. Восточная и Центральная Азия в диалоге цивилизаций // Новый миропорядок. — «Журнал Экономические стратегии — Центральная Азия». — М., 2007. — № 5. — С. 16–23.
11. The Festival on Cultural Diversity and Dialogue in Central Asia. — Paris, 2005. (Фестиваль культурного разнообразия и диалога в Центральной Азии. — Париж, 2005).

© Яшонков Виктор Викторович (vvy1970@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАШИ АВТОРЫ

OUR AUTHORS

Andrianova G. — Middle School of General education, (Taganrog)
galina_andrianova@bk.ru

Bogdanova M. — Post-graduate student, Russian Academy of National Economy and State Service under the President of the Russian Federation
mirrabogdanova@gmail.com

Burkova L. — Moscow state university named after M.V.Lomonosov
lvburk@mail.ru

Divid N. — Assistant professor, Russian State Academy of Intellectual Property
ninadivid@mail.ru

Efimova V. — Far Eastern Federal University (Vladivostok)
lt-v@mail.ru

Fedotova A. — Leading specialist, The State Russian Museum
fedotova.ohmr@yandex.ru

Kibal'chenko I. — Southern Federal University
kibal-irina@mail.ru

Kovtun G. — Far Eastern Federal University (Vladivostok)
kogala@yandex.ru

Krasnova R. — Post-graduate student of Stroganov Moscow State University of Arts and Industry, Moscow, Russia
regi.crasnova@yandex.ru

Krasnov R. — Ural State University of Economics
krasnovrv@usue.ru

Kryukova L. — Candidate of philological sciences, associate professor, State Musical and Pedagogical Institute named after M.M. Ippolitov-Ivanov (Moscow)
l.s.kryukova@mail.ru

Matveeva A. — Ural State University of Economics
ctig.usue@mail.ru

Novichihina I. — Graduate student, Moscow humanitarian university
ira575@icloud.com

Petrova S. — Academy of marketing and socially-information technologies, Krasnodar
Sofya8888@yandex.ru

Petrov I. — Academy of marketing and socially-information technologies, Krasnodar
IgorPetroff@yandex.ru

Pyatnikova T. — Beloyarskiy branch Ob-Ugric Institute of applied research and development, Beloyarskiy
toma.pyatnikova@mail.ru

Raspopin E. — Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation (Yekaterinburg)
ev73@mail.ru

Samakovskaya O. — Kemerovo state Institute of culture
Olesya_20032003@mail.ru

Sharov K. — PhD (Philosophy), Senior Lecturer of M. V. Lomonosov Moscow State University
const.sharov@mail.ru

Sizikova T. — Novosibirsk state pedagogical University
tat@ccru.ru

Sudakova N. — The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow)
sovetnik.imtp@mail.ru

Tlemisova A. — Post-graduate student of the Yaroslav State University named after P. G. Demidov
aliya_tlemisova@mail.ru

Udalova E. — Assistant professor, Russian State Academy of Intellectual Property
udalovaea@mail.ru

Wu L. — Postgraduate student, Herzen State Pedagogical University of Russia
wuliyang501@foxmail.com

Yashonkov V. — Graduate student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
vvy1970@bk.ru

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).

